

ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВИКТОРИЯ АНТОНОВА

**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ:
ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА
И КУЛЬТУРНЫЙ КОД
СОВРЕМЕННОСТИ**

Москва
2012

ББК 60.5
С 69

*Издание подготовлено при поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров*

М 90 В. Антонова. **Мультикультуризм**. М.: ООО «Вариант»,
ЦСПГИ, 2012. 118 с.
ISBN 978-5-903360-81-9

ISBN 978-5-903360-81-9

© Антонова, 2012
© ЦСПГИ, 2012
© ООО Вариант», 2012

ООО «Вариант»
115093, г. Москва, ул. Б. Серпуховская, 44-19
E-mail: a1605@mail.ru

Подписано в печать: 17.12.2012.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печ. листов 7,38. Тираж 150 экз.
Заказ №150.

Отпечатано в ООО «Вариант»
115093, г. Москва, ул. Б. Серпуховская, 44-19.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Раздел 1. Типологизация теоретико-методологических оснований мультикультурализма.....	7
Раздел 2. Возможность проявления мультикультурного компонента в этносоциальной политике: опыт Саратова и Перми.....	36
Раздел 3. Социально-культурные предпосылки возможности реализации политики культурного многообразия в России.....	44
Раздел 4. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии с позиции современных вызовов мультикультурализма.....	51
Раздел 5. Социальная политика Великобритании: фокус на этнокультурном многообразии.....	73
Раздел 6. Британский Совет: Межкультурная интеграция и управление многообразием.....	91
Заключение.....	100
Список источников.....	105

ВВЕДЕНИЕ

Для использования культурного многообразия на благо развития общества, российскому государству, необходимо, с одной стороны, переосмыслить свой исторический опыт регулирования межнациональных отношений, и, с другой, повысить мультикультурную компетентность управленческих кадров, обеспечивающих реализацию национальной, культурной и социальной политики. Адаптация принципов мультикультурализма на российской почве возможна через разработку новых основ современной политики интеграции, которые согласуются с передовыми европейскими и общемировыми тенденциями, способствуют созданию единого социально-культурного пространства, Отечественные перспективы обеспечения уважения и признания культурного многообразия на институциональном уровне зависят, в том числе, от совместных продуманных действий со стороны различных субъектов, формирующих стратегии реальных изменений в области национальной, культурной и социальной политики.

Актуальность изучения возможности применения принципов мультикультурализма в российском социуме и его социальных институтах, в том числе – институте государственной службы, – обусловлена еще и тем обстоятельством, что в новом тысячелетии принципиально меняются мировые стандарты управления, появляются множественные центры власти, являющиеся следствием «выравнивания» властной иерархии, продолжающаяся глобализация генерирует идеи двух- и даже многонациональных парламентов. Становление и современное развитие института государственной службы как в Российской Федерации, так и в иностранных государствах является в последнее время объектом пристального внимания отечественных и зарубежных ученых. Большинство стран мира сегодня характеризуются культурным многообразием, которое все чаще служит основанием важных и потенциально

таящих в себе противоречия и конфликты вопросов. Культурные меньшинства и представители мажоритарных культур отстаивают свои позиции с точки зрения языковых прав, региональной автономии, представленности в политических партиях и органах управления, требований к учебным программам школ и вузов, иммиграционной политики и даже национальных символов в виде права выбора национального гимна и общегосударственных праздников. Среди культурных групп, заявивших о себе в том числе как субъектах социальной политики, - женщины, «видимые меньшинства», аборигенные/коренные народы, инвалиды.

Изучение процессов взаимодействия этнического большинства с представителями национальных меньшинств в поликультурных регионах России никогда не переставало быть по-настоящему актуальным. Со времен образования советского государства до наших дней, так называемый «национальный вопрос» пережил несколько трансформаций. Однако всякий раз он тем или иным образом затрагивал социально-экономический статус русского народа и национальных меньшинств, предлагал более современную трактовку «права наций на самоопределение», подвергал анализу декларируемое равенство русского большинства и национальных меньшинств в вопросах доступа к образованию, социальным благам, участию в управлении государством.

Вместе с тем, новые социальные процессы, происходящие в России эпохи постмодернизма, и связанные с изменением сущности и ценности социальной и национальной идентичностей, оказываются надежно связанными, как еще недавно казалось, уже потерявшими силу стереотипами, опасениями, привычками. Сегодня процессы глобализации и вхождение России в мировое экономическое и культурное пространство на правах нового демократического государства требуют снова обратиться к вопросам управления этнокультурным многообразием России и ее регионов. В случае, когда непосредственно население и неправительственные организации как активные участники гражданского общества не имеют достаточно весомого влияния на формирование положений политики в сфере национальных отношений, на первый план выходят мнения и действия лиц, обладающих властными полномочиями, принимающих решения от лица и на благо всего общества.

Задавая тон исследованиям в различных отраслях науки, – политологических, социологических, педагогических, психологических, – проблемы инклюзии в современном российском обществе приобретают «не только очевидный дискурс гражданственности, цивилизованности государства», но предлагают рассматривать инклюзию как «принцип социального государства и гражданского общества, причем в контексте постиндустриального общества как

развития сектора услуг и информации, новых типов ресурсов, модификации социальной структуры» [Инклюзия как принцип ... , 2008. С. 6]. Мы предлагаем взглянуть на концепты социальной эксклюзии и инклюзии в их современном прочтении с позиций вызовов глобального общества, прежде всего – вызовах мультикультурализма,- фиксирующих внимание не только на структурных неравенствах, но и на культурных, идеологических, поведенческих аспектах, отвечающих за маргинальное состояние тех или иных групп, сообществ, индивидов. На примерах западных и отечественных политик, инициатив, практик, направленных на просвещение общества в вопросах социальной инклюзии и привлечение внимания к все увеличивающимся количественно основаниям социальной эксклюзии, раскрывается первостепенная роль индивида в наращивании «капитала преодоления разрывов» с тем, чтобы в рамках деятельностной парадигмы устанавливать отношения доверия, способствующие продвижению в обществе социальной интеграции. Определенный акцент сделан на процессах социальной инклюзии мигрантов и в целом на возможности социальной инклюзии в мультикультурном обществе.

Привлекая опыт еще одного мультикультурного государства – Великобритании – мы также осуществим попытку показать, как единство и борьба противоположностей мультикультурализма может, на наш взгляд, помочь в формировании гармоничных социально-экономических, политических, этнокультурных условий для развития мультикультурного общества. Будет проанализирован современный контекст академической и общественно-политической дискуссии по вопросам мультикультурализма с использованием статистических данных, материалов средств массовой информации и результатов недавних исследований ведущих британских ученых в сфере этнических отношений. Возможно, как будет показано в настоящей работе, совсем не американский «плавильный котел», а противоречивый британский мультикультурализм в форме социальной политики послужит созданию общества «*e pluribus unum*».

РАЗДЕЛ 1.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

В настоящем разделе мы проведем социологический анализ понятия «мультикультурализм» и представим его авторскую интерпретацию, предложим проследить динамику синтеза понятия «мультикультурализм». В вопросах уточнения дефиниций мы будем использовать категории, которыми оперирует социология, этносоциология, социология управления. Надо сказать, что, несмотря на довольно активное изучение опыта мультикультурных стран в решении вопросов межэтнического взаимодействия, проблем управления в полиэтничной среде до сих пор не выработано более или менее четкого определения понятия «мультикультурализм».

Развитие и реформирование института государственной службы на современном этапе и в России и за рубежом является одним из приоритетных направлений научных исследований отечественных и зарубежных ученых – философов, политологов, социологов, специалистов в области государственного управления, кадрового менеджмента. Культивирование различий в обществе с целью более гармоничного его развития, требует от государства и государственной службы переосмысления основных ее принципов, подходов к процессу найма и обора кадров, к механизму управления персоналом государственных служащих. Мультикультурализм чувствителен к этническому и культурному многообразию – таковой должна стать и государственная служба мультикультурного общества.

Новые социальные реалии, связанные с этнокультурными и демографическими сдвигами, с глобализацией, ярко выраженной прежде всего в сфере экономических отношений, с массовыми миграциями в конце XX - начале XXI, века нашли воплощение в мультикультурализме. Функционирование института государственной службы в мультикультурных обществах, влияние мультикультурализма на принципы государственной службы, на процесс формирования кадрового корпуса государственных служащих, на подготовку государственных служащих должно быть изучено с целью выяснить глубину и социальный характер этого влияния.

Пожалуй, одним из первых социальных философов, осознавших разнообразие во всем, что касается людей и общественных явлений, был Ш. Монтескье. Исходя из разнообразия явлений жизни людей, Монтескье приходит, хотя и с трудом, к их единству, заключая, что «в каждом различии есть единообразие, и в каждом изменении – постоянство» [Монтескье, 1955: 164].

Сегодня проблематика культурного плюрализма, являющаяся неотъемлемой чертой постиндустриального этапа развития общества, является чрезвычайно актуальной и интересной, в том числе и для российских исследователей. Большинство работ по указанной тематике относятся к философским, политическим или историческим научным специальностям. Социологический контекст плюралистских обществ, с присущими им социальными характеристиками, особенностями государственного управления в этих обществах еще недостаточно изучен. В основном исследования, которые хотя бы косвенно можно отнести к сфере мультикультурализма, касаются вопросов национальных и федеративных отношений, как в России, так и за рубежом. Ярким примером подобного ряда работ можно считать работы известных отечественных социологов, этносоциологов, философов Р. Абдулатипова, Ю. Арутюняна, Л. Дробижевой, В. Малахова, Э. Паина, А. Сусоколова, В. Тишкова [Абдулатипов, 1996; Тишков, 1997; Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1997; Малахов, 2012]. Работы указанных авторов раскрывают понятия нации, этноса, этничности, рассматривают проблему суверенитета и межэтнических отношений, возможности гармонизации межэтнических отношений в субъектах Российской Федерации, а также принципы социального управления межэтническими отношениями. Кроме того, упомянутые ученые рассматривают специфику субъектно-объектных отношений между федеральным центром, субъектами РФ, национально-культурными автономиями. Мы не встретим в указанных работах термин «мультикультурализм» применительно к российской действительности. Исследователи обычно обозначают, например, субъекты федерации как «сложносоставные», практически заимст-

взя терминологию А. Лейпхарта [Лейпхарт, 1997. С. 287] (оговоримся, что в оригинале Лейпхарт употребляет термин “plural societies”, что можно перевести как «плюралистские общества», а в переводном издании 1997 г. они звучат как «многосоставные общества» - В.А.). Малая изученность особенностей государственного управления в мультикультурных обществах в отечественной научной литературе, не всегда корректное использование публикаций на иностранных языках, особенно в части терминологии, привносит в и без того сложный для анализа объект дополнительную путаницу.

Как мы уже говорили, значительный интерес проявляется отечественными и зарубежными историками и политологами к мультикультурализму как явлению политической жизни. Н. Глейзер, например, справедливо отмечает, что мультикультурализм охватил прежде всего государства с иммигрантскими основами, такие как Австралия, Канада и США. Одновременно мультикультуралистские тенденции набирают силу и в странах Европейского Союза, таких как Великобритания, Франция, Германия. Элементы мультикультурализма можно обнаружить и в России. Причем практически везде мультикультурализм обладает изрядной долей специфики [Глейзер, 1998. С.103]. Рядом авторов осуществляется типологический анализ взглядов американских консерваторов на мультикультурализм, раскрываются его оттенки и нюансы в неоконсервативной интерпретации [Smith, 1995]. Поскольку предмет настоящего исследования в том числе, является влияние мультикультурализма на формирование, функционирование и реформирование социального института государственной службы в США, Канаде и Российской Федерации, на первом шаге следует осуществить попытку разобраться, что представляет собой мультикультурализм с точки зрения общества и социального института госслужбы, каков генезис мультикультурализма в США и Канаде, каково содержание этого понятия, какова социальная природа мультикультурализма.

Практически все страны мира, будучи мультикультурными, лицом к лицу сталкиваются с группами, представляющими этнические меньшинства, и требующими признания их национальной идентичности и приспособления к их культурным различиям. Многие современные авторы именно в этом видят главную особенность и фундаментальное отличие мультикультурализма [McIver, 1998; Smith, 1995; Grillo, 1998]. Однако, на наш взгляд, следует отметить, что термин «мультикультурализм» сам по себе предстает как обличье разнообразных форм культурного плюрализма, каждая из которых имеет свою собственную специфику и влечет за собой уникальные фундаментальные изменения во всех

сферах жизни общества [Kumlicka, 1995], и прежде всего – в социальной.

Для того, чтобы выявить функциональную природу мультикультурализма, обозначить его черты как важнейшего социального фактора, государственного и культурного регулятива, на наш взгляд, наиболее продуктивным было бы обращение к идеям П. Сорокина о влиянии социальной среды и социальных факторов на общественную жизнь [Сорокин, 1994]. Сорокин определяет материальную культуру, окружающую человека, духовную атмосферу социальной среды, общественно-политическую организацию группы, явление власти, явление солидарности внутри группы как «сложные социально-психические факторы», суммарно рассматривая их под рубрикой «социальной среды как фактора» [Сорокин, 1994. С. 134-135]. Значит, мультикультурализм даже как набор различных социальных групп, выделенных по этническому или национальному признаку, представляет элемент социальной среды как фактора. Более того, влияние этого фактора переживается людьми не как стеснение свободы, а напротив - как проявление свободы, а точнее – «свободы воли», так как согласно Сорокину, «поступать свободно и чувствовать себя свободным – значит жить согласно с тем, к чему побуждают каждого его социально-психические раздражители» [Сорокин, 1994. С. 134-135], к которым мы и отнесли мультикультурализм в самом примитивном его понимании. Таким образом, влияние подобного социального фактора воспринимается людьми как освобождающее и здесь кроется иной смысл, который мы вкладываем в понятие «мультикультурализма». Но прежде, чем мы определим его, обратимся к истории зарождения самого анализируемого термина.

История термина «мультикультурализм» довольно коротка. Если справиться в *Longer Oxford English Dictionary*, то согласно этому изданию термин «мультикультурализм» произошел от термина «мультикультурный», который вошел в достаточно общее употребление лишь в конце 50-х годов в Канаде. Организация стран европейского развития, например, впервые сослалась на этот термин, взяв его из описания Монреаля в газете *Montreal Times* в июне 1959 г., где Монреаль описывается как «мульти-культурное, мульти-язычное общество». Использование дефисов как раз и указывает на новизну обоих составных понятий. Согласно той же организации стран европейского развития, впервые термин «мультикультурализм» уже без дефиса был употреблен в докладе Канадского правительства «Промежуточный отчет Королевской комиссии по вопросам двуязычия и бикультурализма» (*Preliminary Report of the Royal Commission on Bilingualism and Biculturalism*), опубликованном в 1965 году. Как точно был определен мульти-

культурализм в этом документе, остается неясным. Можно утверждать, что мультикультурализм в Канаде – это прежде всего политический термин, ассоциирующийся с государственной политикой. Если говорить проще, то канадский мультикультурализм предполагает официальное признание существования различных этнических групп внутри границ государства, и в нем (в мультикультурализме – В.А.) проявляется озабоченность и внимание правительства к вопросам ущемления прав и равенства, за решение которых государство несет ответственность перед своими гражданами [Stratton & Ang, 1998].

Попытаемся все же определить понятие «мультикультурализма», исходя как из отечественных, так и из западных источников. «Мультикультурализм (multiculturalism) - признание культурного плюрализма и содействие ему. ...Мультикультурализм стремится защищать культурное разнообразие (например, языки меньшинств), одновременно сосредоточиваясь на часто неравных отношениях меньшинства к главенствующим культурам» [Большой толковый социологический словарь, 1999. С. 445]. Такое определение дается в большом толковом социологическом словаре. Справедливости ради заметим, что другое солидное издание, социологический словарь на 4-х языках, вообще не содержит толкования подобного термина. Зато он, на наш взгляд, очень демократично определяет «меньшинство» (minority) – во-первых, как «менее половины какой-либо совокупности»; во-вторых, как «социально значимую часть населения, отличающуюся по национальности, религиозным и другим признакам от доминирующего большинства»; в-третьих, как «часть населения, которая независимо от ее численности подвергается дискриминации» [Социологический энциклопедический словарь ..., 2000. С. 175]. Существование такого определения также можно, вероятно, отнести на счет многоликости и специфики мультикультурализма, о которых говорилось выше.

Некоторые исследователи, однако, используют термин «мультикультурный» в даже более широком смысле, чтобы описать огромное число «не-этнических» социальных групп, которые по тем или иным причинам были исключены или маргинализированы от основного, мейнстримовского общества. Именно такое употребление особенно распространено в США, где защитники «мультикультурного» подхода часто ссылаются на необходимость восстановления исторической справедливости в ответ на ситуацию, когда из общественной, политической, академической жизни страны были практически исключены такие социальные группы, как инвалиды, люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, женщины, атеисты [Grillo, 1998. P. 17-19].

Здесь мы сталкиваемся с многозначностью употребления термина «культура». Многие из упомянутых групп имеют различную культуру в одном общепринятом смысле этого слова – в том смысле, когда «культура» относится к различным привычкам, точкам зрения, или этосу группы или ассоциации, как, например, когда мы говорим «бюрократическая культура», «культура геев» и т.п. Возможно, это одно из наиболее локализованных значений «культуры», зафиксированное в различных «субкультурах».

Другой вариант употребления термина «культура» в наиболее широком смысле, предполагает, например, что все западные демократии обладают общей культурой – то есть что для всех для них присуще наличие современной, урбанизированной индустриализованной цивилизации, в противовес феодальному, сельскохозяйственному и теократичному миру их предшественников.

Эти два вне этнических смысла термина «культура» хорошо схвачены в определении, данном OED (Organization of European Development), где культура определяется как «привычки» или «цивилизации» групп или людей [Там же. С. 22]. С одной стороны, если соотносить культуру и «привычки» группы, то группы с различными стилями жизни, социальные движения, и добровольные ассоциации, которые в великом множестве присутствуют в любом современном обществе, все обладают каждая своей собственной субкультурой. Если придерживаться такого определения понятия «культура», то даже наиболее этнически гомогенное государство, такое как Исландия, будет казаться не меньше, чем «мультикультурным», поскольку оно состоит из целого ряда различных групп, основанием для существования которых является класс, гендер, сексуальная ориентация, религия, моральные установки и верования, политическая идеология.

С другой стороны, если «культура» это «цивилизация», тогда фактически все современные общества разделяют одну и ту же культуру. Основываясь на таком определении, получаем, что самая многонациональная страна Швейцария, или самая полиэтничная страна Австралия, вовсе не такие уж «мультикультурные», в смысле различных национальных и этнических групп, которые все в определенной мере участвуют в современной индустриализованной форме социальной жизни [Kumlicka, 1995. P. 18].

Различия в понимании термина «культура» отражаются, безусловно, и в вариативности значений, приписываемых понятию «мультикультурализм» в разных странах. Так, в Канаде, «мультикультурализм» обычно означает право иммигрантов выражать из этническую идентичность без боязни предубеждения и дискриминации; в Европе «мультикультурализм» относится, прежде всего, к пропорциям в распределении власти и полномочий между нацио-

нальными сообществами; в Соединенных Штатах Америки термин «мультикультурализм» чаще всего используется для выражения интересов маргинализированных социальных групп, таких как этнические меньшинства, женщины, инвалиды.

Среди политологов, историков, социологов Европы и Северной Америки также до сих пор нет согласия по вопросу формирования сущности понятия «мультикультурализм». По выражению американского либерального публициста Р. Бернштейна, «мультикультурализм – определенно понятие неопределенное» [Bernstein, 1994, P. 4].

Видный американский социолог Н. Глейзер определяет мультикультурализм как «комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес как бы единой американской культуре» [Глейзер, 1998. С.103]. Либеральный историк А. Шлезингер-младший определяет мультикультурализм как идеологию, сущность которой состоит в замене общественных идеалов «ассимиляции – фрагментацией, интеграции – сепаратизмом» [Schlesinger, 1992. P. 16-17].

Еще одна позиция, аккумулирующая в себе мнения ряда зарубежных исследователей, заслуживает, на наш взгляд, особого внимания. Эта позиция представлена в уже упомянутом нами словаре-справочнике «Государственное управление», сформированном на основе энциклопедии «International Encyclopedia of Public Policy and Administration». Предлагаемое определение представляет для нас особый интерес, так как предстает в качестве характеристики государственного управления культурным разнообразием. Итак, статья в справочнике предлагает рассматривать мультикультурализм, как доктрину, «на основании которой разрабатываются принципы национальной политики и определяется национальная идентичность в обществах, сталкивающихся с возрастающим культурным разнообразием. В самом общем смысле мультикультурализм обозначает признание государством за группами иммигрантов и этнических меньшинств права на статус самостоятельных сообществ, имеющих языковые и культурные отличия от основного населения и обладающих собственными организациями и инфраструктурой. В соответствии с политикой мультикультурализма представители таких групп должны обладать равными правами во всех сферах общества и, при условии признания ими некоторых базовых ценностей, не быть вынужденными платить за это равенство отказом от своего культурного своеобразия» [Schlesinger, 1992. P. 16-17].

Российские исследователи, также осмысливая мультикультурализм, дают определения этому понятию. Так, специалист по этнической проблематике США С.А. Червонная предлагает рас-

сма́тривать мультикультурализм как концепцию, в соответствии с которой «США предстают обществом, состоящим из общин, объединенных общей расой, полом или сексуальной ориентацией. И каждая из этих общин отличается собственной, отличной от других субкультурой» [Червоная, 1997. С. 13]. Н.А. Высоцкая считает, что понятие «мультикультурализм» определяет общество, которое «состоит из нескольких культурных групп, различных по национальному происхождению, религии и т.д.» [Высоцкая, 1998. С. 321]. Международный опыт существования полиэтнических обществ нуждается в таком развитии национальной политики, которое не требует от представителей меньшинств вынужденных культурных потерь (то есть ассимиляции), не допускает проявления сегрегации. Выход в таком случае находится, по мнению этнопсихолога Н.М. Лебедевой, как раз в мультикультурализме, как единственной идеологии и политике доминирующего общества, предполагающем «позитивное отношение к наличию в обществе различных этнокультурных групп и добровольную адаптацию социальных институтов общества к потребностям разных культурных групп» [Лебедева, 1999. С. 218]. Взаимное приспособление, взаимная толерантность, являющиеся определяющими социально-психологическими чертами мультикультурализма, позволят членам полиэтнических сообществ понять и принять выгоды культурного многообразия, которые заключаются в восприятии его как одной из красок жизни; в способствовании здоровой конкуренции; в повышении способности общества к адаптации. Таким образом, мультикультурное общество при прохождении через фазу трансформации, социальных, политических, экономических потрясений, как социальная система обладает альтернативными способами жизни [Там же. С. 219].

Нетрудно видеть, что в основном понятие «мультикультурализм» трактуется, прежде всего, как идеология и политика, сущностью которых является противопоставление расовых и этнических ценностей ценностям общенациональным», и, во-вторых, как феномен этно-культурной фрагментации социума, который по-другому, и более точно можно определить как «многокультурность», также направленный против культуры как общенационального явления.

Означенные выше позиции зарубежных и отечественных ученых помогут выработать авторскую интерпретацию понятия «мультикультурализм» в привязке к задачам настоящего исследования. Но сначала, считаем необходимым, осуществить анализ термина «мультикультурный» прежде всего в смысле, возникающем из национальных и этнических особенностей (хотя, например, в Канаде и США мультикультурализм обязательно обращает вни-

мание на так называемые «целевые группы», к которым относят, например, женщин и инвалидов). Именно такая трактовка мультикультурализма, как мы видели, занимает лидирующее положение в современных научных дискуссиях. За точку отсчета, на наш взгляд, логично взять позицию Вилла Кымлика (Will Kymlicka), который в своих работах чаще всего останавливается на двух достаточно широких моделях культурных различий. В первом случае, культурное многообразие возникает, считает Кымлика, из включения изначально самоуправляемых, территориально сконцентрированных культур в большее по пространству государство. Эти инкорпорированные культуры нарекаются им «национальные меньшинства». Основными их характеристиками чаще всего являются желание поддержания самих себя как отдельных сообществ внутри мажоритарной культуры и требование различных форм автономии или самоуправления, гарантирующих им выживание именно как отдельным обществам.

Во втором случае, культурное многообразие является результатом индивидуальной иммиграции. Такие индивидуальные мигранты часто объединяются в свободные ассоциации, которые Кымлика называет «этническими группами». Типичными их требованиями являются желание интегрироваться в большие общества, и желание быть принятыми в качестве полноправных членов этого общества. Несмотря на то, что такие этнические группы часто ищут максимального признания их этнической идентичности, их целью не является превращение в отдельную и самоуправляемую нацию внутри более крупного общества. Они преследует совсем иную цель – модифицировать под себя институты и законы принимающего общества, сделать их более приспособленными и чувствительными к культурным различиям [Kymlicka, 1995. P. 11].

Таким образом, «национальные меньшинства» будут формировать и развивать свою национальную инфраструктуру, в том время, как «этнические группы» будут стремиться иметь своих представителей в правительстве, крупных частных бизнес-корпорациях, продолжать попытки оказывать влияние на принятие управленческих решений на всех уровнях власти.

Безусловно, оба варианта мультикультурализма, предложенные Кымликой в качестве выражения культурного плюрализма, являются лишь общими клише, и каждая из описанных выше категорий по мере продвижения нашего исследования потребует дальнейшего усовершенствования и уточнения. Но понимание и оценка политики мультикультурализма, его глубоко социальной природы, на наш взгляд, невозможны без хотя бы краткого описания пути, который проходят ассоциации групп меньшинств, создавая свои общественные институты, идентичности и вырабатывая

приоритетные стремления в различных сферах жизни общества, в котором они существуют по доброй или не очень воле.

Итак, начнем с описания природы и сути этих двух довольно широких и общих социологических категорий, - «национальные меньшинства» и «этнические группы», - а затем рассмотрим, как эти категории участвуют в формировании многонациональных и полиэтничных государств, отражая специфические черты каждого из них.

Одним из источников культурного многообразия является сосуществование внутри данного государства более одной нации, причем «нация» здесь означает исторически сложившуюся общность (historical community), более или менее институционально сложившуюся, занимающую определенную территорию, использующую отдельный язык и культуру. В таком социологическом понимании «нация» близко соотносится с понятиями «народ» или «культура» - и действительно, зачастую эти концепции и определяются друг через друга. Таким образом, страна, содержащая более одной нации, является не государством-нацией (nation-state), а многонациональным государством (multinational state), в котором присутствуют более малочисленные культуры «национальных меньшинств». Очевидно, что объединение различных наций в единое государство может быть недобровольным, и явиться результатом например, завоеваний, колонизации. Однако, не исключен и вариант добровольного сознания многонационального государства, когда различные культуры соглашаются образовать федерацию для всеобщего блага и процветания [Kymlicka, 1995. P. 11-13].

Многие западные демократии являются многонациональными. Например, огромное число национальных меньшинств существуют в Соединенных Штатах Америки, включая американских индейцев, пуэрториканцев, потомков мексиканцев (Chicanos), живших на юго-западе, коренных гавайцев, и других жителей островов Тихого Океана. Эти группы были принудительным образом инкорпорированы в государство Соединенные Штаты Америки через завоевания и колонизацию. При наличии другой расстановки сил, эти группы могли бы сохраниться или учредить свои суверенные правительства и тогда всплыл бы разговор о независимости Пуэрто Рико или значительных по численности индейских племен. Исторически предпочтения этих групп состояли не в том, чтобы отделиться от США, а чтобы пытаться искать и получить автономию внутри Соединенных Штатов.

Поскольку указанные группы были объединены и включены в состав США, большинство из них приобрели особенный (special) политический статус. Например, индейские племена признаются

«внутренними зависимыми нациями» - domestic dependent nations - со своими собственными правительствами, судами и договорными правами; Пуэрто Рико – «содружество» - Commonwealth . Каждый из этих народов включен в Американскую федерацию с правом на самоуправление. Эти группы также имеют ряд прав относительно использования языка и земель. Например, на Гавайях, коренной язык имеет равный с английским языком статус в школах, судах и других правительственных институтах и учреждениях, тогда как в Пуэрто Рико – испанский – единственный официальный язык. Таким образом, национальные меньшинства в США обладают рядом прав, с помощью которых они выражают и защищают свой статус особых культурных сообществ, и эти национальные меньшинства постоянно боролись за восстановление и расширение этих прав [Ball, 1989; Aleinikoff, 1994; Jensen, 1986; Weinstein, 1986, Glazer, 1983].

Большинство таких и подобных им групп довольно малочисленны и удалены друг от друга географически. Вместе они представляют лишь частицу всего американского населения. И как результат – эти группы практически всегда занимают маргинальную позицию, когда попадают в поле самоидентичности американцев. И на самом деле их права на самоуправление часто нарушаются или отвергаются американскими политиками и государственными чиновниками.

В ряде других стран присутствие национальных меньшинств является более очевидным. Историческое развитие Канады, например, охватывало федерацию, сформированную тремя самостоятельными отдельными национальными группами - англичанами, французами и аборигенами [Кумлика, 1995. Р.12]. То, что указанные группы рассматривают себя сегодня как нации, видно, например, из тех наименований, которые они выбрали для своих ассоциаций и институтов. Например, законодательный орган провинции Квебек называется «Национальная Ассамблея» (National Assembly), самая представительная и известная организация индейцев известна как «Ассамблея Первых Наций» (Assembly of First Nations).

На наш взгляд, даже в том, в каком порядке Кумлика перечисляет три стронообразующие национальные группы, видна расстановка политических сил в современной Канаде и отношение к их представителям на официальном уровне. Справедливости ради, следовало бы, на первое место поставить представителей коренного населения, потом французов и на последнее место – англичан.

Продолжая углубляться в канадский вариант культурного плюрализма, отметим также, что важным фактом является и то,

что даже аборигенные народы Канады не составляют одну нацию. Термин «абориген» относится к представителям трех категорий аборигенных народов – индейцев, инуитов и метисов. Индейцы, в свою очередь, в определенном смысле реально существующая фикция, за которой кроется еще значительное число отличных друг от друга аборигенных народов, каждый из которых имеет свою собственную историю и собственную идентичность. Аборигены в Канаде могут быть поделены на 11 языковых групп. По последним оценкам, в аборигенном населении Канады насчитывается от 35 до 50 различных народов. Кроме того, потенциально ошибочным было бы считать французских канадцев единой нацией. Да, франко-говорящее большинство в провинции Квебек рассматривает себя как нацию (“the Québécois”), но есть еще франкофоны, проживающие вне Квебека, которые имеют другое мнение на этот счет [McRoberts, 1988; Chartrand, 1995].

Первоначальное объединение квебекцев и сообществ аборигенов в канадское политическое сообщество было осуществлено вовсе не на добровольных началах. Исконно индейские земли были захвачены французскими поселенцами, которые в свою очередь затем были завоеваны англичанами. Несмотря на то, что возможность отделения остра и актуальна для квебекцев и на сегодняшний день, исторически предпочтения этих групп - как и в случае национальных меньшинств в США – состояли не в том, чтобы выйти из федерации, а переформулировать принципы федерации таким образом, чтобы усилить свою автономию в ней [Stark, 1992. P. 123-128].

Многие из переворотных моментов в истории Канады были как раз сфокусированы на попытках осуществить переговоры с целью изменения принципов федерации между англичанами, французами и аборигенами. Основные характеристики и принципиальные черты федерации заключены в ряде конституционно защищенных документов, включая договоры и земельные требования с аборигенами, и Конфедеративное Соглашение 1867 года между англо- и франко-говорящими колониями Британии в Северной Америке.

Самая недавняя попытка переписания федеративного договора, то есть пересмотра принципов формирования федерации, завершилась в Октябре 1992 года, когда предложение) дополнить конституцию, выраженное в Шарлоттаунском Соглашении (the Charlottetown Accord) было отвергнуто в ходе национального референдума. Это дополнение, во-первых, усилило бы «неотъемлемое право на самоуправление» аборигенных народов и, во-вторых, предоставило бы Квебеку особый статус как единственному сообществу в Канаде и Северной Америке, в котором французский язык

и культура являются языком и культурой большинства [Шило, 1999. С. 118-127].

Кроме рассмотренных США и Канады, многие другие западные демократические страны также следует отнести к многонациональным, либо потому что они насильственным образом инкорпорировали коренное (туземное) население (например, Финляндия, Новая Зеландия), либо потому что они были образованы на более или менее добровольной основе (например, Бельгия и Швейцария). В действительности, очень многие страны мира являются многонациональными, в том смысле, что их границы были проведены таким образом, что включили территорию, занимаемую ранее существующими и зачастую ранее самоуправляемыми культурами. Это справедливо как для стран бывшего социалистического блока, включая бывший СССР [Dreyer, 1979; Connor, 1984], так и для стран третьего мира [Davidson, 1992].

Здесь нам представляется уместным отметить, что, говоря о том, что те или иные страны являются многонациональными государствами, мы не умаляем того свойства, что граждане этих стран в определенный момент и для достижения определенных целей рассматривают себя как единый народ. Например, швейцарцы обладают сильным чувством общей лояльности, несмотря на их культурные и языковые различия. Как мы уже говорили, этническая и гражданская идентичности, являясь частными случаями идентичности социальной, должны иметь позитивную направленность, выражающуюся в наличии этнической толерантности, желании интегрироваться в доминирующее общество. На самом деле, многонациональные государства элементарно не смогли бы выжить, если бы различные национальные группы не имели достаточной лояльности, толерантности по отношению к мажоритарному политическому сообществу, с которым они сосуществуют [Steinberg, 1998. P. 163-189].

Уделим немного внимания проблеме «вписывания» России в принятые, хотя и довольно размытые, как мы убедились, рамки мультикультурализма. Россия, как и практически все государства мира, является страной с широким спектром культурных различий. В большом толковом социологическом словаре, цитату из которого мы уже приводили чуть выше, когда речь шла об определении мультикультурализма, находим в дефиниции «нации» такую сентенцию – «... существуют безнациональные (или многонациональные) государства, вроде Советского Союза» [Большой толковый социологический словарь, 199. С. 464]. Таким образом, налицо еще одна маска культурного плюрализма – чем пытаться описать природу и характер взаимодействия многих сосуществующих на территории одной огромной страны культур, лучше

обозначить ее как безнациональную, с одной стороны, отдав дань равенству всех народов, с другой – как бы пытаясь замаскировать наличие целого ряда проблем, связанных с наличием культурного многообразия в рамках такого огромного государства как Россия, ставшей после распада Советского Союза его правопреемником.

Теперь, если мы предпримем попытку выяснить, какой вариант мультикультурализма «по Кымлике» более приемлем для современной России, вариант с «национальными меньшинствами» или с «этническими группами», то, на наш взгляд, первый из них конечно точнее отражает произошедшие в этнополитической и этносоциальной сфере нашей страны события. Однако, за последние 5 лет значительно увеличился и поток беженцев, легальных и нелегальных иммигрантов из стран ближнего зарубежья в Россию. Поэтому, как нам кажется, нельзя полностью отвергать и тот факт, что начинает приобретать все большее значение второй вариант мультикультурализма, являющегося результатом индивидуальной иммиграции. Следовательно, для России будет характерна комбинация обоих вариантов культурного плюрализма. И значит, государственная служба как социальный институт вынуждена отвечать, с одной стороны, требованиям и «национальных меньшинств», желающих поддерживать свое развитие как отдельных сообществ внутри мажоритарной культуры и требующих различных форм автономии или самоуправления, которые гарантировали бы им выживание именно как отдельным сообществам, и, с другой стороны, удовлетворять запросы «этнических групп», которые настаивают на подстраивании общества и его институтов под их потребности.

Институт государственной службы максимально должен учитывать подобные запросы и требования, поскольку эффективность его работы определяется кроме всего прочего и тем, насколько равноправны граждане государства в получении услуг этого института, насколько принимаемые на уровне органов государственной власти решения служат укреплению прав и свобод граждан, в том числе и образующих этнические группы и национальные меньшинства.

Итак, разобрав категорию «национальных меньшинств» и их роль в формировании многонациональных государств, представляющих собой один из вариантов мультикультурализма, обратимся к другой отмеченной нами выше категории – категории «этнических групп».

Вторым источником культурного многообразия, наряду с исторически сложившимся сосуществованием на территории государства более, чем одной нации, является иммиграция. Страна обязательно будет выглядеть поликультурно, если она принимает

большое число семей и отдельных лиц в качестве иммигрантов и позволяет им поддерживать их некоторую этническую самобытность. Наиболее характерными примерами подобных стран являются, очевидно, Австралия, Канада и США, у которых самая высокая в мире доля иммигрантов на душу населения. Более половины всей легальной иммиграции в мире приходится на эти 3 страны.

До 60-х годов иммигранты в этих странах предположительно должны были маскировать свои культурные корни и культурное своеобразие и полностью ассимилироваться в существующие культурные нормы. Такая модель иммиграционной политики известна как «англо-конформистская» модель. Согласно ей некоторым группам иммигрантов отказывали во въезде в страну, если считали их неассимилируемыми. Примером могут служить ограничения на иммиграцию китайцев в Канаду и США, иммиграционная политика «только для белых» в Австралии. Ассимиляция рассматривалась как фундаментальный фактор политической стабильности государства и в дальнейшем была рационализирована посредством этноцентрической диффамации других культур.

Эта общая приверженность к англо-конформизму пошатнулась под натиском достаточно популярного и оправданного, наш взгляд, контраста между американским «плавильным котлом» и канадской «этнической мозаикой». Здесь, мы позволим себе не согласиться с уважаемым профессором Кымликой, который считает, что распространенное мнение о том, что «этническая мозаика» носит дополнительный оттенок уважения, почитания целостности иммигрантских культур, на практике означает всего лишь то, что канадские иммигранты обладают правом выбора между двумя культурами-доминантами, в которые им необходимо ассимилироваться [Kymlicka, 1995. С. 14]. «Поскольку Канада является двунациональной страной», - отмечает Кымлика, - «нелегко добытая терпимость, которую демонстрируют по отношению друг к другу французы и англичане, не была распространена на иностранцев-иммигрантов, которые противились ассимиляции или были признаны неассимилируемыми» [Там же]. Нам ближе точка зрения, высказанная А. И. Черкасовым, убежденным в том, что «наиболее яркая и специфичная черта канадского общества – это его этнокультурная мозаичность, выраженная в том, что ни одна этническая группа канадцев не составляет большинства населения страны. Канада – это страна меньшинств, этнокультурных групп, большинство членов каждой из которых считает себя канадцами и одновременно с гордостью подчеркивает свою принадлежность к данной этнической группе, не выказывая сознательного стремления к ассимиляции с какой-либо другой группой» [Черкасов, 1998. С. 83]. Мы совершенно разделяем это убеждение, которое сфор-

мировалось у нас в процессе личного общения с канадскими гражданами во время неоднократных поездок в Канаду и долгосрочной научной стажировки в США. Подобна точка зрения вынесена из общения со студентами Карлетонского университета, где автор преподавала в течение двух семестров, из интервью с представителями государственных учреждений, таких как Этнокультурный Совет Канады (Ethnocultural Council), департамента Канадского наследия (Canadian Heritage), Канадский Центр Развития Управления (Canadian Centre for Management Development), профессорами Карлтонского и Оттавского университетов (Carleton and Ottawa Universities).

Однако, начиная с 70-х годов под давлением иммигрантских групп, все три страны – Канада, США, Австралия - отказались от ассимиляционистской модели и взяли на вооружение более толерантную и плюралистическую политику, которая делает возможными и в действительности поощряет желание иммигрантов развивать и поддерживать их этническое наследие. Сегодня широко распространена точка зрения, что иммигранты должны быть свободны в выборе возможностей поддержания некоторых культурных традиций и привычек, касательно, например, одежды, еды, религии и свободны в общении друг с другом для развития этих традиций. Теперь уже это не представляется непатриотичным и неамериканским.

Опять же, на взгляд Кымлики, очень важно различать выше описанный тип культурного разнообразия и вариант национальных меньшинств. Группы иммигрантов не есть «нации», и не занимают исконно свои территории. Их отличие от других культур, их уникальность провозглашается и проявляется в большинстве случаев в частной, семейной жизни и в стихийно добровольно возникающих ассоциациях, и не является несовместимой с их институциональной интеграцией. Они (иммигранты) продолжают принимать участие в работе общественных институтов доминирующей/щих культур/ы, и говорить на языке этой культуры. Например, иммигранты (за исключением пожилых) должны выучить английский язык, чтобы получить гражданство в Австралии и США, кроме того, изучение английского – это обязательная часть школьной программы. В Канаде иммигранты должны изучить обязательно один из официальных языков – английский или французский [Banting, Johnson, et al., 2009. P. 52-53].

Обеспечение гарантии наличия общего языка являлось основной постоянной чертой в истории иммиграционной политики. Джеральд Джонсон как-то сказал по этому поводу о Соединенных Штатах Америки: «Штаты являют собой пример ироничной шутки, сыгранной с этой страной историей. Ни одна из стран-полиглотов

старого мира не осмелилась быть столь безжалостной и жестокой в навязывании единого языка всему своему населению, какой была либеральная республика, провозглашенная именно для демонстрации принципа равенства всех людей на земле» [Johnson, 1973, P 23].

То, что англо-конформистская модель была отвергнута, не означало ослабления желания государства превратить мигрантов в англо-говорящих сограждан, что по-прежнему представлялось основным требованием для включения иммигрантов в основное, мейнстримовское течение экономической, академической и политической жизни страны.

Таким образом, продолжая усиленно доказывать свои права на выражение этнической отличительности, иммигранты на самом деле, прежде всего, желают делать это через общественные институты в англо-говорящем (или франко-говорящем в Канаде) обществе. Отвергая ассимиляцию, они не просят разрешить им образовать некое параллельное общество, как этого обычно требуют национальные меньшинства. Таким образом, к примеру, в Соединенных Штатах и Австралии существует значительное число «этнических групп», как свободно агрегированных субкультур внутри англо-говорящего общества, и таким образом эти страны проявляют то, что Вилл Кымлика называет «полиэтничностью». Аналогично, в Канаде существуют этнические субкультуры внутри обоих англо- и франкоговорящих обществ.

Иммиграция не является феноменом только «нового мира». Многие другие страны также проводят политику на прием иммигрантов, хотя и не в таком масштабе, как это делают США, Канада и Австралия. Начиная со Второй Мировой войны, Британия и Франция принимали иммигрантов из бывших своих колоний. Некоторые страны, которые принимают совсем небольшое число иммигрантов, тем не менее, открывают доступ для беженцев со всего мира (например, Швеция). В других же странах, иностранные рабочие, так называемые «рабочие-гости», которые изначально рассматривались только как временно проживающие в той или иной стране, стали теперь иммигрантами *de facto*. Примером может служить группа приезжих турецких рабочих в Германии, которые стали постоянными жителями вместе со своими семьями, и Германия часто является единственной страной, родиной, домом, который знают их дети (а теперь уже и внуки). Все эти страны являются яркими примерами возрастающей «полиэтничности».

Очевидно, одна и та же страна может быть и *мультинациональной* (многонациональной = multinational – В.А.), в результате колонизации, завоеваний или конфедерации национальных сообществ и *полиэтничной* (polyethnic), как результат индивидуальной и семейной иммиграции. Таких стран не очень много, однако, все

эти клише присутствуют, например, в Канаде, где индейцы были завоеваны французскими поселенцами, французы были завоеваны англичанами, и теперь сегодняшние взаимоотношения между ними двумя может рассматриваться как добровольная федерация, и теперь и те и другие (и французы и англичане) принимают иммигрантов, которым позволяет поддерживать собственную идентичность. Таким образом, Канада является одновременно и многонациональной и полиэтничной страной, собственно, так же как и Соединенные Штаты Америки и, как мы видели, Россия.

Эти термины – многонациональный и полиэтничный – менее популярны, чем термин «мультикультурный». Но последний может вводить в заблуждение, именно потому, что он неясный, двусмысленный, лежащий где-то между мультинациональным и полиэтничным. Эта неясность стала причиной неоправданных, на наш взгляд, критических нападков на политику «мультикультурализма», проводимую Канадским правительством, провозглашающую поддержание полиэтничности для иммигрантов в противовес ассимиляции. Некоторые французские канадцы противостояли политике мультикультурализма, потому что думали, что она снижает представления о них с уровня нации до уровня иммигрантов [Wilson, 1992. P. 645-669]. Другие политики и просто граждане наоборот боялись, что политика мультикультурализма предполагает возвращение в Канаде отношений к иммигрантам как к нациям, а значит, поощряет и поддерживает развитие и формирование институционально целостных, завершенных культур бок о бок с французами и англичанами [Там же]. Таким образом, термин «мультикультурализм» почти всегда предполагает такого рода путаницу, поэтому Кымлика предпочитает использовать термины «мультинациональный» и «полиэтничный» в отношении двух основных форм культурного плюрализма.

Практически все современные либеральные демократические государства являются либо мультинациональными, либо полиэтничными, либо комбинацией того и другого. «Вызов мультикультурализма», те фундаментальные изменения, которые заложены в нем, состоят в том, чтобы направить эти национальные и этнические различия по стабильному и морально защищенному пути [Burnet, 1997. P. 36]. По нашему мнению, этот путь следует считать защищенным, потому, что он предоставляет населению, обладающему культурным многообразием, обширные возможности социализации и получения соответствующего социального статуса в полиэтничном обществе. Эти возможности гарантирует государство, осознающее преимущества, специфику и неизбежность мультикультурализма как социального явления.

Охарактеризуем вкратце наиболее важные возможности, которые могут быть реализованы правительствами современных демократических государств, с целью адекватного ответа требованиям и национальных меньшинств и этнических групп.

Известно, что одним из самых действенных и применяемых механизмов, который либеральные демократии используют для регулирования культурных различий, - это защита гражданских и политических прав граждан (то есть отдельных личностей). Невозможно переоценить важность и ценность свободы собраний, религии, слова, передвижения и политических организаций для защиты групповой отличительности, уникальности. Эти права дают индивидуумам возможность образовывать различные группы и ассоциации, провозглашенные гражданским обществом, адаптировать деятельность этих групп под постоянно меняющиеся обстоятельства внешней и внутренней социально-политической, культурной среды, и распространять свое видение реальности и свои интересы на более широкие слои населения.

Многие западные государства, а также Россия включили в свои конституции статьи о социально-экономических правах. «Сейчас практически всеобщее признание со стороны государств-членов ООН получило положение Пакта об экономических, социальных и культурных правах о том, что идеал свободной человеческой личности, свободной от страха и нужды, может быть осуществлен, если только будут созданы такие условия, при которых каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами, так же как и своими гражданскими и политическими правами» [Институт прав человека в России, 1998. С. 8].

Культурные права и свободы, на наш взгляд, не менее важны для представителей этнических групп и национальных меньшинств, поскольку имеют своим назначением удовлетворение духовных потребностей человека, и призваны гарантировать его духовное развитие. Они включают в себя право на образование, доступ к культурным ценностям, свободу художественного и технического творчества. Возможность пользование этими правами в мультикультурном обществе и создает благоприятные условия для сохранения и обмена культурным наследием разнообразных культурных групп, прививает широкой массе населения чувство уважения к другой культуре, позволяет оценить важность ощущения своей этнической идентичности.

По форме осуществления выделяют коллективные и индивидуальные права и свободы. Так, существуют права и свободы, которые могут реализовываться только индивидуально (право на жизнь и личную неприкосновенность, право на определение своей

национальной принадлежности); выделяют также те права, которые могут быть реализованы как индивидуально, так и коллективно (свобода слова, право обращаться в государственные органы); и, наконец, права и свободы, обладание и пользование которыми могут быть только коллективными (право на митинги, демонстрации).

История становления прав и свобод человека выделяет три поколения. Первое поколение характеризуется исключительно гражданскими и политическими правами, закрепленными в Конституциях и законодательных актах XVII-XVIII веков. Это и неприкосновенность личности, и избирательное право, и свобода слова, печати.

Ко второму поколению прав относят экономические и социальные права, которые в период ранних буржуазных революций рассматривались только как производные гражданских и политических прав. Для их реализации уже требовались конкретные акции государства. Эти права и свободы прежде всего гарантировали интересы тех, кто работает по найму – право на труд, на социальное обеспечение, на образование, на пользование достижениями культуры. Эти права стали появляться в Конституциях различных государств только в начале XX века.

К третьему поколению обычно относят «коллективные» или «солидарные» права, такие как право на развитие, на мир, на здоровую окружающую среду, право на коммуникацию, право народов на самоопределение, право народа на осуществление власти [Указ соч. С. 59].

Коль скоро нас интересуют варианты защиты прав этнических групп и национальных меньшинств, которые каждое мультикультурное общество представляет себе и гарантирует по-разному, то необходимо, на наш взгляд, отметить, что «права народов не являются правами индивидов и не могут быть реализованы отдельной личностью, а принадлежат коллективу людей, образующих народ или нацию. Мнение большинства... составляет волю всего народа. Совокупность реализуемых таким образом каждым отдельным лицом, входящим в состав народа, прав и представляет собой коллективное право – право народов» [Там же]. В случае рассматриваемого нами многонационального и полиэтничного культурного многообразия как составляющих мультикультурного общества, придется сначала выяснить, насколько представители тех или иных национальных меньшинств или этнических групп являются частью, например, американской нации, если таковая имеет место быть. Поэтому категория «коллективных» прав в случае мультикультурного общества также не может быть применена

без серьезных оговорок и допущений, а если и будет использована – то правильное всего было бы сделать это на уровне гипотезы.

Однако в последнее время все больше стран заявляют о том, что некоторые формы культурного разнообразия могут быть вписаны в существующий в государстве социально-культурный и социально-политический контекст лишь при условии существования специальных правовых и конституционных мер, находящихся выше обычных гражданских прав. Применение таких прав, отражающих специфику той или иной группы, Айрис Янг называет «дифференцированным гражданством» [Young, 1999. P. 223-230]. Согласно такой постановке вопроса действует, например, правительство Канады, которое в одной из своих публикаций отмечает, что «из опыта Канады становится ясным, что не достаточно защищать только всеобщие (универсальные) права гражданина. Здесь Конституция и федеральные законы также защищают другие права, которые индивид имеет как представитель, участник определенных сообществ. Такое применение обоих видов прав делает нашу Конституцию уникальной и отражает то уважение Канады, которое она проявляет к равенству приемлющему многообразию. Тот факт, что права сообществ признаются в Канаде наряду с индивидуальными правами является неотъемлемой специфичной чертой именно канадского общества» [Government of Canada. Shaping ..., 1991. P. 3].

Выделяют по крайней мере три формы специальных групповых прав: 1) права на самоуправление; 2) полиэтничные права; 3) специальные репрезентативные права [Kymlicka, 1995. P. 27]. Первая форма чаще всего выражается в требовании передачи политической власти определенному политическому органу, абсолютно контролируемому представителями национальных меньшинств, и очень значительной степени относящемуся к их исконной территории. Эти права рассматриваются как непреходящие, постоянные и потому национальные меньшинства чаще всего желают видеть их закрепленными тем или иным образом в конституции. Осуществляется данный вид прав обычно через какую-либо форму федерализма. Второй вид специальных групповых прав, полиэтничные права, обычно бывает направлен на помощь этническим группам и религиозным меньшинствам в выражении своей культурной уникальности, особенности, без боязни быть ущемленными со стороны политических, социальных и экономических институтов доминантного общества. Гарантирование такой формы прав происходит посредством финансовой поддержки и правовой защиты деятельности этнических групп и ассоциаций. Также как и первая форма прав, полиэтничные права не считаются временными, однако в отличие от первой формы эти права обычно направлены на

развитие интеграции этнических групп в основное общество. Третья форма групповых прав – специальные репрезентативные права – зародилась в связи с тем, что западные демократии обнаруживают определенную несостоятельность в вопросах отражения культурного многообразия населения в политическом процессе, в органах власти и управления. Недопредставленность целевых групп – женщин, этнических меньшинств, инвалидов, абorigineнов – в политическом процессе – общий для ряда западных демократий феномен. В США и Канаде, например, женщины, расовые меньшинства и представители аборигенных народов занимают лишь одну треть мест на госслужбе от того количества, которое они должны были бы иметь в случае, если бы они были представлены на государственной службе в такой же пропорции, в какой они представлены в населении этих стран [Davidson, 1992; Royal Commission on ..., 1991. P. 93-96].

На практике правительства современных демократических государств применяют чаще всего несколько механизмов для регулирования культурных различий. Указанные формы специфических групповых прав могут перекрываться друг другом у каких-либо этнических групп или групп национальных меньшинств. Мы затронули этот вопрос о коллективных, групповых и индивидуальных правах прежде всего для того, чтобы показать большую склонность Канадского варианта мультикультурализма к защите групповых прав, а Американского – к примату прав индивидуальных. Вопрос о взаимоотношениях коллективных и индивидуальных прав, безусловно, является предметом самостоятельного научного исследования.

Существует мнение, что демократизация в полиэтничных обществах проблематична без нескольких предварительных условий: общепризнанных государственных границ, доминирования гражданской идентичности над этничностью, относительно благополучной экономики. В тех обществах, где эти условия не выполнены, этнически плюралистские общества не становятся подходящей средой для развития и упрочения ценностей демократии, поскольку этнические различия используются как повод для многочисленных конфликтов, причины которых лежат в разных экономических, политических и других возможностях отдельных групп. Представители этой концепции считают, что прочные государственные границы и доминирующее положение гражданской идентичности устанавливаются еще до перехода к демократии. Таким образом, эффективная демократия в полиэтничных обществах, если исходить из указанной точки зрения, возможна лишь там, где действует примат гражданства (подданства) над этничностью [Rabushka & Shepsle, 1972. P. 186].

Выполнение указанных условий, предваряющих воцарение в полиэтничном обществе демократии, нам кажется, нельзя считать для этого достаточными. Да, там, где мультикультурализм выступает в качестве гражданской идеологии, как правило, действуют также законы, гарантирующие гражданам детям, родившимся в стране, или, по крайней мере, наделяющие их правом на получение такового (например, в случае Швеции). И напротив, там, где иммигранты не имеют почти никаких шансов получить гражданство – как в Швейцарии или Германии – о мультикультурализме можно говорить с большой натяжкой. «Но предоставление гражданства и признание права на культурное своеобразие – далеко не одно и то же. Франция сравнительно легко дает первое, но решительно отказывает во втором» [Государственное управление, 2001. С. 294].

Имеется и другая точка зрения, к примеру, А. Лейпхарта и его последователей. В соответствии с его мнением, демократия в новых полиэтничных государствах «бывшего второго мира» возможно без предварительных указанных выше условий, если будет создана система так называемой со-общественной демократии (*consociational democracy*) [Lijphart, 2001. P. 207-225]. Она представляет собой ряд новых идей в контексте обобщенного исторического опыта нескольких европейских стран (Англии, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии) по организации относительно бесконфликтного проживания различных конфессиональных, лингвистических или этнических групп в одном государстве. Последовательные воплощения со-общественной демократии предполагают выполнение ряда пунктов: 1) общество должно быть четко поделено на несколько автономных сегментов. Под сегментами Лейпхарт понимает некие совокупности индивидов, представляющих собой организованные ли неорганизованные группы, различающиеся по языковому, религиозному, этническому и др. признакам, исповедуют разные взгляды и имеют разные интересы [Лейпхарт, 1997. С. 28]. То есть должна быть реализована какая-либо форма территориальной или экстерриториальной автономии и/или разрешено функционирование партий, представляющих интересы не только социально-классовых групп, но и групп, обладающих явными особенностями этнического самосознания или культуры; 2) должна широко использоваться практика занятия тех или иных высших государственных должностей (по договоренности или по закону) только представителями конкретной общины по принципу пропорциональности; 3) надо, чтобы правительство представляло все основные сегменты общества, то есть было коалиционным; 4) каждая группа, участвующая в коалиции, должна иметь право veto

при принятии важных решений, либо такие решения должны приниматься квалифицированным большинством [Там же].

Согласно этой позиции, канадскую политику мультикультурализма, например, Лейпхарт называет «лишь слабой попыткой уделить больше внимания культурным интересам канадцев неанглийского и нефранцузского происхождения... Более того, франкоговорящие граждане были склонны рассматривать многокультурность как потенциальную угрозу статусу французского языка как одного из ведущих языков, формирующих культуру, а не как заслуживающий одобрения сдвиг к множественному балансу сил» [Лейпхарт, 1997. С. 164]. Обратившись к принятой нами классификации составных элементов мультикультурализма - национальным меньшинствам и этническим группам – видим, что чем выше социальный статус этнических групп в обществе, тем лучшие условия в нем создаются для воплощения со-общественной демократии. Из описания требований, необходимых для осуществления в обществе «со-общественной» демократии, можно заключить, что она будет более возможной именно в полиэтничном обществе, сформированном в основном этническими группами, которые стремятся, как мы видели, подстроить под свои интересы государственные и общественные институты общества. Тогда оценка Лейпхартом канадского мультикультурализма будет усиливаться и приобретать все более позитивные черты в прямой зависимости от роста потоков иммигрантов, образующих этнические группы.

Безусловно, трудно не согласиться с тезисом, что сама идея мультикультурализма «несет в себе логические противоречия. С одной стороны, она выдвигает требования равенства прав всех граждан, с другой – настаивает на государственном признании различий между этническими группами. Первое подразумевает, что государство должно одинаково относиться ко всем своим подданным, вне зависимости от их этнической принадлежности, второе – что оно должно учитывать разницу в потребностях, ценностях и интересах представителей разных культур. ... Ценность мультикультурализма состоит в том, что в своей попытке примирить право на культурную самобытность со всеобщим равенством он является чем-то вроде временного компромисса между этими конфликтующими принципами» [Государственное управление. 2001. С. 296]. Но, даже ради этого временного компромисса, стоит, как нам кажется, уделить как можно больше внимания культурному многообразию, как основанному на этнических признаках, так и на признаках какой-либо субкультуры.

Именно культурное многообразие порядка является для нас фактором, влияющим на реформирование государственной службы как социального института и кроме того – на качественное из-

менение подходов к подготовке и переподготовке государственных служащих в мультикультурных обществах.

Резюмируя итоги осуществленной нами попытки типологизации теоретико-методологических оснований мультикультурализма, отметим, что, во-первых, следует выделить идеологических подход, развитый в концепциях Н. Глейзера и А. Шлезингера-мл. Во-вторых, отмечается этнокультурных подход (А. Борисов, С. Червоная, Н. Высоцкая, А. Кудрин, В. Кымлика, А. Лейпхарт). В-третьих, необходимо учитывать, пожалуй, самую широкую трактовку понятия «мультикультурализм» через большое число «неэтнических» социальных групп, по тем или иным причинам маргинализированным от основного общества, таким как инвалиды, женщины, люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Ее приверженцами являются, например, Р. Грилло и Д. МакИвер. Общей чертой всех указанных трактовок понятия «мультикультурализм» является его нефункциональность. Мультикультурализм предстает как набор этнических, культурных групп, не имеющих мотиваций к каким-либо социальным действиям, не имеющих целеполагания.

Наконец, самым выразительным с точки зрения нашего исследования, является подход В. Кымлики, который автор предлагает назвать функциональным. Он заключается в подчеркивании двойственной природы мультикультурализма, раскрывающейся через такие достаточно широкие социологические категории, как «национальные меньшинства» и «этнические группы». На наш взгляд, лишь в концепции В. Кымлики проявляется функциональность мультикультурализма, выражающаяся в случае «национальных меньшинств» в требовании различных форм автономии, самоуправления, а в случае «этнических групп» и культурных групп – в стремлении модифицировать под себя институты и законы содержащего их общества. Таким образом «национальные меньшинства» будут формировать и развивать свою национальную инфраструктуру в то время, как «этнические группы» будут стремиться иметь своих представителей в правительстве, крупных частных бизнес-корпорациях, продолжать попытки оказывать влияние на принятие управленческих решений на всех уровнях власти. Среди отечественных ученых, наиболее тонко, как нам представляется, уловила специфику мультикультурализма как политики Н. Лебедева, которая считает мультикультурализм единственной политикой доминирующего большинства, способной обеспечить добровольную адаптацию социальных институтов общества к потребностям разных культурных групп.

Как показал проведенный социологический анализ понятия «мультикультурализм», это явление многогранное и предстает, на наш взгляд, в нескольких ипостасях. Как и ряд других «измов»

мультикультурализм претендует на право быть определенной доктриной. Значит, во-первых, это – идеология, сосредоточенная на признании и уважении культурного многообразия граждан, в основе которого лежат этнические признаки и признаки субкультуры, и на обеспечении прав всех этносов, этнических групп, наций и национальных меньшинств, представителей «целевых групп» путем их полного и справедливого включения во все сферы жизнедеятельности общества. А, следовательно, во-вторых, это – концепция государственной политики, принявшая (как в Канаде) или нет (как в США) вид закона и имеющая своими политикообразующими принципами следующие три, вытекающие из данного выше определения: социальную справедливость, признание населением и правительством ценности этнической и любой культурной идентичности (мультикультурная чувствительность социальных институтов) и равноправное участие всех граждан в жизни общества и управлении.

Поскольку в рамках социологической науки вопрос о государстве, а, следовательно, и о государственной политике предстает в контексте взаимодействия его с различными социальными группами, то мультикультурализм как государственная политика, согласно нашему определению, воплощает в себе идеи социального государства, выросшего из чисто правового и экономического и в котором социальные ценности (социальная справедливость, реальное равенство возможностей, достойное качество жизни всего населения) приобрели масштабный характер и стали основой государственной идеологии и конкретной политики [Константинова, 1999. С. 22]. Таким образом, непосредственно затрагивая проблемы социальной справедливости и дифференциации в обществе, мультикультурализм ориентируется на согласование интересов различных социальных групп. Многомерность проблемы социальной справедливости, которую еще в эпоху перестройки подметили известные отечественные ученые, такие как Т. Заславская, Ю. Левада, Н. Римашевская, Е. Ясин, В. Ядов [Социальные ориентиры обновления..., 1990], в мультикультурном обществе прежде всего имеет социально-политическую окраску, а значит социальный механизм воздействия фактора мультикультурализма на общественное развитие затронет и социальные институты (включая государственную службу), и культуру общества, и социальную структуру, и качество социальной активности населения. Здесь мы приходим к еще одному важному для нашего исследования определению «мультикультурализма». В-третьих, мультикультурализм – это объективный социальный фактор, который обуславливает развитие общества и ряд социальных изменений в нем. Причем и в этом случае мультикультурализм не следует сводить к простому

набору нескольких культурных групп, различных по национальному происхождению, религии, субкультуре, и т.д., проживающих на территории определенного государства. Функциональность мультикультурализма и его действенность как раз заключаются в сформулированных нами чуть выше основных принципах мультикультурализма.

На наш взгляд, такое определение мультикультурализма позволит с максимальной наглядностью использовать его для достижения цели настоящего исследования. Разумеется, как видно из исторического контекста формирования концепции мультикультурализма, в каждом конкретном случае – канадском или американском варианте – данное нами выше определение будет конкретизироваться, прирастать новыми качественными характеристиками.

Перечислим основные социальные признаки мультикультурализма:

1. мультикультурализм имеет дело с социальными группами, выделенными по этническому, культурному, субкультурному признаку;

2. мультикультурализм оперирует социальными взаимодействиями этих социальных групп между собой и с социальными институтами, в том числе и с институтом государственной службы. Эти взаимодействия основаны как на желании сохранить свою уникальную культуру и обрести различные формы автономии или самоуправления (в случае «национальных меньшинств»), так и модифицировать под себя институты и законы общества, сделать их более приспособленными и чувствительными к культурным различиям (в случае этнических групп и групп, выделенных по признаку субкультуры);

3. мультикультурализм предполагает наличие высших социальных целей, надындивидуальных целей, свидетельствующих о высоком уровне социальной ориентированности государства;

4. мультикультурализм обращает внимание на такие разновидности социальной идентичности, как идентичность этническая, идентичность гражданская, идентичность культурная.

Таким образом, мультикультурализм – безусловно, социальное явление. Как социальный фактор, мультикультурализм приводит к следующим социальным изменениям в обществе. Во-первых, смещая внимание государства и его институтов от индивидов к сообществам людей, защищая и гарантируя групповые права наряду с индивидуальными, мультикультурализм позволяет различным социальным группам, достичь достаточно высокого социального статуса, не отказываясь при этом от своих культурных корней. Во-вторых, мультикультурализм признает культурное многообразие не только в смысле этничности, национальности (а

национальность в западных государствах является синонимом гражданства), а в смысле наличия субкультуры – в основном субкультуры женщин, а также субкультуры людей с ограниченными возможностями, тем самым, прививая обществу толерантность, терпимость к различиям, к «инаковости» членов мультикультурного общества.

Здесь нам хотелось бы отметить, что следует опасаться проявления определенных перегибов, которые могут реализоваться в социальной жизни. Как пример можно привести использование в англоязычной феминистской литературе, казалось бы, совершенно безобидного термина «история» в незнакомом для отечественного читателя (может быть, за исключением специалистов в феминологии и гендерном анализе) виде. Слово «history» (his - ero) пишут теперь как «herstory» (her – eë) [Белаш, 2002. С. 60–64]. Такого рода выражение «культурной чуткости» к женщинам, также как и «культурной чуткость к национальностям», на наш взгляд, наоборот является проявлением отсутствия мультикультурализма в обществе, подменяемого навязыванием культурных стереотипов определенных групп массовому сознанию и неким исключительным отношением к тем или иным представителям общества.

В-третьих, мультикультурализм расширяет полномочия и участие этнических, культурных сообществ в управлении обществом. В-четвертых, мультикультурализм укрепляет инфраструктуру социальных групп, содействуя процессу их институционализации и включению в гражданское общество. В-пятых, в мультикультурном обществе социальные функции института государственной службы становятся основополагающими функциями, определяющими успешное государственное управление и проведение социальной, внутренней, иммиграционной политики государства.

Согласно общепринятой в западной социальной науке концепции «постиндустриального общества», основной социальной единицей такого общества выступает не индивид, а социальная группа (в случае мультикультурализма – национальные меньшинства, этнические группы и группы, выделенные по признаку субкультуры), каждая из которых имеет совершенно разнообразные культурные нормы, традиции, образцы поведения, обряды, которые она старается сберечь и культивировать [Лупул, 1999. С. 100]. Таким образом, деятельность современного социального института государственной службы в Канаде и США будет связана с удовлетворением потребностей социальных групп, обладающих рядом различий и требующих, как мы уже отмечали, подстраивания деятельности государственных институтов под их интересы. Здесь-то и выступают на первый план социальные функции государства и государственной службы. Социальные ценности, взятые на воору-

жение социально ориентированным государством, как раз и есть суть мультикультурализма и как политики, и как идеологии, и как образа жизни. Поддержание социального компромисса* как высшей формы социальности и является, на наш взгляд, квинтэссенцией влияния фактора мультикультурализма на социальную природу института государственной службы. Социальный компромисс, предполагающий сохранение общества в условиях баланса групповых интересов, достижения общих целей и развития коллективных форм человеческого бытия, максимально возможен, на наш, взгляд именно в мультикультурном обществе.

Мультикультурализм как социальный фактор, оказывая воздействие на общество, на общественное сознание, на социальные институты, в том числе на институт государственной службы, приспособливает их к своим требованиям, иницируя социальное управление общественным многообразием на основании принципов мультикультурализма. Затем, опосредованный государством, мультикультурализм как политика оказывает управленческое воздействие на общество с тем, чтобы упрочить свои принципы и подчинить им развитие и функционирование института госслужбы.

* Термин «социальный компромисс» заимствован у Л.В. Константиновой. См.: Указ.соч. С. 22.

РАЗДЕЛ 2.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ОПЫТ САРАТОВА И ПЕРМИ

С целью выяснить состояние «национального вопроса» в городском формате через личные и профессиональные взгляды, через отношение к этническим меньшинствам городских и областных чиновников было осуществлено социологическое исследование в Саратовской и Пермской областях. Город в нашем исследовании выступал, прежде всего, средоточием социально-политических институтов, пространством для возможной успешной институционализации этнических групп и их включения в управление городом и регионом, а значит – и в управление государством.

В конечном итоге, результаты исследования позволили проанализировать основные современные тенденции в выстраивании этносоциальной политики на региональном уровне на примере двух указанных субъектов Федерации**. Основой для настоящей дискуссии явились результаты экспертного опроса (в виде углубленного интервью), проведенного автором среди государственных и муниципальных служащих в Перми и Саратове в 2004 г. Кроме того, были использованы материалы социологического исследо-

** С 1 декабря 2005 г. Пермская область перестала существовать как самостоятельный субъект РФ, войдя в состав заново образованного по итогам местного референдума Пермского Края, объединившего в себе Коми-Пермяцкий Автономный Округ и Пермскую область. Однако, в период, когда проводилось наше исследование, новый субъект РФ – Пермский Край – еще не существовал, и поэтому упоминание Пермской области как субъекта федерации является совершенно корректным.

вания межнациональных отношений в г. Перми, осуществленного группой исследователей из Пермского государственного технического университета под руководством профессора О. Лейбовича [Национальный вопрос в городском сообществе..., 2003]. Выбор указанных «исследовательских площадок» был обусловлен, во-первых, тем, что оба региона исторически являются в значительной степени мультикультурными – на территории каждого из них проживают представители более 110 национальностей [Программа национально-культурного развития ..., 2003. С.11]. Во-вторых, и Саратовская и Пермская область, согласно материалам СМИ, рассматриваются как своего рода лидеры (обладатели «best practices») в сфере разработки областных Программ развития национальных отношений [Национальный вопрос в городском сообществе ..., 2001; Программа национально-культурного развития ..., 2003; Шинчук, 2004; Областная целевая программа ..., 2004], а, значит, действия органов власти как субъектов этносоциальной политики в этих регионах должны отличаться значительной обоснованностью и продуманностью. В-третьих, и Пермская и Саратовская область представляют собой спокойные в отношении этнонациональных конфликтов регионы, и, следовательно, все происходящие здесь этносоциальные процессы можно рассматривать в определенной степени как «модельные», лишённые отклонений, вызванных, например, военными действиями и террористическими актами, как это есть в «горячих точках».

Поскольку цели этносоциальной политики в явном виде декларируются как обеспечение благоприятных условий для социально-экономического и культурного развития и взаимодействия этнических групп, населяющих регион; обеспечение равного социального статуса все этническим группам; справедливое представление интересов всех этнических групп в политическом пространстве; совершенствование государственных структур для реализации интересов граждан всех национальностей, проживающих на территории субъектов РФ [Дробижева, 2001. С. 206], становится ясным, что немаловажную роль в разработке региональной этносоциальной политики будут играть такие социальные институты как региональная и муниципальная государственная служба. В свою очередь, от того, какие позиции по отношению к национальным меньшинствам и межнациональному взаимодействию занимают региональные и муниципальные чиновники, отвечающие в числе своих полномочий и за выработку стратегических направлений этносоциальной политики, во многом зависит, какие концептуальные подходы будут положены в основу её формирования. Проведенные интервью позволили охарактеризовать личные и профессиональные взгляды государственных и муниципальных

служащих на «национальный вопрос» и на перспективу этносоциальной политики в изучаемых регионах.

Если принять, что согласно мировому опыту существуют две основные модели этносоциальной политики – ассимиляционная и мультикультурная, «с вариантами – от естественной, мягкой аккультурации до свободной конкуренции» [Указ.соч. С. 200], то нашей задачей было выяснить, ближе к какому краю на указанном континууме, скорее всего, расположатся Пермский и Саратовский варианты региональной этносоциальной политики. Отвечая на этот вопрос, мы одновременно стремились выявить те факторы, которые могут повлиять на движение «этносоциального и этнополитического маятника» в регионах [Паин, 2003. С. 224-230].

Как уже отмечалось выше, Саратов и Пермь являются большими российскими городами, которые могут рассматриваться как локальная проекция России в смысле национального, культурного разнообразия. Саратов – почти миллионный город на средней Волге, претендующий на статус «столицы Поволжья». По данным последней переписи 2010 г. в Саратовской области, сердцем которой является Саратов, проживают 112 национальностей. Кроме русских, которые составляют 87,6% населения Саратовской области, на ее территории обустроились представители этнических меньшинств, среди которых преобладают казахи (3,1% от населения региона), татары (2,2%), армяне (1%), азербайджанцы (0,7%), мордва (0,4%), чувашаи (0,5%), немцы (0,3%), украинцы (1,7%) [Опубликован национальный состав Саратовской области, 2012]. За последние пять лет выросла доля этнических представителей Чечни, Дагестана, Азербайджана и Армении. Согласно прогнозам Саратовского областного правительства, к концу 2005 года их доля в местном населении должна была составить около 10%. Однако, статистические данные, подтверждающие или опровергающие подобное предсказание, пока не доступны для ознакомления.

Городские и региональные власти стараются уделять значительное внимание развитию культурных традиций этнических меньшинств. Однако применяемые для этого подходы почти всегда оказываются ограниченными рамками популярных «мероприятий», зафиксированных в разного рода программных документах [Областная целевая программа ..., 2002]. Как показало наше исследование, это вызвано не только невысокой компетентностью городских и областных чиновников в части регулирования этнического и культурного многообразия, но и значительным влиянием стереотипов, существующих в массовом сознании относительно этнических меньшинств. Вместе с тем, в рамках законодательной базы к 2001 г. в Саратове и области было зарегистрировано 56 этнокультурных центров и ассоциаций, а исполнение Фе-

дерального закона о национально-культурных автономиях (НКА) в регионе способствовало образованию семи НКА – украинской, казахской, татарской, немецкой, армянской, еврейской и чувашской [Общая характеристика территории ..., 2012].

Летом 2004 года в Саратове был открыт уникальный в своем роде этнографический комплекс под открытым небом, – Национальная деревня, – который сразу стал одной из главных достопримечательностей города. Его появление можно считать результатом тесного сотрудничества между Правительством области, национальными общественными организациями и национально-культурными автономиями [Шинчук, 2004]. Таким образом, общий социальный и культурный фон г. Саратова и области, на первый взгляд, располагает к достаточно толерантному отношению русского большинства к этническим меньшинствам.

Город Пермь, подобно Саратову, «можно рассматривать как исторически сложившуюся лабораторию для изучения межнациональных связей» [Национальный вопрос в городском сообществе ..., С. 65]. Согласно данным переписи 202 г., одновременно с русскими, которые составляют 87,6% населения региона, в Перми и области проживают люди десятков национальностей: коми-пермяки (0,86%), татары (5,05%), башкиры (1,52%), чувашаи (0,26%), немцы (0,37%), удмурты (0,97%), украинцы (0,94%) и многие другие [Официальный сайт Правительства Пермского края. Пермь, 2012].

В формировании межэтнических взаимоотношений в Перми, как и в Саратове, определенную роль играют национально-культурные центры и ассоциации, которых насчитывается около десятка, включая те, что представляют немецкую, славянскую, польскую, удмуртскую, марийскую и коми-пермяцкую культуры. Такой институт самоорганизации этнических общностей как НКА тоже представлен в Перми и области чувашской, татарской, татаро-башкирской, еврейской, немецкой и польской национально-культурными автономиями [Объединения национальных меньшинств, 2001].

Областная Целевая программа развития и гармонизации национальных отношений народов Пермской области на 2004-2008 годы, являясь стратегическим документом, определяющим приоритеты в сфере регулирования межэтнических отношений, аналогично саратовской программе, фокусируется на проведении мероприятий фольклорного типа, призванных познакомить жителей региона с этнокультурной мозаикой, обычаями и традициями всех национальностей, проживающих в Перми и области [Областная Целевая программа развития ..., 2004]. Таким образом, номи-

нально и в Перми межнациональные отношения складываются довольно ровно, не внушая, на первый взгляд, особых опасений.

Основываясь на результатах исследования, можно заключить следующее.

1) Личное восприятие национальных меньшинств в обоих регионах было более позитивно окрашенным, чем мнение чиновников как профессионалов по тому же вопросу. В пользу положительного имиджа национальных меньшинств играли такие факторы, как «неизбежность проживания на одной территории со многими национальностями», «опыт длительного соседства с нерусскими национальностями», «дружеские отношения» установившиеся у многих респондентов с представителями национальных меньшинств. Несмотря на общее нейтральное или позитивное личное отношение опрошенных к национальным меньшинствам в обоих регионах, значительное место в нарративах особенно русских респондентов занимали примеры из жизни, связанные с негативным опытом общения, например, с азербайджанцами, армянами, грузинами при посещении овощных рынков; или с эстонцами и литовцами во время туристических поездок в советское время в республики Прибалтики. В любом случае, русские рассматривают себя как главного носителя и выразителя интересов всех национальностей представленных в регионах, поскольку численное преобладание русских делает их «ответственными за принятие решений, в том числе в сфере этнополитики».

2) Основным лейтмотивом персональных представлений респондентов о национальных меньшинствах и об этнокультурном многообразии в регионах было утверждение, что «чем меньше обращаешь внимание на национальные различия, тем меньше проблем». Сами участники интервью объясняли такую позицию тем фактом, что исторически «национальный вопрос» был болезненным для СССР и остался таковым для сегодняшней России. Кроме того, отсутствие четких государственных ориентиров в этнонациональной сфере, замалчивание существующих этносоциальных противоречий не дает почвы для ежедневного взвешенного и продуманного решения проблем межнациональных отношений. В целом, по мнению респондентов, обращение к «национальному вопросу» достаточно опасно. Такая позиция широко распространена в целом по России. Так, например, Павел Бородин недавно отметил, в связи с остро вставшим вопросом о мигрантах из бывших национальных республик, что все это «искусственное раздувание проблемы, ведь недавно были одной

национальности – советский народ, и главное было ощущать локоть друга» [А Вас достали приезжие? 2005. С. 10].

3) Большинство чиновников и городского, и областного ранга сочли проявление национального, культурного многообразия за пределами частной сферы скорее проблемой, чем преимуществом поликультурного региона. Практически все респонденты отмечали, что «в случае поступления на государственную или муниципальную службу представители национальных меньшинств будут стремиться привести туда же как можно больше «своих». Вопрос лоббирования этнических интересов очень заботит практически всех респондентов. В связи с этим, этносоциальная политика, построенная на принципах мультикультурализма и признания культурного многообразия во всех сферах жизни общества не представляется им вариантом, заслуживающим внимания на современном этапе развития обоих регионов.

4) Одним из самых действенных механизмов гармонизации межнациональных отношений респонденты называли разработку и немедленное применение на практике некоей идеологии, которая бы нивелировала все национально-культурные различия, создала бы «общую культуру», сглаживающую этнокультурное многообразие до уже известного гомогенизированного состояния «единого советского народа», с заменой «советского» на «российский».

5) До сих пор чрезвычайно живуч в сознании респондентов стереотип о том, что присутствие большего количества национальных меньшинств на управленческих должностях в областных и городских администрациях будет способствовать повышению уровня этнической напряженности и даже снизит уровень доверия населения к местным властям. Это, в свою очередь, совершенно противоречит принципам мультикультурализма и, следовательно, снова делает саму идею мультикультурализма не популярной в регионах.

6) Как выяснилось в ходе интервью, как и во времена борьбы с космополитизмом, сегодня существуют негласные, но имеющие достаточно четкие очертания «табу», предписывающие без особой надобности не продвигать на высокие должности в органах власти представителей национальных меньшинств. Здесь следует отметить, что респонденты старались подчеркнуть, что их собственное, индивидуальное мнение на этот счет зачастую расходилось с «официальной точкой зрения». При этом

личное отношение к национальным меньшинствам было более лояльным и толерантным, чем предписанное негласными институциональными правилами.

7) В настоящее время государственная и муниципальная служба как социальный институт скорее склонны принять ассимиляционную модель в отношении решения «национального вопроса» в пользу русского большинства, считая, что, поскольку русские численно преобладают в обеих областях, то следует их интересам подчинить интересы национальных меньшинств.

8) Особо следует отметить, какие причины, по мнению участников интервью, служат препятствием попаданию представителей национальных меньшинств в ряды муниципальных и региональных чиновников, что, в свою очередь, мешает им полноправно участвовать в принятии управленческих решений в регионах и непосредственно представлять на властном уровне свои интересы. На первом месте среди таких причин по важности стоит «проведение отбора и назначений по благу», «отсутствие реального конкурса», «отсутствие вакансий», «коррупционность чиновников». Далее следуют такие факторы, как «традиционная непредставленность национальных меньшинств в органах власти» и «нежелание самих представителей нерусских национальностей участвовать в управлении регионом». Последнее место занимают мнения, что «своим русским мало мест», «специально не хотят брать нерусских», и, кроме того, «широко распространены достаточно негативные стереотипы о тех или иных нерусских национальностях». Таким образом, причины системного, административного характера играют определяющую роль в вопросах привлечения или наоборот ограничения допуска национальных меньшинств к постам со значительными полномочиями.

9) Не менее интересными оказались суждения интервьюеров по вопросу, какими могут быть возможные последствия осуществления политики мультикультурализма в регионах. Следует подчеркнуть, что, во-первых, высказывания по этому вопросу довольно значительно разделились по региональному признаку. Если пермские респонденты верили, что усиление роли национальных меньшинств в управлении регионом принесет положительные изменения в этносоциальную политику Пермской области и повысит авторитет органов управления среди населения, то саратовские участники опроса придерживались в своей основной массе прямо противоположного мнения. Во-вторых, респонденты обоих регионов высказывали особую озабоченность

по поводу возможной «национальной экспансии» интересов и приоритетов со стороны национальных меньшинств и необузданного роста «национального лоббизма». Хотя и здесь региональные различия были достаточно ощутимыми. Пермяки соглашались, что даже при такой ситуации нужно стараться руководствоваться общенациональными, общегосударственными интересами и находить возможность для конструктивного диалога. В то же время, саратовцы сочли, что лучше не допустить такой ситуации, просто сократив до минимума влияние национальных меньшинств на сферу этносоциальной политики региона.

10) Вместе с тем следует отметить, что довольно заметны были региональные различия в мнениях респондентов и по ряду других обсуждаемых вопросов. Так, представители Пермской области высказывали более явную и яркую заинтересованность в обучении основам менеджмента культурного многообразия. Они же гораздо чаще своих Саратовских коллег приводили позитивные примеры взаимодействия русского большинства с национальными меньшинствами в регионе, отмечая, что акцентирование внимания на истории раздоров между народами ни в коей мере не способствует гармонизации национальных отношений и преодолению культурных барьеров, если таковые имеются. Кроме того, пермские респонденты, особенно муниципальные служащие, многократно подчеркивали в своих нарративах положительные черты, присущие именно тем или иным национальным меньшинствам и советовали русским взять эти черты, традиции и привычки на вооружение.

Таким образом, согласно результатам проведенного социологического исследования, респонденты в Перми и в Саратове показали достаточно низкий уровень толерантности по отношению к нерусским национальностям как конкурентам в сфере управления. Их мнения по «национальному вопросу» хорошо укладываются в модель, которую В. Третьякова, директора журнала «Политический класс», применил в отношении мигрантов, отметив, что «когда будет много мигрантов, придется делиться политической властью, а не только пособием по безработице» [Из выступления в передаче «Времена», 2005].

И если эта настороженность в отношении этнических меньшинств не слишком четко выражена в личном восприятии нерусских национальностей в качестве друзей и знакомых, то в вопросах, касающихся занятости, рынка труда, социального равенства и равных возможностей во всех сферах жизни общества подобная не толерантная позиция обозначена достаточно явно.

РАЗДЕЛ 3.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ В РОССИИ

Напомним, что термин «мультикультурализм» возник в Канаде в 60-е годы, когда канадский мультикультурализм явился попыткой решения проблемы биполяризации «англофонов» и «франкофонов» и сепаратизма Квебека. Метафора «этнической мозаики», характеризующая мультикультурализм в Канаде, была использована для анализа связи между этничностью и социальным классом, а также для определения места этнических групп в социальной иерархии общества [Kivisto, 2002]. До принятия мультикультурализма в качестве национальной политики Канады в 1971 году прибывавшие в страну иммигранты имели две опции – им предлагалось ассимилироваться с англо- или франко-говорящими канадцами и они должны были пребывать в атмосфере достаточно сложной толерантности, которую французы и англичане демонстрировали по отношению друг к другу, и которая не распространялась на иностранцев, не желающих ассимилироваться или верили, что они неассимилируемы [Kumlicka, 2001]. С начала 70-х мультикультурализм в Канаде базировался на особом законодательстве, не допускающем дискриминации в сфере языка, культуры, образования и требующем равенства возможностей в доступе к рабочим местам и продвижении по службе [Wieviorka, 2001].

Начиная с 2000 года, публикации, посвященные исследованиям мультикультурализма, культурного многообразия, все чаще переосмысливают эти феномены. Одни авторы стараются проде-

монстрировать их «живучесть» и актуальность в условиях новых социальных реалий, по-иному взглянуть на теоретический фундамент мультикультурализма и культурного многообразия с позиций социальной и политической теории, философии, социологии, культурологии [Kymlicka, 2001, 2003; Modood, 2005; Parekh, 2000, 2005, 2008; Tiryakin, 2004; Тернборн, 2001]. Другие стремятся оценить успехи и провалы мультикультурализма в Европейских странах и странах Северной Америки с точки зрения устоявшихся и новых социальных и культурных практик, отношений общества к различным меньшинствам в контексте социального государства [Kivisto, 2002; Kottak & Kozaitis, 2003; Rice, 2005]. Третьи подвергают анализу институциональные изменения, происходящие в мультикультурных обществах, и требования, которые культурное многообразие накладывает на социальные институты [Alexander, 2001; Alibhai-Brown, 1999; Kovács, 2003; Mason, 2000, 2003].

Проверку на актуальность и релевантность мультикультурализм проходит в совершенно разных социальных, политических, экономических, культурных, демографических контекстах тех государств, где он либо является государственной политикой (как, например, в Канаде и Австралии), либо основные принципы мультикультурализма обязательно учитываются при принятии важнейших решений на уровне государства (например, в Великобритании и США). Одно из важных определений мультикультурализма можно найти в словаре «Dictionary of Race, Ethnicity and Culture», где этому понятию отведены две статьи. В первой мультикультурализм определяется как «сосуществование ряда различных культур внутри какой-либо группы общества». Во второй акцентируется внимание на рассмотрении данного термина с позиций социологических и политических дискуссий, где мультикультурализм предстает как определенная политическая система или государственная политика, нацеленная на гарантированное равное признание различных культур и не допускающая дискриминации по признаку принадлежности к особой группе этнических/культурных меньшинств [Dictionary, 2003. P. 183-184]. Именно такое определение мультикультурализма мы продолжим использовать в настоящей работе.

Основные принципы мультикультурализма, приведенные в разделе 1 настоящей брошюры, в полной мере реализуются в рамках политики культурного многообразия, которая, в свою очередь, позволяет мультикультурным государствам рассматривать культурную политику как основу для стратегического развития. Перефразируя Гёрана Терборна, можно сказать, что происходящая сегодня актуализация интереса к проблеме мультикультурализма и культурного многообразия имеет следующие причины. Во-первых,

культурные различия в обществе не только не исчезают или сглаживаются, а, наоборот, проявляют явные тенденции к нарастанию. Во-вторых, поскольку поведение иммигрантов шло в разрез со сложившимися ранее представлениями, результатом стал отказ от идеи «плавильного котла» в Новом Свете и от ассимиляции во Франции и странах Северо-Западной Европы в пользу мультикультурализма. В-третьих, восприятие иммигрантов в Центральной Европе только как временных гастарбайтеров трансформировалось в понимание того факта, что они будут там всегда и нужно учитывать это в формировании политики центрально-европейских государств. И, наконец, сформировавшаяся в США в конце 1970-х годов культурная политика идентичности перестает фокусироваться только на этнических меньшинствах, получая все большую поддержку от представителей культурных меньшинств, социально-уязвимых и маргинализированных групп [Терборн, 2001. С. 51-52].

Термин «мультикультурализм» появляется в лексиконе отечественных исследователей, начиная с 90-х годов века. Первоначально для обозначения указанного выше феномена, отнесенного только к западной социальной и политической реальности [Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999; Тишков, 1997; Паин, 2000; Куропятник, 2000]. Совсем недавно российские ученые начали изучать мультикультурализм и его основные ценности, принципы с точки зрения его возможной адаптации к российскому контексту. Это стало необходимым в свете анализа результатов распада Советского Союза и развития бывших союзных республик как самостоятельных государств [Антонова, 2006; Борисов, 2003; Малахов, 2002; Низамова, 2005; Осипов, 2008].

В 1991 году Российская Федерация ратифицировала Европейскую культурную конвенцию [Европейская культурная... 1954] и присоединилась к работе Руководящего комитета по культуре и Руководящего комитета по культурному наследию Совета Европы (СЕ). Тем самым Россия продемонстрировала понимание необходимости использования новых подходов к культурной политике как действенному инструменту построения мультикультурного общества. В интересах дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества между Российской Федерацией и Советом Европы в рамках секторов культуры и культурного наследия разработана Рамочная программа на период 2009 - 2011 годов [Рамочная программа, 2009], где специальный акцент делается на важности осуществления межкультурных стратегий по управлению культурным и религиозным разнообразием. Одним из направлений сотрудничества в ходе реализации Рамочной программы является пилотный проект «Межкультурные города». Это совместная акция Совета Европы и Европейской Комиссии, цель которой - изучить

европейский опыт мультикультурализма и применить его в соответствии с российскими реалиями [Антонова, Карпова, 2011. С. 103].

Обеспечение единого культурного пространства для представителей всех культур и всех социальных групп, проживающих в городе, подавшем заявку на конкурс «Европейская культурная столица», является необходимым условием для успешной реализации этой программы в случае победы в конкурсе. Поэтому принципы проведения конкурса, критерии отбора победителей – суть признание фундаментальной роли политики культурного многообразия в развитии государств Европы и мира. К сожалению, Москва, которая могла претендовать на такой статус, потеряла этот шанс. В 2010 г. звание Европейской культурной столицы и право на проведение соответствующих мероприятий завоевал Стамбул (Турция). С 2011 года Европейская Комиссия изменила правила проведения конкурса, и теперь в нём могут участвовать только страны, входящие в состав Совета Европы. В текущем году победителями конкурса стали города Турку (Финляндия) и Таллинн (Эстония) [Европейская Комиссия, 2011].

В настоящее время межкультурный диалог является неотъемлемой традиционной частью культурной и социальной политики России, как страны культурного многообразия. Начало такому диалогу положили еще советские концепции «межнациональных отношений» и «дружбы народов». Наиболее распространенными формами этого диалога являются конференции, фестивали, выставки, межрегиональные обмены.

Поддержанию и развитию межкультурного диалога в значительной мере способствует плодотворное взаимодействие России со странами Европы. В июне 2009 года состоялось открытие Совместной программы Совета Европы и Европейской Комиссии в сотрудничестве с Министерством регионального развития Российской Федерации «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества». Программа осуществляется в пилотных регионах – Алтайском крае, Республике Дагестан и Республике Мордовия, и продлится до конца 2011 года. Главная цель программы состоит в поощрении этнических и национальных меньшинств в России и в расширении признания их особой самобытности в области культуры, образования, языков СМИ и гражданского общества. В ходе реализации программы проводятся информационные и обучающие семинары для самых разных аудиторий, например, для СМИ, представителей судебной власти, представителей региональных, местных органов власти и региональных и местных неправительственных организаций, которые занимаются обеспечением культурных и языковых прав национальных

меньшинств в пилотных регионах [Совместная программа ... 2009].

Министерство регионального развития Российской Федерации несет ответственность за регулирование межэтнических, межкультурных отношений и сотрудничества между государственным управлением и национально-культурными автономиями, религиозными общинами. Повседневные культурные взаимодействия общественных групп, имеющих сильные этнические, религиозные корни, главным образом организованы местными властями. В регионах создаются «Дома дружбы», городские и областные «Центры национальных культур», которые выступают как площадки для творческого диалога, проведения мероприятий, принадлежащих к национальным культурным движениям. В крупных городах, в образовательных учреждениях и учреждения дополнительного образования введены программы по продвижению идей толерантности. Важно, чтобы межкультурный диалог базировался на соответствующих ценностях и принципах, укорененных в компетенциях муниципальных и государственных служащих, ответственных, в том числе, за реализацию культурной и социальной политики [Антонова, Карпова. 2011, С. 112].

Социологи отмечают, что, начиная с середины 90-х годов, городские и региональные власти стали уделять значительное внимание развитию культурных традиций этнических меньшинств [Дробижева, 2002, 2003]. Этому немало способствовало совершенствование правового поля, а именно принятие законов «О национально-культурной автономии» (1996), «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» (1999), Концепции государственной национальной политики (1996). Однако применяемые для этого подходы почти всегда оказываются ограниченными рамками популярных «мероприятий», зафиксированных в разного рода программных документах [Областная целевая программа «Развитие культуры на 2002-2005 годы; 2006-2010 годы»].

Привычка ограничивать работу в сфере культурного многообразия «протокольными мероприятиями фольклорного характера приводит к тому, что остаются невостребованными накопленные знания и опыт по гармонизации национальных отношений и построению этносоциальной и культурной политики регионов России [Антонова, 2006; Бельфiore, 2009; Макарова, 2009; Панова, Федорова, 2006], отечественные и зарубежные научные разработки» [Антонова, Карпова, 2011. С. 116].

Представляется, что налаживанию и поддержанию результативного межкультурного диалога в России мешают до сих пор существующие в сознании населения этнокультурные стереотипы, достаточно высокий уровень ксенофобных настроений, низкая

мультикультурная компетентность чиновников и населения в целом [Паин, Мукомель, 2006; Арутюнова, 2009, 2010]. О проблемах в реализации межкультурного диалога, на наш взгляд, свидетельствуют и события 11 декабря 2010 года на Манежной площади в Москве. «К сожалению, в очередной раз появляются основания говорить, что в современном российском обществе уделяется недостаточно внимания серьезно, системному изучению проблем, связанных с культурным, в том числе, этническим многообразием населения, с адаптацией мигрантов, с учётом культурного многообразия как минимум в социальной, образовательной и культурной политике нашего государства. Социальная напряженность, растущая в обществе, прорывается там, «где тонко» – в декабре 2010 этим слабым звеном в очередной раз стали межнациональные отношения. Ксенофобные и мигрантофобные настроения россиян, находящиеся на достаточно высоком уровне, способствуют развитию националистических движений в стране» [Антонова, Карпова. 2011, С. 16].

Как отмечало 15 декабря 2010 года новостное агентство «Рейтер», «Кремль <...> отреагировал на рост напряженности в обществе, призвав отдавать приоритет на рынке труда гражданам России, а грязные работы оставить иммигрантам». Ссылаясь на первое лицо государства, Агентство «Рейтер» пишет: «Вместе с региональными властями профсоюзы должны добиваться от работодателей, чтобы привлечение иностранных работников шло не в ущерб нашим гражданам. Чтобы они занимали свою нишу, свой кластер, который – может быть – нашими не настолько востребован», – сказал президент» [Демкин, 2010]. Подобная точка зрения, очевидно, не очень согласуется с принципами мультикультурализма и построенной на его основах социальной политикой, поскольку заранее определенное место для иностранной рабочей силы не дает оснований надеяться на то, что трудовым мигрантам, а возможно и гражданам ближнего зарубежья, приезжающим на постоянное место жительства в Россию, не придется испытывать системную дискриминацию при трудоустройстве и скорее всего при обращении за получением социальных услуг в столице и в российских регионах [Антонова, Карпова, 2011. С. 16-17].

Согласно опросам Левада-Центра, в ноябре 2009 года 61% россиян высказывались за то, что правительство России должно пытаться ограничить приток приезжих [Россияне о приезжих... 2009]. Кроме того, по данным того же источника, сохраняется следующая устойчивая тенденция – свыше 50% россиян в течение последнего десятилетия в той или иной мере поддерживают идею «Россия для русских». На ещё более радикальной позиции относительно того, что такую идею «давно пора осуществить», настаива-

ют от 14 до 21% респондентов [Россия для русских или для всех россиян?, 2009]. По данным журнала «Профиль», «националистические движения ежегодно пополняются тысячами молодых парней, которые искренне не понимают, почему они должны терпеть национальную самобытность, а также и противоправные действия приезжих» [Профиль, 2010].

Однако следует сказать, что мультикультурализм – улица с двусторонним движением. Не только принимающее общество должно стремиться к обеспечению максимально безболезненной адаптации мигрантов. Претендующие на постоянное место жительства в другой стране также должны уважать законы, ценности, традиции, общественные нормы, стиль жизни представителей того народа, той культуры, в которую им предлагается интегрироваться пусть даже при сохранении собственной уникальности. А поэтому очевидно возрастает роль просветительской, образовательной работы государственных и общественных институтов в направлении мультикультурализма и политики культурного многообразия.

В настоящее время «в России поликультурность скорее воспринимается как сложная и многогранная проблема, нежели как благо и даже бизнес-преимущество, позволяющее более профессионально и эффективно вести деловые отношения с представителями различных культур, более четко вписываться в рамки международных соглашений» [Антонова, Карпова. 2011. С. 119].

РАЗДЕЛ 4.

КОНЦЕПТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ И ЭКСКЛЮЗИИ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Как справедливо отмечает известный канадский философ, политолог и социолог Уилл Кымлика, в последние два десятилетия социальные государства во всем мире продолжают находиться под серьезным гнетом целого ряда глубоких социальных изменений, к которым, прежде всего, следует отнести глобализацию, технологический прогресс, миграционные и демографические тренды, включая старение населения, трансформацию существующих идеологий [Multiculturalism and the Welfare State, 2006. P. 4].

Кроме того, глобальная проблема многообразия привносит в жизнь современных обществ дополнительную тревогу, которой Гудхарт и Пирс дали имя «нарастающей дилеммы» (progressive's dilemma): каким образом попеременно обеспечивать в рамках социальной политики то справедливое перераспределение в обществе, то реализацию принципов мультикультурализма [Multiculturalism and the Welfare State, 2006. P. 5]? В недавнем прошлом ряд западных социологов и политологов рассматривали увеличивающиеся миграционные потоки и принятие политики мультикультурализма как угрозу сложившимся и почитаемым национальным традициям и ценностям. Сегодня неумелое обращение с культурным многообразием грозит основам социального государства.

В российской действительности понимание указанных сложностей и дилемм только начинает обретать свои очертания и,

прежде всего, находит выражение в обращении к социальной инклюзии как принципу социальной политики, которая может и должна быть, с одной стороны, дифференцированной, то есть предлагающей различным группам разные ее формы [Малева, 2012], а с другой, способствовать социальной интеграции всех членов общества, которую должна обеспечивать не только доступная система социальной защиты, но и наличие институтов развития. Вероятно, в условиях мультикультурного общества, все основные усилия государства по обеспечению достойной жизни граждан должны носить в определенном смысле инклюзивный характер, чтобы реализация политик в пользу тех или иных социальных групп не оборачивалась эксклюзией для других. Опыт развитых западных стран, являющихся в основе своей «мигрантскими», мультикультурными, например, Канады, явно демонстрирует, что есть все основания ожидать, что меньшинства, будь то недавние мигранты или те, кто проживают исторически на территории страны, будут продолжать настаивать на признании и выдвигать все новые требования, которые множатся под влиянием огромного количества факторов социального, экономического, политического характера, укорененных в существовании современных обществ [Multiculturalism and the Welfare State, 2006. P. 4]

В этой связи нам кажется важным обратить внимание на происходящее сегодня переосмысление и формирование основ национальной политики России. Также оказавшись перед вызовами мультикультурализма, впрочем, гораздо позднее западных государств, Россия разрабатывает и утверждает в декабре 2012 г. Стратегию государственной национальной политики страны, которая «носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер, призвана развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей)» [Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года"]. Несмотря на то, что в явном виде в документе такие понятия как «инклюзия» или «эксклюзия» не присутствуют, имплицитное обращение именно к сути этих концептов, на наш взгляд, заложено и в целях (среди них, например, заявлены гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов), и в принципах национальной политики России (таких, например, как равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка,

происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств). Таким образом, следует, на наш взгляд, согласиться с тем, что «инклюзия становится новым кодовым знаком для обозначения стремления к преодолению неравенства, обретения свободы и нового качества жизни» [Инклюзия как принцип ..., 2008. С. 6.].

Вернее, инклюзия была таким кодом со второй половины XX века, сформировавшись в ответ на явление социальной эксклюзии, связанной, как свидетельствует Хилари Силвер (Hilary Silver), прежде всего с упоминанием бедных в качестве *les exclus* во Франции 60-х годов XX века, а затем, в 80-х годах, уже с распространением этого понятия на все более широкий слой социально незащищенных лиц. К ним принято было причислять умственно и физически неполноценных, пожилых и инвалидов, людей с суицидальной склонностью, детей, подвергшихся насилию, наркоманов, преступников, матерей и отцов-одиночек, маргинальных, асоциальных лиц, семьи с множественными проблемами и других «неудачников» (*social misfits*), плохо приспособленных к жизни [Silver, 1994. P. 531-578]. Необходимость каким-то образом справиться с *les exclus* привела к формированию разного рода социальных программ, направленных в разные времена, согласно политическим и экономическим приоритетам того или иного государства, например, на социальную поддержку безработных и инвалидов, или на молодежь, не имеющую достаточных навыков для получения работы. Со временем, ближе к концу XX века, термин «социальная эксклюзия» начинает подчеркивать не столько экономические сложности, сколько фиксирует растущую неустойчивость социальных связей: нестабильность семей, рост числа одиноко живущих людей, социальную изоляцию и заметное снижение уровня социальной солидарности, основанной на разного рода союзах, соседствах и сообществах, а также на развитых социальных сетях. Таким образом, социальную эксклюзию следует рассматривать не только с материальной, но и с духовной и символической точек зрения [Silver, 1994. P. 531-578].

Именно эти аспекты эксклюзии стали отправными точками для выработки социальной политики более индивидуализированного социального государства, базой которого являются принципы социальной сплоченности, участия и интеграции. Иными словами, социальная инклюзия должна в определенном смысле реализовать как потребности современного индивидуализированного общества, так и обеспечить исполнение традиции солидарности. На наш взгляд, задействованными в обеспечении социальной инклюзии в обществе должны быть основные социальные институты, а также

множество получающих сегодня развитие социальных сервисов, которые, с одной стороны, предлагают разнообразие социальных услуг на любой вкус и кошелек, а с другой, как раз могут работать на восстановление значительно истончившейся в последние два десятилетия социальной сплоченности и солидарности, привлекая к служению общественным интересам бизнес, некоммерческий сектор, волонтеров, различные общественные объединения и движения. В условиях мультикультурного общества все больше различных символов опираются на такие проявления культурного многообразия, как, например, этническая кухня и этнические мотивы в современной одежде, этническая музыка и искусство. На наш взгляд, эти проявления лёгкого, называемого еще сувенирным, мультикультурализма («boutique multiculturalism»), во многом служат популяризации этнокультурных различий и восстановлению исчезающей социальной солидарности.

Предлагая социологическое определение эксклюзии, Хилари Силвер отсылает нас к дефиниции, которую дает М. Ксиберрас (Martine Xiberras) с опорой на риторику Э. Дюркгейма: социальная эксклюзия это результат постепенного разрушения социальных и символических связей – экономически, институционально и индивидуально значимых – которые в нормальном состоянии скрепляют индивида и общество [Silver, 1994. P. 534].

Следует отметить, что некоторые исследователи предлагают различать ситуацию и состояние социальной эксклюзии, полагая, что первое - это некие объективированные обстоятельства, оказавшись в которых люди не могут воспользоваться предоставленными им социальными или иными правами [Бородкин, 2000. С.7]. Например, из-за отсутствия соответствующих архитектурных деталей – пандусов, широких коридоров, – многие «колясочники» не имеют возможности посещать музеи, а слабовидящие люди не могут сформировать представление о том или ином скульптурном шедевре, поскольку их нельзя трогать руками, то есть нарушается право на доступ к культурным благам. То есть в ситуации социальной эксклюзии оказываются люди, чьи права ущемляются в том или ином виде. Состояние же социальной эксклюзии есть итог самоидентификации и личного восприятия человеком сложившейся жизненной ситуации [Бородкин, 2000. С.7]. Так, параолимпийцы, добившиеся самых высоких результатов в различных видах спорта, чаще всего не ощущают себя исключенными из общества и наоборот, являются примером для всех в части поддержания активной жизненной позиции и позитивного взгляда на жизнь.

М. Вольф классифицирует ситуации социальной эксклюзии следующим образом: «эксклюзия от средств к существованию; эксклюзия от социальных услуг, благосостояния и сетей социаль-

ной безопасности; эксклюзия от культуры потребления; эксклюзия от политического выбора; эксклюзия от массовых организаций и солидарностей; эксклюзия от возможности понимания происходящего» [Wolf, 1994. P. 81-102]. В российском законодательстве принято считать людей, социально исключенных из общества, по-падшими в «трудную жизненную ситуацию». Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» определяет группы, о которых должна проявляться забота как о нуждающихся в помощи из-за особого тяжелых жизненных ситуаций, в которые они попали. Неполный список таких групп включает: инвалидов, людей пожилого возраста, нетрудоспособных и социально уязвимые группы населения, детей-сирот, безнадзорных детей, несовершеннолетних правонарушителей, детей-социальных сирот, лиц без определенного места жительства, лиц, неспособных к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, малообеспеченных, безработных, детей, подвергающихся жестокому обращению в семье, граждан, пострадавших от физического или психического насилия, стихийных бедствий и т.д.

Как можно заметить, каждая из этих групп вероятнее всего окажется в ситуации множественной эксклюзии: если рассматривать классификацию Вульфа, то, например, являясь социальным сиротой, ребенок будет испытывать и недостаток в средствах к существованию, и отсутствие социальных, теплых связей и контактов, и проблемы в части безопасности. Люди могут обнаружить себя социально исключенными в плане, например, заработка; гарантированной постоянной занятости; собственности; жилища; минимального уровня потребления; образования, навыков, культурного капитала; пособий и выплат со стороны социального государства; гражданских прав и равенства перед законом; участия в демократическом процессе; общественных благ; семьи и коммуникации; гуманного обращения, уважения, понимания.

Поскольку оснований для социальной эксклюзии в современном мире становится все больше, на рубеже веков, считает Энтони Гидденс, понятие социальной эксклюзии превратилось в своего рода модное словечко – buzzword [Giddens, 2000], что свидетельствует о значительной диффузии соответствующего дискурса и его преимущественной роли в политической сфере. А Рут Левитас, комментируя в 2005 г. британский курс новых лейбористов отмечает, что «язык социальной эксклюзии больше не принадлежит только экспертному сообществу. Язык социальной эксклюзии стал обычным в публичном дискурсе и проник в политику правительства» [Levitas, 2005. P. ix].

Следует подчеркнуть, что определение социальной эксклюзии, формулируемое современной британской исследовательницей Рут Левитас (Ruth Levitas) и ее соавторами, концентрирует внимание на том, что социальная эксклюзия может относиться как к индивиду, так и к группе, а также может характеризовать различные направления общественной жизни. Согласно Левитас, социальное исключение есть сложный, многомерный процесс, который включает нехватку или отказ в ресурсах, правах, товарах и услугах, и невозможность участвовать в нормальных отношениях и активностях, доступных большинству членов общества на экономической, социальной, политической или культурной аренах. Оно оказывает влияние как на качество жизни индивидов, так и на справедливость и сплоченность общества в целом [Levitas, Pantazis, et.al., 2007. P. 25].

Следовательно, социальная инклюзия, вероятно, должна обеспечить защиту от любых ситуаций эксклюзии, и как не допустить появления новых социально исключенных лиц и групп, так и помочь возврату в полноценное общество уже попавших в ловушку эксклюзии.

Говоря о социальной инклюзии, имеет смысл, на наш взгляд, считать, что это есть некий процесс, которые должен ограничить в обществе условия для появления тех самых ситуаций, которые объективируются в виде ущемления прав и эксклюзии. Здесь мы солидарны с европейскими разработчиками документа, названного «Создавая инклюзивное общество: реальные стратегии для продвижения социальной интеграции», которые дают следующее определение: социальная инклюзия есть процесс, включающий определенные усилия для достижения равных возможностей для всех, независимо от пола, возраста, социального статуса, образования, этнической принадлежности и т.д., с тем, чтобы обеспечить полноценное и активное участие во всех сферах жизни, включая гражданскую, социальную, экономическую и политическую активность и также участие в процессе принятия решений, а также процесс, с помощью которого общество борется с бедностью и социальной эксклюзией [Creating an Inclusive Society, 2009. P. 12].

Имеющая европейские корни трактовка понятия социальной инклюзии/эксклюзии, в последние 10 лет получила постоянную прописку в документах Европейского Союза, касающихся самого широкого спектра социальных проблем стран Союза и связанных с ними вопросов, включая реформу системы социальной защиты. Так, с 2001 года страны-члены Европейского Союза составляют так называемые Национальные Планы Действий по социальной инклюзии и представляют их в Брюссель для экспертного рецензирования и включения в Совместный Отчет по Социальной Эксклюзии

зии [Silver, 2010. P. 187]. Например, в 2008-2010 гг. участникам Европейского Союза было рекомендовано оценить в своих отчетах, насколько отдельные программы социальной защиты и социальной инклюзии повлияли на ситуацию с безработицей и экономическим ростом, и каким образом программы занятости способствовали социальной инклюзии и социальной защите граждан. Ядром таких социальных программ тогда стали попытки «активной инклюзии» людей, наиболее «удаленных от рынка труда» и тем самым «наиболее уязвимых в социальном плане». По итогам проведенных оценок, в 2008 г. Европейский Парламент принял декларацию, обязывающую положить конец уличной бездомности в Европе [Silver, 2010. P. 187].

Перед лицом экономического кризиса, в 2009 г. Европейских Союз снова обратился к европейским «ценностям солидарности». Разработанный в то время Европейский план по восстановлению экономики требовал создать «программы активной инклюзии», включая «меры, направленные на создание инклюзивных рынков труда, обеспечение доступа к качественным услугам и минимального дохода» с тем, чтобы смягчить социальные последствия кризиса. Целевыми группами на тот момент были выбраны такие группы риска, как дети, живущие в нищете, бездомные, цыгане и мигранты. План предлагал также активнее использовать консультации и участие со стороны стейкхолдеров, женщин и других исключенных групп на разных уровнях, чтобы обеспечить мониторинг структурных социальных реформ и тем самым расширить возможности, доступ к услугам и солидарность в обществе в период кризиса.

Еще одной группой, подверженной социальному исключению во множестве различных форм, являются как в странах Европейского Союза, так и в России, инвалиды. Во Франции, например, инвалиды составляют 1/6 взрослого населения страны. Среди инвалидов выше доля безработных, бедных и социально изолированных людей, они в два раза реже получают высшее образование, чем те граждане Европейского Союза, которые не имеют инвалидности. При этом даже те инвалиды, у кого есть высшее образование, практически не имеют шансов получить престижную работу. Многие товары, услуги, вплоть до возможности участвовать в выборах недостижимы для инвалидов из-за отсутствия необходимой транспортной инфраструктуры и существующего архитектурного дизайна. Кроме политических и экономических аспектов, инвалиды страдают от еще одной формы социальной эксклюзии, а именно от отсутствия социальных связей и отношений. Половина всех граждан Европейского Союза, являющихся инвалидами, никогда не участвовали в каких-либо видах отдыха или спортивных меро-

приятнях, треть – никогда не были за рубежом, не совершали даже однодневную поездку куда-либо, инвалиды реже, чем люди, не имеющие проблем со здоровьем, видятся со своими родственниками и друзьями. Все указанные проявления и последствия социальной эксклюзии инвалидов легли в основу Плана действий, направленного на исправление сложившейся ситуации с инвалидами в странах Европейского Союза на 2004-2010 гг. [Silver, 2010. P. 189].

Основываясь на приведённых определениях, а также примерах конкретных программ социальной инклюзии в Европе, заметим, что механизмы, мотивации и агенты социальной инклюзии и социальной эксклюзии различны и социальная инклюзия и эксклюзия не являются сторонами одной медали. Поскольку исключение маргиналов, отказ им в доступе к услугам и благам может предоставлять определенные преимущества инсайдерам, тем, кто присутствует в общественном мейнстриме, то социальная инклюзия на самом деле может дорого стоить тем, кто должен делиться своими шансами с новоприбывшими членами общества. Кроме того, в ряде случаев социальная эксклюзия может быть использована для поддержания социального порядка или для строительства социального сплочения путем проведения различий членов общества и «другого». Исключение, также как изгнание, может служить и наказанием, санкцией за нарушение норм группы. Ну и, конечно, эксклюзия и дискриминация могут быть выражением явной ненависти, желания дистанцироваться самому или дистанцировать свою группу, культуру от негативных характеристик, стигмы, которые следует за контактом с «другим» [Silver, 2010. P. 193].

В свою очередь, Вудвард и Коли подчеркивают, что социальная эксклюзия и социальная инклюзия различаются следующим образом: первая имеет дело с социальными проблемами, вторая – с членством, принадлежностью к определенной группе, сообществу [Woodward, Kohli (eds.), 2001. P.45], что сближает инклюзию с партнерством, участием в разного рода ассоциациях, отношениях (participation).

Заметим, что в случае, когда происходит правовая оценка, например, представителей тех или иных меньшинств, как раз часто проявляется именно указанное различие между эксклюзией и инклюзией. Так, аффирмативная акция, является элементом политики социальной инклюзии, и обеспечивает некую компенсацию определенным группам меньшинств за однажды существовавшее в истории угнетение их со стороны большинства. Но ведь общество, которое было уже озабочено цветом кожи, тем самым, ставя те или иные меньшинства в невыгодное, ущемленное и дискриминируемое положение, не может просто декларировать, что оно стало на позиции непризнания различий по цвету кожи (colour blind approach) и не

делать ничего больше, чтобы исправить и выровнять ситуацию, сделать ее справедливой [Silver, 2010. P. 194]. Поэтому с середины 2000-х в Америке можно было с легкостью встретить, например, работника крупного международного аэропорта, государственного служащего, который не говорил по-английски, а изъяснялся только на родном испанском. Аффирмативная акция предписывала иметь определенное число Hispanics на ряде позиций государственных служащих, а каким образом создать условия для их успешной инклюзии она не оговаривала. Подобный пример показывает, как желание мультикультурного государства позитивно ответить на требования меньшинств о признании, может обернуться дополнительными мотивами для отторжения части мигрантского сообщества и разрушения социальной солидарности.

Таким же образом, например, общественные места ранее недоступные для женщин не могут рассчитывать на то, что они вдруг станут инклюзивными сами собой, если ничего не будет сделано для того, чтобы приспособить их для посещения женщинами, например, создав приватные удобства. Итак, мы солидарны с вышеприведенными аргументами в пользу того, что социальная инклюзия не есть элементарная противоположность социальной эксклюзии [Silver, 2010.].

Отдельное внимание уделяется в рамках концептуализации социальной инклюзии и эксклюзии следующим принципиальным вопросам: например, должны ли осуществляемые социально-экономические меры и соответствующие политики (policies) преобразовывать социальную структуру, системы социальной дифференциации и условия, которые формируют основания для социальной эксклюзии? Или преодолевать социальную эксклюзию следует через интеграцию маргинализованных членов общества в мейнстрим? Митчелл и Шиллингтон отмечают, что различные точки зрения относительно этих вопросов зависят, во многом, от идеологии конкретного государства [Mitchell, Shillington, 2005. P. 13-17].

Один из наиболее известных идеологических подходов заключается во взгляде на безработицу как одну из главных причин социальной эксклюзии. В этом случае главной заботой государства является поддержание социальной сплоченности общества, которая базируется на норме занятости. Соответственно, основные политики государства сосредоточены на предоставлении маргинализованным членам общества возможности найти оплачиваемую работу. Основная критика этого подхода сводится к тому, что он концентрируется исключительно на рынке оплаченного труда и игнорирует ценность безвозмездного труда (например, домашний труд или волонтерский) и заботы, ухода, которые, могут быть также без оплаты оказаны членам семьи, нуждающимся. Кроме того,

указанный подход не берет в расчет гендерное, возрастное, расовое и другие виды неравенства на рынке труда. Другой подход фокусируется на моральной стороне социальной эксклюзии, на тех неудобствах, неполноценности, которые испытывают «исключенные» члены общества. Государство в таком случае заботится о том, чтобы избежать излишней зависимости социально исключенных членов общества от выплаты пособий малоимущим, которыми оно пытается компенсировать эту «исключенность». Работа рассматривается тогда как моральное обязательство, которое помогает не разрушить индивидуальную инициативу и чувство собственного достоинства. Политики, предлагаемые государством для решения проблемы, обычно сводятся в таком случае к ужесточению ограничений на доступ к получению и объему выплачиваемых в рамках программ поддержки малоимущих средств [Mitchell , Shillington, 2005. P. 15-17].

Легко видеть, что инклюзия через повышение занятости имеет очевидные ограничения. Как сообщают канадские исследования последних лет, несмотря на значительное снижение уровня безработицы, бедность в Канаде продолжает оставаться достаточно высокой, причем многие работающие семьи входят в эту категорию, а низко оплачиваемая и рискованная занятость быстро становится непреложной чертой современной экономики [Mitchell , Shillington, 2005. P. 15-17]. Поэтому и политики, фокусирующиеся на осуществлении инклюзии с помощью методов регулирования рынка труда часто на практике просто меняют одну форму эксклюзии на другую: эксклюзия от занятости против эксклюзии через маргинальные формы занятости. Вслед за Митчелл и Шиллингтоном мы считаем, что более правильно было бы подходить к социальной инклюзии с той точки зрения, какое влияние оказывают бедность, неравенство, и, соответственно, исключенность на жизнь людей, и потому рассматривать концепт социальной инклюзии с акцентом на ответственность, которую все общество несет за создание условий для инклюзии [Mitchell , Shillington, 2005. P. 15-17].

Опыт социальной инклюзии и социальной интеграции: современные зарубежные и отечественные практики

Так называемая Европейская «зеленая книга»* по проблемам Европейской социальной политики, предложенная Комиссией Европейских Сообществ в качестве стратегического документа Ев-

* Green Book - официальный правительственный документ, содержащий предложения относительно будущей политики правительства, который представляется парламенту для обсуждения. Название дается по цвету обложки документа

ропейскому Союзу в 1993 г., содержала значимую озабоченность социальными изменениями, приведшими к проявлению в Европе всё большей социальной эксклюзии и предлагала в свете преодоления создавшейся ситуации «стимулировать солидарность и социальную интеграцию», а именно: развивать превентивные и реабилитационные меры в отношении бедных и социально исключенных групп; заниматься анализом рисков и возможностей молодых граждан Евросоюза; уделять внимание экономической и социальной роли пожилых в обществе; представлять равные возможности всем иммигрантам, включая приезжающих их стран третьего мира; обеспечивать интеграцию людей с ограниченными возможностями здоровья; бороться с проявлениями расизма и ксенофобии; охватывать жителей сельской местности всеми необходимыми социальными услугами» [European Social Policy, 1993. P. 43-49].

Опираясь на идеи Т. Парсонса, Н. Лумана, Г. Эндрюейта [Астоянц, Россихина, 2009], В. Ярской, разграничим понятия «социальная инклюзия» и «социальная интеграция». Так, Т. Парсонс «объяснял инклюзию как признание людей в качестве членов общественного сообщества, постулируя их фактическое состояние с вытекающими правовыми последствиями» [Сизова, 2006. С. 176]. Социальное государство, вмешиваясь в социальные отношения, с помощью инклюзии обеспечивает выполнение социальных прав. Усиливающееся культурное многообразие общества заставляет социальные институты вырабатывать новые практики инклюзии в отношении мигрантов, людей с ограниченными возможностями здоровья, представителей различных доходных и возрастных групп и т.д. Продолжая идеи Т. Парсонса, Н. Луман обращает внимание на то, что «каждый должен иметь право на создание семьи, на участие в политической власти; каждый должен воспитываться в школе, в случае необходимости получать медицинскую помощь, иметь возможность принимать участие в экономическом обороте. Принцип включения замещает солидарность, которая основывается на принадлежности индивидуума к одной и только одной группе» [Сизова, 2006. С. 176]. Следовательно, именно в социальной инклюзии заключается возможность государства проводить политику социальной интеграции, которая, предположительно, должна стать цементирующей основой всякого социального государства и, одновременно, должна каким-то образом учитывать не ослабляющее культурное многообразие общества.

Соглашаясь с В. Ярской, будем под социальной инклюзией в широком смысле понимать «демократическую акцию включения индивида или группы в более широкое сообщество с целью приобщения к определенному действию или культурному процессу»

[Ярская, 2008. С. 11] и будем считать, что социальная инклюзия – обязательный процесс, ведущий к социальной интеграции.

В целом, если говорить об эксклюзивном и инклюзивном подходах различения, следует также отметить работу У. Бека «Что такое глобализация?». В ней эксклюзивное различение подчиняется логике «или – или» и тогда «мир выглядит как сосуществование и соподчинение отдельных миров, в которых идентичности и принадлежности исключают друг друга. Каждый неожиданный случай рассматривается как чрезвычайный. Он раздражает, шокирует, ведет к вытеснению или к активности, восстанавливающей порядок [Бек, 2001. С. 96-97]. Именно такой формат различения превалирует сегодня в российском обществе – будь то представитель нетрадиционной сексуальной ориентации, или ребенок к тяжелым заболеванием центральной нервной системы – основным откликом на «исключительность случая» будет попытка вывести его за границу норм и правил и тем самым объяснить невозможность его существования в рамках действующего социального порядка.

Инклюзивные различения, согласно У. Беку, дают совсем иной образ «порядка». Преимущества инклюзивного различения заключается в том, что оно делает возможным другое, более подвижное [...] понятие «границы». В этом случае «границы возникают не путём исключения, а благодаря особым образом закрепленным формам «двойной инклюзии». Кто-то принимает участие в очень многих различных кругах и тем самым себя ограничивает. В рамках инклюзивных различений границы, таким образом, мыслятся подвижными, что делает возможным взаимное переплетение лояльностей» [Бек, 2001. С. 96-97]. На наш взгляд, подобные свойства инклюзивного различения сослужат добрую службу различным инклюзивным политикам, которые, в таком случае, будут представлять некоторое поле для установления новых границ и обнаружения новых лояльностей именно с позиции дополнения, включения, инклюзии.

Несмотря на давно ведущиеся дискуссии о том, что сама концепция национального социального государства и справедливости не может быть реализована одновременно с политикой «открытых дверей», ряд европейских государств в течение последних лет предпринимали попытки выработать разнообразные подходы к инклюзивной культуре социальных институтов и социальных сервисов с целью сформировать основу для социальной интеграции в обществе.

Богатый и противоречивый европейский опыт управления культурным многообразием на уровне социальных сервисов был обобщен в опубликованном в 2011 г. Советом Европы Методиче-

ском руководстве «Создавая инклюзивную институциональную культуру: межкультурные компетенции в социальных сервисах» [Constructing an Inclusive ..., 2011], что стало значительным событием для исследователей, практиков, общественных деятелей, прежде всего в сфере социальной политики и прав человека. Указанный документ, на наш взгляд, может явиться важным подспорьем в части ознакомления с зарубежным опытом и накопления экспертного знания в сфере социальной инклюзии и социальной интеграции.

Кроме того, странами Европейского союза был разработан и увидел свет в 2005 г. такой инструмент мониторинга социальной инклюзии и положения мигрантов в Европе как Европейский Индекс Гражданства и Инклюзии (European Civic Citizenship and Inclusion Index) [European Civic Citizenship ..., 2005]. В значительной степени озабоченные проблемами, связанными с миграцией, страны-члены Евросоюза создали методологию, которая должна позволить в сравнительной перспективе оценивать возможности входящих в Евросоюз государств реализовать в отношении прибывающих к ним иммигрантов политику инклюзии, которая, согласно указанному индексу должна обязательно включать:

- инклюзию на рынке труда
- возможность воссоединения семей
- возможность длительного проживания на территории государства
- натурализацию
- анти-дискриминационные меры.

Приведенная нормативная рамка социальной инклюзии основывается на принципах равного доступа к социальному обеспечению, социальной справедливости, социальной сплоченности и в сравнительной перспективе должна способствовать формированию прозрачного информационного поля и позитивной конкуренции между странами-членами Евросоюза.

Еще одна совместная инициатива Европейской Комиссии и Совета Европы дает основания говорить об актуальности и насущности попыток зарубежных государств предложить различные варианты включения индивидов и групп в более широкие культурные процессы, и одновременно, развить у социальных институтов способность вовремя и адекватно реагировать на ранее невиданные вызовы культурного многообразия. Речь идет о проекте «Межкультурные города», который имеет целью развитие модели, способствующей межкультурной интеграции в различных городских сообществах.

Отличительным признаком межкультурного подхода в городах является то, что он направлен на включение в него всех жителей и придаёт особенное значение коллективной ответственности

и коллективным действиям [Межкультурные города, 2009]. В состав пилотных городов вошли Берлин-Нойкельн (Германия), Осло (Норвегия), Ижевск (Российская Федерация), Патрас (Патры)(Греция), Лион (Франция), Реджио Эмилия (Италия), Люблин (Польша), Суботица (Сербия), Мелитополь (Украина), Тилбург (Нидерланды), Ньюшатель (Швейцария).

Программа «Межкультурные города» была задумана как программа исследования действием и формирования стратегии развития, направленная на достижение достаточно широких целей:

- стимулировать открытое обсуждение, критический анализ и пересмотр политики в пилотных городах на основе межкультурного подхода к миграции, интеграции и социальной сплоченности;
- поощрить пилотные города к разработке всесторонней межкультурной стратегии для управления городским разнообразием;
- выработать модель межкультурной политики и стратегии развития вместе с методами оценки, как образец и вдохновляющий пример для других европейских городов.

Как можно видеть, в модели реализуется принцип, введенный Э. Гидденсом, который понимает индивида как активного социального субъекта, и отмечает наличие взаимосвязи между социальными институтами, которые, по его мнению, являются бессубъектными, и индивидами и их сообществами (социальными субъектами) [Giddens, 1979]. Однако необходимо отметить, что, считая социальных субъектов – агентами, следует также иметь в виду, что они «первоначально социализируются в рамках тех социальных институтов, которые уже существуют, и лишь позже, приобретя необходимый личностный и статусный ресурс, своими практическими действиями влияют на изменения социальных институтов и иных структур вплоть до их радикальных преобразований» [Как люди делают себя..., 2010. С. 16]. Иными словами, и создание инклюзивной институциональной культуры, и разработка европейского индекса гражданства и инклюзии, и мероприятия в рамках программы «Межкультурные города» - все это результаты практических действий агентов, способствующие адаптации социальных институтов под потребности культурного многообразия современного общества. Используя терминологию О. Оберемко, который, осуществляя попытку охарактеризовать категорию «люди XXI века», фиксирует основную их характеристику – это люди, «которые деятельно идут в ногу со временем» [Оберемко, 2008. С. 50], можно сказать, что именно такими людьми являются агенты, поддерживающие идеи социальной инклюзии. Мы разделяем точку зрения Оберемко, что деятельностная активность, а не разделяемые

современные ценности является надежным признаком склонности данной группы к инновационному поведению или ее отсутствию, что, в свою очередь, указывает на ее способность или неспособность участвовать в трансформации социальной среды и выступать агентом [Оберемко, 2008. С. 50].

Среди достижений таких агентов хочется отметить и проект UNICEF

«Child Friendly Cities» - «Города, доброжелательные к детям». В качестве приоритетных направлений этой инициативы заявлено создание инклюзивного общества. Организаторы и исполнители этой поддержанной в России инициативы считают, что «необходимо создать условия для максимального развития и реализации потенциала каждого ребенка независимо от его состояния здоровья, национальности, пола и других признаков» [Города, доброжелательные...]. По данным информационно-аналитического ресурса Социальный навигатор, в рейтинге 18-ти российских городов, доброжелательных к детям, на первых пяти позициях находятся Петрозаводск, Москва, Новокуйбышевск (Самарской области), Краснодар, Волгоград [РИА Новости ..., 2012].

Кроме того, нельзя не заметить, что в данном случае такими действующими социальными субъектами являются, прежде всего, экспертные сообщества и отдельные представители местных властей. То есть мы имеем дело с ресурсоемкими социальными субъектами, которые формируют и своими практиками закрепляют правила социальных взаимодействий, трансформируют институциональную среду и одновременно наращивают собственный капитал (экономический, политический, властный, капитал взаимодействия, контроль за средствами массовой информации и т.п.) [Как люди делают себя ..., 2010. С. 16].

В докладе своем докладе на мировом политическом форуме в Ярославле в сентябре 2011 г. В. Тишков позволил себе достаточно смелое утверждение, что «в целом современная Россия столкнулась с проблемой, для эффективного решения которой пока не хватает компетенции и силы государства и необходимого потенциала толерантности в институтах гражданского общества» [Тишков, 2011]. Речь идет о проблеме ксенофобии, расизма. И снова потенциал политики инклюзии не рассматривается представителем академической науки и одновременно разработчиком ряда документов государственного уровня как возможный инструмент исправления сложившегося положения.

Вместе с тем, даже участие одного Ижевска в проекте «Межкультурные города» [Intercultural Cities ...] уже внесло пусть небольшой вклад в формирование новых правил социальных взаимодействий и трансформировало институциональную среду городских ин-

ститутам, тем самым давая возможность и слабонересурсным агентам (мигрантам, волонтерам, представителям социально уязвимых групп) увидеть и почувствовать возможность перемен, повысить уровень доверия к институтам и жителям города.

Предлагаемая создателями проекта модель межкультурного города заслуживает того, чтобы она как инклюзивный проект была отражена в данной статье. Итак, что же такое межкультурный город [Intercultural Cities...]:

- *В межкультурном городе живет разнообразное население, состоящее, в частности, из представителей разных национальностей, разного происхождения, разных языков, религий/вероований. Большинство граждан воспринимают разнообразие как ресурс, а не как проблему, и согласны с тем, что все культуры изменяются, встречаясь в публичном пространстве. Городские власти открыто поддерживают уважение к разнообразию и плюралистическую идентичность.*
- *Город активно борется с предубеждениями и дискриминацией и обеспечивает всем равные возможности, приспособив свои управленческие структуры, институты и службы к потребностям разнообразного населения, не дискредитируя принципы прав человека, демократии и буквы закона. В партнерстве с бизнесом, гражданским обществом и государственными служащими межкультурный город развивает политические шаги и действия для поощрения большего смешения и взаимодействия разных групп.*
- *Высокий уровень доверия и социальной сплоченности помогает избегать конфликтов и насилия, повышать эффективность политики и делать город привлекательным и для жителей, и для инвесторов.*

Как можно видеть, подобная концепция предполагает не только наличие агентов, но и направленность их усилий, в том числе, на формирование или восстановление доверия в обществе, которое в данном случае можно рассматривать как пополнение ресурсов социальных институтов со стороны социальных субъектов [Archer, 2003].

Однако приходится констатировать, что иногда российская интерпретация вызовов мультикультурализма, на наш взгляд, может только усугубить проблему социальной исключенности, на-

пример, мигрантов. Так, попытка начать решать проблему все увеличивающегося культурного разнообразия в России (в основном за счет миграции) с принятия уже упомянутой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, дала толчок, в том числе, таким предложениям как создание специальных лагерей (кампусов) для мигрантов, где их должны принудительно адаптировать к жизни в России. Таковую идею выдвинул еще в период публичного обсуждения проекта Стратегии Заместитель Председателя Госдумы, руководитель Высшего Совета ЛДПР Игорь Лебедев [Лагерь для мигрантов, 2012]. Сегодня этот проект поддержан «Гражданской платформой» Михаила Прохорова [Прохоров готовит лагерь для мигрантов, Известия, 13.02.2012]. Очевидно, что подобного рода принудительная адаптация не может способствовать развитию инклюзивного потенциала России и, в том числе, скорее не пойдет на пользу упрочению доверия к властным институтам как со стороны мигрантов, так, вероятно, и со стороны принимающего сообщества.

Во вступительной статье к русскому переводу монографии Э. Гидденса отмечается, что в обществе, где господствует глобализация, произошла замена «чувства доверия и ответственности за порученное дело повсеместным недоверием, которое затронуло не только бизнес-структуры и повседневную жизнь, но и официальные власти, утратившие понимание того, что собой представляет общее благо и есть ли оно вообще помимо частных интересов» [Гидденс, 2011. С. 103]. Там же приводится цитата Ричарда Мюниха о том, что «общество, которое превращает все, к чему бы ни прикоснулось, в рынки, не знает никаких стабильных отношений доверия и живет в атмосфере недоверия» [Гидденс, 2011. С. 103]. На наш взгляд, для того, чтобы научиться видеть в социальной инклюзии общее благо, государству и разнообразным социальным институтам необходимо преодолеть не только «ментальную инерцию» в плане видения социальной политики как основы общества, базирующегося на интеграции его членов, но и стать более восприимчивым к новым требованиям в плане компетенций госслужащих и социальных работников, учителей и работников дошкольных учреждений, перестать бояться открытого диалога с гражданами и постепенно превратить практики социальной инклюзии в социальную норму.

Наличие доверия в современном обществе, отмеченном высоким уровнем культурного разнообразия, становится все более необходимым условием для реализации инклюзивной социальной политики и, одновременно, способствует накоплению того типа социального капитала, который Р. Патнэм называл «капиталом наведения мостов» или преодоления разрывов. Речь идет о том,

что для создания мирных развивающихся сообществ в мультикультурной стране недостаточно наличия так называемого «капитала соединения», то есть капитала, формирующегося, когда индивид социализируется с людьми, которые походят на него, например, по возрасту или вероисповеданию. В условиях культурного многообразия важно иметь второй вид социального капитала – капитала преодоления разрывов. Преодоление состоит в том, чтобы индивид смог наладить связи и солидаризироваться с людьми, которые не походят на него, как, например, фанаты другой футбольной команды, или представители противоположного политического течения. Р. Патнэм утверждает, что эти два вида социального капитала, соединяясь, усиливают друг друга и создают в обществе атмосферу доверия [Putnam, 2000].

Наличие двух типов социального капитала, таким образом, помогает индивиду испытать/установить доверие к «обобщенному другому». Как пишет О. Оберемко, обобщенный другой – это максимально абстрактный персонифицированный образ общества, членом которого индивид себя считает и по которому сверяет (настраивает, регулирует) свое социальное поведение. Доверие к обобщенному другому непосредственно связано с вопрошанием о том, как поступит среднестатистический член общества по отношению ко мне?» [Оберемко, 2008. С. 277]. Поскольку инклюзивные практики развиты в нашем обществе слабо, интеграция происходит искусственно и поверхностно, в отрыве от принятия основных ценностей и установок социального поведения, либо по большей части вообще не происходит. Такое положение не позволяет установиться в обществе климату доверия, который предполагает, что индивидуальные его члены высоко оценивают шансы того, что остальные будут выстраивать свои взаимодействия взаимно ожидаемым образом [Оберемко, 2008. С. 278].

Говоря о социальной инклюзии в рамках деятельностной парадигмы, и о доверии, как важном условии осуществления социальной инклюзии, нельзя не отметить, что «многообразие мимолетных встреч, наполняющих повседневную жизнь в анонимной обстановке современной социальной деятельности, протекают в первую очередь посредством того, что И. Гофман назвал «вежливым невниманием» [Цит. по Гидденс, 2011. С. 209-210]. Э. Гидденс отмечает, что поддержание вежливого невнимания является очень важной предпосылкой доверия, требуемого в ходе обычных встреч с незнакомцами в общественных местах. Он приводит в противовес вежливому невниманию пример «ненавидящего взгляда», которым часто в известном прошлом награждали белые жители южных штатов США на чернокожих в общественных местах. Тем самым, считает Э. Гидденс, демонстрировалось отрицание прав чер-

нокожих на участие в некоторых общепринятых формах взаимодействия белых с себе подобными, то есть было молчаливым, но достаточно ярким доказательством существования социальной инклюзии части населения на основе цвета кожи [Гидденс, 2011].

Сегодня жители больших городов, сталкиваясь с многочисленными представителями «этнических меньшинств», также, в большинстве своем, проявляют отнюдь не вежливое невнимание, а, наоборот, часто презрительное, неодобрительное, неприязненное отношение к мигрантам, одаривая их соответствующим взглядом. Исследование трудовых мигрантов в Москве, результаты которого представляет в своей публикации Е. Тюрюканова, подкрепляет такое наблюдение, подчеркивая тот факт, что «мигранты разительно отличаются от местного населения, сторонятся людей, избегают контактов с милицией и официальными организациями, работают и живут в таких условиях, которые местное население считает неприемлемыми, - всё это стимулирует отчуждение, а значит, настороженное, негативное отношение к приезжим» [Тюрюканова, 2009. С. 173].

Ряд исследователей, занимающихся проблемами мигрантов и их включения в принимающее общество, подчеркивают, что «обратной стороной стремительного роста разнообразия стало усиление тенденций к культурному и социальному размежеванию ради сохранения привычной картины мира и устоявшейся системы социальных ориентиров. [...] Разнообразие, не освоенное и не трансформированное в социальный капитал, стало опорой деструктивных процессов, о чем свидетельствуют конфликты, социальные по сути, но межэтнические и межкультурные по форме, периодически возникающие в российских городах» [Вендина, 2009. С. 46]. Помочь осуществлению такой трансформации, на наш взгляд, может как раз инклюзивная социальная политика, но при условии, что в ее реализации будут обязательно задействованы как ресурсоемкие, так и слаборесурсные агенты. Кроме того, реализация инклюзивной социальной политики должна сопровождаться дополнительным обучением чиновников и специалистов, с тем, чтобы представление о культурном многообразии российского общества трансформировалось и ассоциировалось не как с проблемой, а скорее как с достоинством и выигрышем для социального благополучия всей страны.

Пока же, по мнению Е. Тюрюкановой, «степень социальной эксклюзии мигрантов остается очень высокой. [...] Управлять миграцией в либеральном режиме, установленном новым федеральным законодательством, оказалось труднее, чем воздвигать административные барьеры. Для этого требуется большое объективных знаний о реальной ситуации, [...] а главное, готовность расстаться с

идеологией запретов и «административным восторгом» от собственной власти. Новый миграционный менеджмент должен стать не только гораздо более интеллектуальным, технологичным и взвешенным, чем теперешний, но и более гуманным и уважающим права человека» [Тюрюканова, 2009. С. 174].

Пожалуй, одним из самых показательных моментов, фиксирующих неготовность общества и его институтов к реализации инклюзивной социальной политики, является деятельность нашей полиции. Осуществленное при поддержке фонда МакАртуров недавно четырехлетнее исследование повседневной работы российских полицейских дает представление о том, каковы, в том числе, практики их взаимодействия с мигрантами и вообще представителями «этнических меньшинств» [Милиция и этнические мигранты ..., 2011].

Эмпирические материалы, отмечают авторы исследования, позволяют с уверенностью утверждать, что «институционализация дискриминационных практик милиции по отношению к лицам, принадлежащим к «этническим меньшинствам», происходит с подачи государства, которое инициирует «античеченские» или «антигрузинские» кампании, которое планирует, организует и руками милиционеров проводит операции «Паспорт» и «Нелегальный мигрант». В результате среди рядовых сотрудников милиции формируются навыки практического расизма, которые отрабатываются на самой незащищенной части иноэтничного населения страны – на трудовых мигрантах» [Милиция и этнические мигранты ..., 2011. С. 199].

Такие выводы делаются по данным, собранным в 2006-2008 гг. в Казани и Санкт-Петербурге, но им вторят полученные в Москве эмпирические подтверждения того, что барьеры на пути легализации мигрантов не работают как эффективные меры, а наоборот, дополнительно провоцируют нелегальную миграцию, которая сопровождается маргинализацией и социальной исключенностью мигрантов. Это, в свою очередь, стимулирует антимигрантские настроения в обществе, зачастую подкрепляемые сигналами официальных властей по отношению к мигрантам, которые общество получает через средства массовой информации и новые законодательные акты. На фоне исключенности мигрантов из принимающего общества, использования по отношению к ним других, гораздо более низких стандартов в работе и в быту все это поддерживает идеологию двойных стандартов и образ «человека второго сорта» в общественном сознании. Остается согласиться с тем, что «сегодняшнее отношение москвичей к мигрантам выстроено самой жизнью. Политика интеграции и включенности – вот что нужно

сегодня Москве для сохранения общественного согласия в мультикультурном пространстве мегаполиса» [Тюрюканова, 2009. С. 173].

Среди практик взаимодействия сотрудников милиции с мигрантами недавние исследования выделяют как незаконные операции по борьбе с нелегальной миграцией, которые обычно производятся сотрудниками ППС и транспортной милиции по собственной инициативе, так и регулярно проводимые МДВ официальные операции типа «Паспорт» и «Нелегальный мигрант». Подобные мероприятия подразумевают организацию облав на нелегальных мигрантов по всех регионах РФ. Такого рода облавы, проводящиеся по месту проживания или работы мигрантов, имеют официальной целью «противодействие нелегальной миграции и осуществление контроля над режимом пребывания иностранных граждан, а также законности осуществления ими трудовой деятельности» [Милиция и этнические мигранты ..., 2011. С. 197]. Однако авторы исследования, основываясь на эмпирических данных (интервью, дневники наблюдения, материалы СМИ и законодательных актов) высказывают предположение, что на самом деле «цель таких операций состоит в бюрократической необходимости МВД демонстрировать свою деятельность Администрации президента и Правительству РФ» [Милиция и этнические мигранты ..., 2011. С. 197].

Не только практики взаимодействия милиционеров с мигрантами, но и реальная кадровая политики российских правоохранительных органов скорее поощряют институциональный расизм, предубежденность по отношению к представителям некоторых «этнических меньшинств», которая характерна прежде всего для высшего руководящего состава российского МВД», а не для рядовых его сотрудников [Милиция и этнические мигранты ..., 2011. С. 616]. Поэтому достаточно слабым оправданием в плане постепенного изменения ситуации в органах МВД России служит время от времени появляющаяся на официальном сайте МВД информация о проведении семинаров и тренингов по толерантности, а также о различных мероприятиях по противодействию различным этническим фобиям [См., например, сайт МВД http://www.mvd.ru/mvd/sovet/work_sov/show_48294].

Реализация политики инклюзии на уровне кадровых решений в МВД также не представляется правдоподобной, поскольку, согласно уже указанному исследованию, «интеграция представителей «этнических меньшинств» в правоохранительные органы скорее всего только спровоцирует рост расистских установок в российском обществе. Российская милиция в настоящий момент в глазах в глазах общества не является тем институтом, который бы способствовал успешной интеграции «этнических меньшинств» в наше нетолерантное общество. Скорее наоборот, присутствие «эт-

нических меньшинств» в милиции будет поводом для роста ксенофобии, поскольку стигма «другого», «чужого», «иностранного» будет усиливать стигму милиционера» [Милиция и этнические мигранты ..., 2011. С. 618].

На наш взгляд, одним из наиболее разработанных и успешных опытов социальной инклюзии может считаться инклюзивное образование, являющееся составной частью социальной политики. Все большее внимание приходится уделять не только инклюзивному обучению детей с ограниченными возможностями здоровья, но и распространять принципы инклюзии на детей мигрантов, обучающихся в наших школах, которым предстоит пройти долгий и зачастую болезненный процесс адаптации и интеграции в местное сообщество вместе с их семьями. В основном практики и исследователи, погруженные в тематику инклюзивного образования, отмечают среди барьеров на пути к инклюзии детей мигрантов несовершенство законодательной базы, отсутствие единой системы учета мигрантов и их семей, невозможность полноценно пользоваться услугами системы здравоохранения и образования при отсутствии гражданства, высокий уровень концентрации детей мигрантов в ряде школ, наличие языкового барьера [Александров, Иванюшина и др., 2012. С. 20-21].

РАЗДЕЛ 5.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ФОКУС НА ЭТНОКУЛЬТУРНОМ МНОГООБРАЗИИ

Отражение этнокультурного многообразия в социальной политике Великобритании сегодня является не только темой целого ряда проводимых академических исследований и конференций. Значительное место занимает эта проблема в публикациях британских средств массовой информации и, более того, решением этого вопроса серьезно озабочено правительство и парламент Великобритании. Академические периодические издания, монографии ряда западных авторов последнего десятилетия, правительственные документы, представленные в том числе и на министерских официальных сайтах сети Интернет, содержат огромное число иногда совершенно противоположных точек зрения на мультикультурную природу современной Великобритании. С одной стороны, это безусловно указывает на не снижающуюся актуальность проблемы мультикультурализма в неконтинентальной части Европы. С другой стороны, это может и настораживать, поскольку столь длительные дебаты никак не закончатся, наконец, разработкой более или менее концептуальной национальной стратегии в отношении британского мультикультурализма.

Мы попытались осветить неоднозначность восприятия мультикультурализма в Великобритании и проанализировать тенденции последнего десятилетия в осуществлении правительством страны попыток приблизить мультикультурализм к категории национальной политики.

Начать с того, что большинство доморожденных британских исследователей в сфере расовых отношений и мультикультура-

лизма с трудом верят, что Великобритании есть чему поучиться в этой связи у континентальной Европы, «этой заграницы на том берегу моря» [Farvell, 2001, P.35]. Такая политическая близорукость и академическая однобокость взглядов приводит к ситуации, когда и разработчики государственных стратегий - члены правительства и парламента, независимые политики - и представители научной среды Великобритании продолжают работать под давлением концепций и идей, на глазах теряющих способность удовлетворить новым социальным, политическим, экономическим вызовам, порождаемым все увеличивающимся потоком мигрантов – экономических и ищущих убежища, поскольку в Европе последнего десятилетия доминируют именно эти категории мигрантов [Peach, 1990; Collinson, 1998; Rex, 2000; Cousse, 2000].

Дискуссии о европейском, в широком смысле этого слова, опыте, касающемся расовых и этнических отношений, довольно редки в британской литературе. Если они все же имеют место, то проблемы «остальной Европы» скорее рисуются в довольно нелестных выражениях. Проблемы других европейских стран, связанные с расовыми вопросами, иммиграцией или мультикультурализмом выставляются в невыгодном, даже негативном свете, контрастируя с относительно успешным опытом развития мультикультурализма в Великобритании [Soysal, 1994; Jenkins, 1997; Jones, 1993]. Европа зачастую преподносится как некий навязчивый политический субъект, угрожающий установить свои подходы к этой теме и, тем самым, снизить качественный уровень существующей британской политики в сфере расовых, этнических отношений и мультикультурализма [Farvell, 2001, P.35]. Стремление Великобритании убедить всех в своей уникальности в части решения вопросов этнокультурного многообразия привело к тому, что, как отмечает тот же Adrian Farvell, «доминирующие концепции и теории, используемые ведущими специалистами для объяснения происходящих в Великобритании этнокультурных, расовых процессов, оказались сами по себе сильно политизированным продуктом системы взглядов, поддерживающих отличительность британского мультикультурализма. Таким образом, британские ученые сами являются частью той проблемы, которую пытаются диагностировать» [Farvell, 2001, P. 36]. Однако, нельзя не сказать, что в связи с растущим вовлечением в последнее десятилетие британских ученых в кросс-европейские исследования и кросс-культурные научно-исследовательские сообщества, появился ряд работ, затрагивающих наряду с более знакомым британским контекстом и общеевропейский взгляд на мультикультурализм и этническое многообразие [Wrench and Solomos (eds.), 1993; Rex and Drury (eds.), 1994; Miles and Thränhardt (eds.), 1995; Modood and

Werbner (eds.), 1997] Вместе с тем, вызывает озабоченность тот факт, что лишь небольшое число ученых озадачились тем, что они продолжают продвигать значительные теории и концептуальные инновации, которые никогда не были последовательно, в явном виде применены в каком-либо другом национальном контексте. Другими словами, предлагая свои теории в качестве наиболее позитивного решения вопросов мультикультурализма, британские авторы не верифицировали их за пределами узко национального контекста, не боясь, что созданные ими подходы могут быть фатально ограничены лишь конкретной страной и конкретной ситуацией.

Самые искушенные в вопросах мультикультурализма, культурного многообразия и роли современных государств в гармонизации этнокультурных отношений исследователи считают необходимым отметить, что современные подходы к решению указанных проблем испытывают на себе воздействие некоторых ставших фундаментальными постулатов, которые не предопределяли академические изыскания подобного рода домодернизационного периода [Young (ed.), 1998, 1999; Guibernau and Rex (eds.), 1997; Kymlicka, 2001] Заключаются эти постулаты в следующем. Основное условие (в которое мало кто верил в середине прошлого века, но которое сегодня признается практически безоговорочно) состоит в том, что культурный плюрализм является устойчивым атрибутом современных государств. При ближайшем рассмотрении, в подавляющем большинстве государств-наций в нашем глобальном сообществе обнаруживается значительное внутреннее разделение, основанное на этничности, расе и религии. Значимость и серьезность этих различий в социальных и политических процессах различна и велика, так же как и степень политизированности и социальной активности этнических сообществ внутри государств. Одновременно, больше нет оснований цепляться за мнение, что процесс, именуемый модернизацией, и включающий в себя расширение коммуникационных сетей и средств массовой информации, урбанизацию, повышение образовательного уровня и уровня грамотности, углубляющуюся и усложняющуюся экономическую активность и социальную стратификацию неизбежно ведет к углублению уровня ощущения принадлежности (привязанности, присоединения) к «нации», определяемой государством пребывания (проживания), или к эрозии этноса, расы или религии, отделенной от нациеобразующего государства. Наиболее вероятно и более часто встречается, скорее, обратное: социальные изменения приводят к еще большей вариативности и созданию более сплоченных различных групповых, в том числе этнических идентичностей. Кроме того, не следует упускать из вида, что этно-

культурные сегменты сами по себе являются эволюционирующими субъектами, изменяющимися под действием жерновов социальных процессов и политической борьбы. В то же время, сами идентичности обычно неоднородны, обладают сложной, многослойной структурой. Они не одинаковы в каждой этнической группе и по-разному ощущаются и переживаются каждым индивидуальным членом группы [Антонова, 2003. С. 115].

Как нормативную посылку следует принять и то, что культурное разнообразие требует прежде всего признания, нежели критической оценки. Логика этого постулата такова, что более раннее допущение, что единственное здоровое, гармоничное и устойчивое равновесное состояние, в котором может находиться государство-нация, это состояние гомогенности – должно быть развенчано. «Этнические чистки» прошлого века свидетельствуют о глубокой моральной ущербности постулата о благодати гомогенизации. Однако, логически вытекающее отсюда противоположное суждение о том, что государства должны стимулировать и усиливать различия, которое высказывается некоторыми защитниками мультикультурализма, никакого особого одобрения не находит. Иными словами, несмотря на то, что государства заинтересованы в том, чтобы снискать доверие своих граждан, это не должно быть – а в современном мире – не может быть – сделано насильственным образом.

Принимая во внимание два указанных постулата, отметим, что социальная политика в таком случае должна инкорпорировать атрибуты культурного плюрализма современных государств как можно полнее. Это, в свою очередь, сбудет свидетельствовать и в пользу второго постулата, отражая признание этнического многообразия Великобритании на государственном уровне.

Итак, каково же на сегодняшний день представительство различных групп, относимых к этническим меньшинствам, в Великобритании? Согласно данным последней переписи населения, прошедшей в Великобритании в 2001 году, 7,9% общего населения, относят себя к группе этнических меньшинств. Самой многочисленной группой являются выходцы из Индии, далее следуют пакистанцы, люди со смешанным этническим происхождением, темнокожие представители стран Карибского бассейна и Африки, уроженцы Бангладеш. Статистические данные свидетельствуют, таким образом, что за десятилетие, прошедшее между двумя переписями, с 1991 по 2001 год, рост населения, причисляемого к этническим меньшинствам, составил 53% - с 3,0 миллионов в 1991 до 4,6 миллионов в 2001 году. Самая высокая концентрация этнических меньшинств отмечена в столице – лишь немногим больше 50% жителей Лондона сообщили при переписи, что они «белые

британцы» [Office for National Statistics, Census, April 2001]. Здесь нам бы хотелось оговориться, что данная статистическая справка представляется нам ценной не только сама по себе, как иллюстрация количественного наполнения атрибута культурного плюрализма современной Великобритании, но, прежде всего, как показатель все возрастающей потребности правительства в учете и признании этого факта на государственном уровне. Ведь выработка, например, социально и культурно обоснованного подхода к выявлению через перепись различных категорий этнических меньшинств также является частью социальной политики, проводимой на национальном уровне и принимающей мультикультурализм не только *de facto*, но и *de jure*.

В этой связи нужно сказать, что перепись 1991 года была первой в истории Великобритании, положившей начало сбору информации о вероисповедании граждан. Этот важный компонент мультикультурализма ранее никак не фиксировался в государственном масштабе. Такой стандарт, касающийся и религиозных убеждений, и этнических корней населения, прежде всего был положительно воспринят правительственными агентствами, выполняющими статистические исследования национального масштаба, и начавшими с 1995 года осуществлять мониторинг этнических групп в стране. Однако все возрастающее число представителей этнических меньшинств, населяющих Великобританию, их явная неоднородность, привели правительство к решению, чтобы значительно видоизменить вопрос, касающийся этнической принадлежности граждан, в переписи 2001 года. Впервые в опросные листы была введена категория «смешанного» происхождения, что подразумевает наличие у гражданина родителей различных рас или/и этнических групп [Office for National Statistics, Census, April 2001].

К сожалению, приходится констатировать, что число представителей различных этнических групп, «невидимых» для официальной статистики, скорее всего будет с каждым годом расти. Это прежде всего беженцы, а также ищущие политического убежища. По некоторым оценкам, на конец 1999 года около 68 000 человек прибыли в Британию с целью получить убежище. Самые высокие пропорции среди них составляют выходцы из бывшей республики Югославия, Сомали, Шри-Ланки, Афганистана, Пакистана, Турции, Китая, Колумбии, Румынии, Албании, Чешской республики, Хорватии, Ирака и Польши [Aspinall, 2000, P.114]. Неспособность правительства справиться с таким наплывом беженцев приводит к тому, что многим из них придется пробыть здесь в течение как минимум нескольких лет, ожидая рассмотрения поданных ими прошений [Антонова, 2003. С. 117].

Очевидно, что наличие в стране значительного количества как недавних иммигрантов, получивших определенный официальный статус, так и тех представителей этнических меньшинств, которые уже прожили здесь несколько лет, требуют от правительства уделять особое внимание вопросам предоставления услуг сферы здравоохранения этим категориям лиц, вопросам обустройства их жильем, проблемам занятости и образования. Между тем, такая очевидность для некоторых лиц, непосредственно занимающихся выработкой, в том числе и социальной политики Великобритании в парламенте, становится причиной для более, чем резких заявлений в адрес ищущих убежища в этой стране. The Gardian приводит следующее высказывание члена Парламента от Yorkshire East Джона Тоуненда: «Наше однородное, гомогенное Англо-Саксонское общество оказалось сильно подорванным массивной иммиграцией, ... которая имеет место с момента окончания второй мировой войны... На мой взгляд, единственное правильное решение, которое может быть принято в отношении ищущих убежища, это как можно скорее выслать их обратно» [The Guardian, 28/03/01]. Вообще, последний год ушедшего тысячелетия и следующий за ним 2001 год – год всеобщих выборов в Великобритании - с новой силой обострили вопрос мультикультурного будущего Британии. Именно в 2000 году публикуется доклад Биху Пареха «Будущее мульти-этнической Британии», явившийся результатом работы одноименной Комиссии и вызвавший взрыв патриотического негодования граждан Великобритании. Наибольшее неприятие у общественности вызвали предположения автора доклада о том, что по самой своей сути так называемая «британская идентичность» всегда была глубоко расистским понятием [Parekh, 2000]. В казало бы бесконечном предвыборном марафоне вопросы мультикультурализма, расы, этничности стали центральным лейтмотивом. Правые облекали свою заботу о чистоте британской этничности в форму нависшей над Великобританией угрозы «эрозии Британского Англо-Саксонского культурно-исторического наследия» [Alexander and Alleyne, 2002, P. 542]. Их представитель Вильям Хейг, активно предостерегал избирателей от голосования за Тони Блэра, говоря, что «Британия после второго срока пребывания Блэра на посту Премьер министра превратится в чужую, не знакомую для нас страну» [The Guardian, 5/03/01]. В той же речи он предлагал упрятывать беженцев, ищущих убежища за решетку, дабы с ними было меньше проблем... Однако, в целом все партии разыгрывали карту «классной и кругой мультикультурной Британии» [Alexander and Alleyne, 2002], цинично и открыто маневрируя своими идеями и стараясь заручиться поддержкой как можно большего числа «этнических» голосов.

Таким образом, мультикультурализм как социальное явление в Великобритании, с одной стороны, оказывается заложником сильно политизированного общественного мнения и порой нечистоплотного поведения самих политиков, с другой стороны, уже как элемент социальной политики, мультикультурализм пока не в состоянии получить необходимой теоретической и практической поддержки, поскольку скорее подвергает этнические различия критической оценке, нежели способствует их принятию в обществе в целом, и их гармонизации.

Современных исследователей британского мультикультурализма сложно однозначно классифицировать либо как его защитников, либо как его оппонентов. Причина этому довольно объяснимая. Несмотря на поддерживаемую в обществе идею уникальности британского мультикультурализма, ученые, отмечая очевидную неоднозначность этого понятия, совмещают в своих теориях разные видения и подходы. На недавнем, прошедшем в ноябре прошлого года в Лондоне научно-практическом семинаре «Attention Seeking: Multiculturalism and the Politics of Recognition», Кеннан Малик, автор известной в Британии книги *The Meaning of Race*, заметил, что «следует рассматривать мультикультурализм в Британии, во-первых, как образ жизни, и, во-вторых, как идеологию» [Malik, 2002]. Те самые критические суждения в адрес норм и ценностей «других» этнических групп, которые возникают при анализе этнических различий, автоматически превращаются при образе жизни, называемом мультикультурализмом, в толерантность и уважение к этим различиям, по мнению Малика. Поэтому, согласно его позиции, мультикультурализм как форма социальной регуляции вполне срабатывает и заслуживает поддержки и доверия. Совсем иное отношение к мультикультурализму как идеологии общества и государства. Такой мультикультурализм, замечает Кеннан Малик, не работает, и процесс создания общества равных возможностей под флагом такого идеологического мультикультурализма не реализуется на практике [Malik, 2002].

Еще более углубиться в сложную «материю» мультикультурализма побуждают работы известной журналистки, аналитика, вице-президента Ассоциации Объединенных Наций в Великобритании Ямин Алибаи-Браун. Ее опыт в исследовании проблем этнокультурных отношений в Великобритании огромен, авторитет в академической и журналистской среде высок. При этом, даже такой искушенный в вопросах мультикультурализма специалист приходит в своих работах к полярным выводам по поводу полезности и возможности применения мультикультурализма в качестве принятой на национальном уровне политики в Великобритании. Так, в своей книге *True Colours: Attitudes to Multiculturalism and the*

Role of the Government, Алибаи-Браун, опираясь на данные проведенных ею исследований, показывает, что правительство должно занимать лидирующее положение в стране по вопросу преодоления расовых и этнических негативных стереотипов, сложившихся у значительной части населения Великобритании. Именно правительство, а также политические лидеры, подчеркивает автор, должны создавать и поддерживать позитивное отношение белого населения Великобритании и населения в целом к этническим меньшинствам и мультикультурной природе британского общества. Однако, как неоднократно отмечалось многими аналитиками, вместо этого и лейбористы, и консерваторы оказываются заложниками общественного мнения, вместо того, чтобы гармонизирующим образом влиять на развитие мультикультурализма в стране [Alibhai-Brown, 1999, P.17]. Мультикультурализм может стать, по мнению Алибаи-Браун, тем недостающим звеном в государственной политике, которое поможет создать сплоченное общество, прежде всего решая вопросы иммигрантов с точки зрения социальной политики, то есть вопросы обеспечения их работой, жильем, доступным образованием, услугами здравоохранения. В случае применения на практике такой стратегии в течение нескольких лет, правительству удастся сформировать положительное восприятие населением Британии как мультикультурного общества [Alibhai-Brown, 1999, P.2]. Автор призывает «обращаться с мультикультурализмом аккуратно», при этом с достаточным оптимизмом показывает, как мультикультурализм уже послужил делу создания общества «равных возможностей, в котором преобладают признаваемое культурное разнообразие и атмосфера взаимной толерантности» [Alibhai-Brown, 1999, P.22].

Вклад представителей этнических меньшинств в современную жизнь Великобритании не ослабевает, а напротив, становится все более весомым и проявляется как в экономике, политике, государственной службе, ряде социальных отраслей - медицине и образовании – и, кроме того, в культуре и искусстве. Значительное число британских миллионеров, так называемых «self-made millionaires», являются выходцами из этнических сообществ, 23 % докторов, имеющих сертификаты Национальной Службы Здравоохранения Великобритании имеют не британские корни [Alibhai-Brown, 1999, P.17].

Разумеется, если на уровне ежедневного предоставления государственных услуг населению проблемы расы, этнических различий определенным образом и довольно успешно нивелируются, это еще не повод считать, что социальное неравенство и неучастие ряда этнических меньшинств в полноценной общественной жизни совершенно побеждены в Великобритании. Как только дело каса-

ется вопросов, связанных с властью, принятием решений, влиянием на развитие государства, тут, например, британцы с темным цветом кожи и выходцы из Азии имеют чрезвычайно слабые позиции. Из 651 члена Британского парламента только 6 являются представителями этнических меньшинств. Мы также не найдем представителей этнических меньшинств в Верховном суде, среди редакторов национальных газет, среди полицейских офицеров высокого ранга в Великобритании [Black to Black, 1996].

Многослойность, неоднозначность проблемы мультикультурализма также осложняет восприятие этнического многообразия населением Великобритании. Выступая с речью на праздновании двадцатилетнего юбилея принятия Закона о Расовых Отношениях в Великобритании (1976) Министр иностранных дел Великобритании Джэк Стро отметил, что «сегодня мы являемся свидетелями результатов введения законодательства о расовых отношениях лейбористским правительством в 1976 году. Это несомненно послужило продвижению курса расовой интеграции в британском обществе. Закон не только изменил правовые рамки предотвращения дискриминации по признаку расы и цвета кожи, но также преуспел в вопросах изменения отношения общественности к этим вопросам» [Straw, 1996].

Между тем, научный проект, осуществленный Институтом Исследования Государственной Политики, не умаляя роли и значимости Закона о Расовых Отношениях в части сдвигов в общественном сознании британцев, в то же время представил более комплексную картину произошедших изменений. Несмотря на то, что наиболее воинственные и грязные призывы расистского толка, полные предубеждений и устаревших стереотипов, сегодня стали социально неприемлемыми, общественное мнение еще не достигло того прогрессивного максимума, когда мультикультурная, мультиэтническая Британия будет получать безоговорочную поддержку. Существующие на сегодня социально-политические стратегии, к сожалению, не преуспели в вопросах установления взаимных позитивных взглядов между белыми британцами и членами сообществ этнических меньшинств, что совершенно необходимо для создания сплоченного, равноправного, мультикультурного общества [Alibhai-Brown, 1999, P.23].

Развитие идей мультикультурализма в Великобритании, постоянная переоценка ценностей подобной стратегии на сегодняшний день привели к противоречивым результатам. Мнение некоторых ученых о возможном принятии мультикультурализма в качестве государственной социальной политики изменились радикальным образом. Так, в интервью Алибаи-Браун 23 мая 2000 года газете Дэйли Телеграф, которое было озаглавлено Почему мульт-

тикультурализм провалился?, мы уже не найдем и тени того оптимизма, который пропитывал её же монографию 1999 года True Colours. Автор теперь считает, что «наши мультикультурные программы, концентрирующиеся на мониторинге этнических меньшинств и оказании дополнительных услуг темнокожему населению и выходцам из Азии, оказываются неуместными, вызывающими разногласия и сеющими распри между представителями этнических сообществ. <...> Мультикультурализм, таким образом, противопоставляет все существующие этнические сообщества друг другу» [Daily Telegraph, 23/05/2000]. Проблема здесь, на наш взгляд, не только в том, что сегодня мультикультурализм видится как нечто совершенно необходимое для этнических меньшинств и абсолютно бесполезное и даже вредное для белого населения Британии. Алибаи-Браун отмечает, что «белые граждане не видят смысла для себя в мультикультурализме, наоборот им кажется, что это только нечто, специально разработанное для цветных жителей Великобритании. Англичане раздражены тем, что их этничности не уделяется внимания, она практически игнорируется, тогда как другие идентичности – уэльсцы, шотландцы, хинди, другие – приветствуются и развиваются» [Daily Telegraph, 23/05/ 2000]. Очевидно, что проблема белого большинства и принятия или отвержения им мультикультурной Великобритании осложняется тем, что само белое население страны далеко неоднородно. Здесь также встает серьезный вопрос о соотношении этнического многообразия и этнической идентичности в рамках британского мультикультурализма. В своей лекции Перспективы мультикультурализма, прочитанной 9 ноября 2000 года в Лондонской Школе Экономики и Политических Наук, Алибхай-Браун приходит к выводу, что, если идентичность, и прежде всего – этническая идентичность – имеет дело с «похожестью», «тождеством», «сходством», то этническое многообразие по определению находится в разночтении с идентичностью [Alibhai-Brown, 2000, <http://www.fathom.com/feature/122364>]. Таким образом, пытаться построить сплоченное общество, создать национальную британскую идентичность с помощью мультикультурализма, который в Британии предполагает расцвет этнического многообразия, затруднительно.

Однако, на наш взгляд, делу создания толерантного отношения ко всем этническим меньшинствам, а так же развитию стратегии равного доступа этнических меньшинств к рынку рабочей силы, услугам образования, здравоохранения мультикультурализм в Великобритании способствовать может.

Анализируя трансформацию идей о мультикультурализме в Великобритании и возможности оформления этой идеи в вариант государственной социальной политики, хотелось бы отметить дей-

ствительное отличие Великобритании от большинства европейских стран с позиции осуществляемой в страну иммиграции. Страны севера Западной Европы, принимавшие с большим желанием экономических иммигрантов из Восточной Европы и стран с юга Европы в качестве дешевой рабочей силы после второй мировой войны, еще до начала 1970-х ощутили её серьезные социальные и политические последствия. Именно при причине озабоченности проблемами, которые принесла с собой иммиграция, принимающие европейские страны вскоре после нефтяного кризиса 1973 года прекратили набор иностранной рабочей силы. Но кроме приостановленной экономической, трудовой иммиграции продолжалась и увеличивалась иммиграция беженцев, ищущих убежища, и к концу 70-х годов прошлого столетия стало очевидным, что новое население иммигрантов останется в западной Европе навсегда [Castles S. et al., 1984].

Несмотря на то, что и Великобритания, и другие страны Западной Европы обладали определенной этнической неоднородностью сами по себе, реакция общества и государства на тот национальный, этнический, культурный плюрализм, который принесли с собой послевоенные иммигранты значительно отличалась от реакции на особенности внутренних этнических меньшинств. Иммигрировавшие меньшинства не имели территориальных претензий, поэтому реализация и признание их разнообразия не могли быть решены государством за счет децентрализации и предоставления административной автономии. Совсем наоборот, интеграция иммигрантов оказывала значительное воздействие на все общество в целом. Стремление иммигрантов не заключалось в том, чтоб их воспринимали как просто осуществляющих вклад в экономическое, социальное и политическое развитие принимающих государств. Основное желание иммигрантов заключается в том, чтобы быть объединенными между собой особым социально-экономическим, правовым и политическим статусом, и непременно быть ассоциированными с культурной или расовой идентичностью, имеющей корни за пределами Европейского этнокультурного контекста [Perotti, 1994].

Разделяя общую озабоченность по поводу интеграции иммигрантов, различные страны и различные государственные институты в этих странах применяют множество подходов к решению этого вопроса. Само понятие интеграции применяется обычно для обозначения множества процессов в спектре от социальной и культурной ассимиляции меньшинств до защиты и воспроизводства отдельных этнических идентичностей. Небольшое число стран, например Франция и Федеративная Республика Германии, приняли и исполняют ассимиляционную политику под лозунгом

«ассимилируйтесь или возвращайтесь», в то время, как Великобритания, Швеция, Нидерланды избрали в качестве интеграционной политики мультикультурализм или политику признания «мультирасового общества». Следует сказать и о том, что политика в отношении иммигрантов заметно отличается в зависимости от того, на какие именно группы иммигрантов она направлена. Эти различия могут инициироваться как идентичностью групп, к примеру, различными будут подходы к отношениям между европейцами и африканцами, и отношениям между христианами и мусульманами, так и «зрелостью» иммиграции и внутренними аспектами иммиграционной истории – здесь речь будет идти, например, об отличии постоянной «колониальной» иммиграции от иммиграции временной, на основе трудового контракта [Collinson, 1998].

Интересно заметить, что даже в терминологии, используемой в разных странах для обозначения иммигрировавших меньшинств, прослеживается, насколько этнические группы иммигрантов рассматриваются обществом и правительством как некий дистанцированный от основного мажоритарного общества класс [Wilpert, 1988. P. 3]. Так, в Британии и Нидерландах принято говорить об иммигрировавших меньшинствах как об «этнических меньшинствах», в Германии – об «иностранцах», «чужих», «иностранных со-гражданах», а во Франции о «иммигрантах» или о «населении иностранного происхождения» [Collinson, 1998. P.155].

Основным отличием послевоенной массовой иммиграции в Великобританию, определившей все дальнейшее развитие социальной политики страны, направленной на взаимную адаптацию иммигрировавших меньшинств и принимающего большинства, явился тот факт, что большинство иммигрантов были «колониальными» иммигрантами, въезжавшими в страну как британские граждане с полным набором сопровождавших гражданство прав и свобод. Действительно, «согласно Закону о гражданстве 1948 года, все граждане британских колоний и стран Содружества являлись гражданами Великобритании, могли иметь британский паспорт, въезжать в Великобританию с целью поиска работы, могли оставаться здесь жить, привозить с собой семью и при этом не служить объектом внимания со стороны иммиграционных властей. Пребывая в Великобритании указанные категории граждан обладали на равных с другими гражданами страны всеми правами и обязанностями, включая право участия в голосовании на общенациональных и местных выборах» [Антонова, 2003. С. 222].

Казалось бы, очевидность институционализации отношений иммигрантов и принимающего государства должна была незамедлительно выразить в разработке соответствующего законодательства, различных социальных мер. Однако, именно в связи со спе-

цифкой колониальной иммиграции в Великобританию этой стране потребовалось довольно много времени, чтоб наконец только в 1965 году был принят Закон о расовых отношениях, очень ограниченный по своей направленности, основное содержание которого сводилось к объявлению незаконной дискриминацию в публичных местах. Безусловно, его появление и введение в действие не могло сколь либо значимо отразиться на положении иммигрантов в британском обществе [Layton-Henry, 1984. P.134].

С тех пор, как иммигранты, прибывая в значительном количестве, начали создавать для Британии проблему, вышедшую на национальный уровень, эта проблема всегда имела расовый, а позже этнический оттенок. В обыденной жизни и на политическом уровне понятие «иммигрант» означало «человек с отличным от белого цветом кожи». Лэйтон-Генри в этой связи отмечал, что «такие характеристики, дистанцирующие не белых представителей от остального населения, никогда не применялись к <...> ирландцам, итальянцам или полякам, что показывает глубину расового предубеждения и явный потенциально политический характер будущих дебатов по вопросу иммигрантов» [Layton-Henry, 1992. P. 73]. Не смотря на то, что британская политическая элита никогда не была абсолютно свободна от расистских предрассудков, основные политические партии постоянно демонстрировали причастность к нивелированию расового и этнического неравенства в мультикультурном обществе.

В конце шестидесятых годов прошлого века с новой очевидностью стала ощущаться потребность более активного отклика государства на мультикультурные проблемы иммигрантов и общества в целом. Однако, всерьез опасаясь негативной реакции со стороны доминирующего населения, особенно со стороны белокожего рабочего класса, политики и члены правительства, не решались институционально вести на национальном уровне какие-либо программы, явно имеющие целью упрочение социального и экономического статуса иммигрантов. Вместо этого, в качестве национальной стратегии, определяющей социальную политику государства, была избрана стратегия равных возможностей, осуществляемая через принудительное анти-дискриминационное законодательство, а не через создание программ, от исполнения которых могли выиграть этнические меньшинства. Эту точку зрения правительства предельно ясно выразил министр внутренних дел Великобритании Джеймс Кэллаган, когда он в 1968 году выступил во время второго чтения в Парламенте нового законодательного акта, преследующего цель улучшить взаимоотношения принимающего общества и иммигрантов – Закона о Расовых Отношениях.

Согласно заявлению министра, «Закон касается равных прав, равных обязанностей и равных возможностей и именно поэтому это Закон для всей нации, а не только для групп меньшинств. <...> Его цель – в целом защитить общество от акций, которые приведут к социальной дезинтеграции и в том, чтобы не допустить возникновения в стране граждан «второго класса» [Layton-Henry, 1984. Р. 134]. Тогда же, в конце шестидесятых, с введением Закона о Расовых Отношениях официальный Лондон старался привить гражданам понимание, что интеграция вновь прибывших иммигрантов отнюдь «не является выравнивающим процессом ассимиляции, а должна восприниматься как стратегия равных возможностей, сопровождаемая культурным разнообразием и атмосферой взаимной толерантности» [Patterson, 1969. Р. 113]. В последнее десятилетие государственная социальная политика Британии стала описываться, как имеющая целью сформировать общество, в котором каждый «может свободно и полно участвовать в экономической, социальной и политической жизни нации, в то же время имея возможность свободно выражать и поддерживать свою собственную религиозную и культурную идентичность» [Home Office Official Site, <http://www.homeoffice.gov.uk>].

Усиливающийся и становящийся более диверсифицированным поток иммигрантов в Великобританию уже к концу 70-х годов двадцатого века не оставил сомнений в том, что существующие государственные стратегии не эффективны в своих попытках предотвратить распространение дискриминации в отношении этнических меньшинств, особенно заметное в сфере жилищной политики и политики занятости. Уже в 1976 году был введен в действие новый Закон О Расовых Отношениях, запрещающий как прямую, так и косвенную дискриминацию по всем сферах общественной жизни и, кроме того, учреждавший Комиссию по вопросам Расового Равенства в качестве института, ответственного за обеспечение скорейшего и полного введения Закона в жизнь. Именно 1976 год стал знаковым моментом на пути развития британской социальной политики, поскольку с момента принятия Закона О Расовых Отношениях (1976) и создания Комиссии по вопросам Расового Равенства основной целью этой политики стало именно активное развитие интеграции этнических меньшинств в британское общество. Вместе с тем, нельзя сказать, что с того времени в Британии достигнуты какие-либо заметные успехи в сфере искоренения этнической дискриминации, изменения предубеждения общественности относительно этнических меньшинств. Здесь нам бы хотелось отметить то факт, что иногда все же государственная политика Великобритании характеризуется как в целом мультикультурная. Происходит это благодаря достаточному простору, предостав-

ляемому для культурной автономии этнических меньшинств, а также за счет того, что в значительном числе графств местные власти придерживаются более мультикультурной линии поведения, нежели центральное правительство в Лондоне, особенно это проявляется в образовательной сфере. Однако, Великобритания до сих пор так и не сочла нужным в явном виде принять мультикультурализм в качестве своей социальной политики на национальном уровне. Некоторые исследователи мультикультурализма в связи с этим замечают, что правительство более предпочитает пассивно наблюдать за решением культурных проблем, нежели непосредственно участвовать в их разрешении [Collinson, 1998. P. 158].

На общем пессимистическом фоне ситуации с мультикультурализмом в Великобритании еще более выпукло смотрятся публикации в средствах массовой информации, связанные с вопросами адаптации этнических меньшинств в британском обществе, роли государства в их интеграции в мейнстримовское общество. Тем более, что эти публикации, как и проанализированные выше академические позиции, с одинаковым психологическим напором и одинаковой патриотичностью призывают, то считать мультикультурализм тем самым лекарством от всех социально-политических и этнокультурных бед, которое нужно современной Великобритании, то объявляют его серьезным злом, не дающим стране гармонично развиваться и покушающимся на существующую единую британскую национальную идентичность, ничего общего не имеющую с мультикультурализмом.

Ярко иллюстрирующими примерами практически полярного восприятия мультикультурализма в британском обществе, на наш взгляд являются две статьи из газеты *The Guardian*. Первая, более ранняя, опубликованная в конце мая 2001 года появилась как отклик на только что закончившиеся этнические волнения в Олджэме (Oldham – большой город к северо-востоку от Манчестера), вызванные усилением расистских проявлений в отношении выходцев из Пакистана и Бангладеш, составляющих 12% городского населения. Расовая сегрегация в отношении рабочих мест, предоставления образовательных услуг, обеспечения жильем всегда была отличительной чертой социальной политики местных властей, на которую Лондон не обращал внимания в течение долгого времени, до тех пор, как в 1989 году 14-летний школьник из Азии по пути домой не был убит точным попаданием в глаз из воздушного ружья. Полиция осталась индифферентной к случившемуся и продолжала не обращать внимание на учащающиеся насильственные акты по отношению к азиатским этническим меньшинствам. С того момента представители национальных сообществ совершенно перестали доверять полицейским и перестали

даже сообщать в полицию о совершенных против них нападениях. Точки кипения анти-расистские выступления достигли 26-28 мая 2001 года, когда представители этнических меньшинств атаковали полицейские участки и некоторые офисы и пабы Олдхэма после очередных вооруженных нападений со стороны прорасистски настроенных групп.

Обозреватель из The Guardian считает преждевременным говорить, о том, что Великобритания представляет из себя мультикультурное общество. Более того, автор «убежден, что одним из основных препятствий на пути к установлению добрых межэтнических и межрасовых отношений является мультикультурализм. На самом деле мультикультурализм провоцирует и подкрепляет расизм. Он порождает неразбериху, чувство обиды, обделенности, запуганности, поощряет разделение в обществе и не дает людям создавать разделяемую всеми национальную британскую идентичность» [The Guardian, 26/05/2001]. Тот факт, что довольно долгое время мультикультурализм преподносился как элементарная альтернатива расизму, привел к невозможности критических подходов к мультикультурализму, сделал антигосударственными разговоры об объединяющей роли одной - культуры принимающей страны. Самое печальное, что, по мнению автора статьи, мультикультурализм, приветствуя этническое, культурное многообразие, игнорирует одну единственную культурную традицию, а именно – английскую (или британскую). Тут и там в Великобритании возникают, казалось бы, незначительные знаки такого неуважения – в школах отменяются празднования Рождества, в академическом издании, рассказывающем о богатстве культур в Великобритании, ни разу не встречается слово «английский»...[The Guardian, 26/05/2001].

Наконец, апофеозом развенчания всего Британского может служить уже упоминавшийся нами Доклад Биху Пареха. После его публикации, где фактически утверждается, как считает журналист, что «иммигранты питают уважение к британскому государству, но ни к его ценностям, привычкам и образу жизни», он задается вопросом, что может быть более разрушительным для формирования смешанного, многокультурного сообщества? Что может быть более губительным для идеала мультикультурной Британии? Что же является истинной причиной приезда иммигрантов, если они на самом деле не питают уважения к британского образу жизни и британским традициям? Как можно вообще приветствовать иммиграцию людей с такими установками в сознании? Как после таких выводов должны чувствовать себя представители меньшинств лояльные ко всему британскому? Итогом статьи является заявление, что мультикультурализм служит рецептом для постоянной диффе-

ренциации, разделения и противостояния в обществе [The Guardian, 26/05/2001].

Вторая статья из того же информационного источника, только появившаяся только что, в мае этого года, написанная, кстати, обозревателем, который сам является выходцем с острова Шри-Ланка, уже своим заголовком настраивает на позитивное отношение к мультикультурализму, которое необходимо развить в Великобритании. Заголовок следующий – «Зоны изоляции. Люди всех рас виновны в разрушении истинного мультикультурализма» [The Guardian, 10/05/2003]. Положив в основу статьи собственный жизненный опыт иммигранта, автор отмечает серьезные изменения, которые произошли за последние несколько десятков лет в формировании культурной идентичности иммигрантов, в том, как они ощущают на себе воздействие мультикультурализма. Если три десятилетия назад дети иммигрантов подвергались в преимущественно «белых» школах терапии «полного культурного погружения» в их среду, то ситуация с современными детьми их этнических сообществ совершенно противоположная. Многие из них пребывают в школе в некоем «этническом микрокосме». Тогда как в недавнем прошлом ребята из этнических сообществ, подрастая, испытывали определенную неловкость в отношении как им начинало казаться ненатуральных, непривычных, странных традиций своих родителей, то сегодняшние подростки сталкиваются с обратной проблемой: они ощущают искусственную отчужденность, нежелательный отрыв от культуры той страны, в которой они должны двигаться вперед по жизненному пути [The Guardian, 10/05/2003]. После таких выводов автор вполне правомерно задается вопросом: каков именно был эффект мультикультурализма, поддерживающего и питающего расовые и этнические отношения в Великобритании? Мультикультурализм, по мнению журналиста, возможно и взрастил и взлелеял право любого человека на то, чтобы быть уникальным, отличным от других, но одновременно мультикультурализм не преуспел в том, чтобы предложить какие либо стимулы к взаимодействию разных этнических групп, их пересечению и взаимопониманию.

Экзотический мультикультурализм, который в академической литературе часто еще называют сувенирным [Fish, 1998. P. 69], заключающийся в возможности насладиться индийской кухней в одном из лучших ресторанов Лондона или латино-американскими элементами в модной одежде, это не настоящий мультикультурализм. Все это хорошо, и вы можете продолжать рассуждать на тему современной и «разноцветной» Великобритании, ни разу ни попробовав пожить в соседних домах с общим забором с

тем, кто говорит на другом языке или как-то по-другому молится Богу.

Так кто же на самом деле оказывается в зоне изоляции? Иммигранты, формирующие определенные территориальные кластеры в крупных городах, или белое население, которое стремится покинуть эти районы как можно скорее? Сегодня значительный отток среднего класса европейской расы из городских районов в пригороды становится чем-то вроде городского ритуала. Однако такое явление в последнее время перестает быть односторонним, и представители этнических меньшинств, как только повышается и крепнет их благосостояние, тоже стремятся переехать из центральных районов Лондона и других городов. Причиной тому, не столько азиатское или чернокожее население, а неудовлетворительное обслуживание со стороны властей, жалкий спектр услуг, предоставляемых местным правительством, некачественное образование в плохих школах, высокий уровень преступности, безучастность полиции. Результатом является рост числа целых фактически изолированных от остального общества городских районов и территорий с пониженным уровнем благосостояния. Статья заключается выводом, что «настоящий, истинный мультикультурализм, и это то, за что мы (граждане Великобритании – примеч. автора) ратуем, не может быть предоставлен сам себе. Мультикультурализм должен стать основной целью социальной политики, а не просто радужной перспективой» [The Guardian, 10/05/2003].

На наш взгляд, точки зрения, высказанные в обеих статьях и с первого взгляда практически полярные, можно примирить, если действительный мультикультурализм обратиться в действующую социальную политику на национальном уровне. Ведь, если не согласиться с первым предположением о пагубности уничтожения «британской идентичности», то придется ответить на вопрос, логически вытекающий из второй иллюстрации - почему тогда британцы не считают своим долгом поддерживать все британское на высшем уровне и в тех частях страны, где процент этнических меньшинств значителен? Разве в районах, где живут азиаты и чернокожие – уже не Великобритания? Если британцы хотят продолжать гордиться своей нацией, мультикультурализм также должен составлять основу этой гордости, и для европейцев, и для этнических меньшинств, населяющих Британию.

В плане продолжения анализа опыта Великобритании в управлении многообразием, представляется интересным рассмотреть вклад в межкультурную интеграцию такой организации как Британский Совет.

РАЗДЕЛ 6.

БРИТАНСКИЙ СОВЕТ: МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ МНОГООБРАЗИЕМ

Всякая интеграция подразумевает, как минимум, желание узнать специфику другой культуры, а также психологическую готовность к положительному восприятию культурного разнообразия. Сфера межкультурного общения является одной из наиболее динамичных в социальном пространстве, поскольку усиливающаяся фрагментация последнего дает все новые импульсы и направления развитию межкультурного взаимодействия.

Так, еще несколько лет назад, понятие толерантности имело максимально положительную окраску как для населения в целом, так и для членов академического сообщества. Однако сегодня обсуждается позиция, которая отводит толерантности в «пирамиде возможных реакций на разнообразие» вовсе на самую высокую позицию, определяя ее лишь как ступень к позитивному отношению к культурным различиям [Fletcher, 2003. P. 232].

На рисунке (см. стр 92) представлена артикулированная пока только в западной академической литературе структура возможных реакций на различия [Fletcher, 2003. P. 233].

Как видно, толерантность в данной градации не дотягивает даже до принятия культурных различий. В толерантности нет открытой агрессии, как в позициях упразднения или игнорирования многообразия, которые призывают к разрушению культурных различий и также соответствуют отказу индивида даже обсуждать вопрос о различиях с последующим заявлением, что «таких различий не существует».

Согласно мнению автора данной концепции «парадокса различий», имплицитный посыл толерантного отношения к различиям таков – «Мне не нравится «твое» отличие, я бы предпочел не иметь с ним дело, но поскольку это различие «дано свыше», кто я такой, чтоб не примириться с этим?» [Fletcher, 2003. Р. 233]. Открытой агрессии нет, но смысл все же негативный – неприятие, непонимание различий.

На наш взгляд, межкультурная интеграция, определяющая основную цель и миссию Британского Совета, возможна лишь в том случае, когда внутри организации достигнут уровень уважения и высокой оценки культурных различий. Через понимание, через движение от симпатии к эмпатии, индивид в организации становится более инициативным в познании культурного многообразия и его богатства. Осознанное уважение и высокая оценка разнообразия предполагает также смещение фокуса от «другого», который обладает отличием, на самого себя, когда индивид задает себе вопрос - «Какие преимущества дают мне те различия? Как я могу их использовать?» Таким образом, достигнутые в организации уважение и высокая оценка культурного многообразия создает условия для более эффективного использования последнего в бизнес-целях.

Исходя из модели «парадокса различий», организации, по роду своей деятельности способствующие развитию межкультур-

ных связей и межкультурной интеграции, разрабатывают собственные стратегии, адаптированные к их организационной культуре и миссии. Эти стратегии позволяют поощрять и развивать культурное разнообразие в организации, тем самым повышая её эффективность и преуспевая в оказании услуг населению, которое, в свою очередь, также обладает значительным дифференцированным по ряду признаков, таких как пол, возраст, этничность, наличие инвалидности или серьезных заболеваний, и др.

Выделяют три основные группы стратегий, имеющих целью учет многообразия внутри организации [Rice, 2004. P. 66-86]. Разумеется, подобная классификация является достаточно условной и в реальной практике менеджмент организации обычно не остается в жестких рамках одной из стратегий, успешно заимствуя черты двух других для более полного удовлетворения потребностей своей компании в эффективном функционировании и развитии. Однако, можно все же выделить основные характеристики, которые будут отличать одну стратегию от другой.

Первый подход к разнообразию в организации можно назвать «аффирмативной акцией». Он фокусируется на справедливости и равенстве по отношению к культурному многообразию сотрудников организации, имеет четко выраженную количественную сторону фиксирующую достижение равенства возможностей через изменение организационной демографии. Подобную модель можно отнести к разряду «ассимиляционных», поскольку она предполагает адаптацию целевых групп (ранее дискриминируемых по какому-либо параметру) к существующим организационным нормам и явные различия персонала данной моделью в расчет не берутся.

Вторая стратегия организационного восприятия различий называется мультикультурным подходом. Основное внимание эта модель обращает на изучение культурных различий и их эффективность. В отличие от предыдущего, мультикультурный подход имеет качественную направленность, способствует уважению различий, создает оргклимат, где каждый сотрудник ощущает себя оцененным и уважаемым. Мультикультурную модель относят к категории моделей «учета различий», так как она позволяет группам сохранять собственные характеристики, и, с одной стороны, приспосабливаться к организации, с другой – приспосабливать её к себе [Rice, 2004. P.78-79].

Наконец, третий подход к культурному разнообразию в организации известен как «управление многообразием». Основой такой модели является интеграция различий для достижения более высокой организационной эффективности. Руководители организаций, использующих данную стратегию, делают акцент не на

качественном или количественном аспекте разнообразия, а подходят к нему с «поведенческой» перспективы. То есть, они уделяют особое внимание развитию у себя и у персонала специальных навыков и установок с целью организовать эффективную работу. При этом они постоянно проводят мониторинг достижения поставленных целей.

Такую модель чаще всего относят к «синтергетическим», потому что согласно ей различные группы настроены предлагать новые варианты совместной эффективной работы в плюралистичном организационном климате [Rice, 2004. P. 81].

Имея целью выяснить, какую из стратегий или их комбинацию воплощает на практике Британский Совет, мы провели в 2004 и 2005 гг. интервью с руководителем сектора «Равных возможностей и культурного многообразия» в штаб-квартире Британского Совета в Лондоне. На наш взгляд, опыт Совета послужил ярким примером стратегического подхода к вопросам культурного разнообразия в организации и дал возможность изнутри взглянуть на сложности социального, административного, психологического характера, которые любому руководителю подобного направления предстоит преодолеть, чтобы воплотить предложенную им стратегию на практике.

Важно отметить, что сектор «Равных возможностей и культурного многообразия» был создан в Британском Совете «с нуля» и руководитель сектора имела возможность в полной мере ощутить всю сложность и специфику деятельности по управлению многообразием даже в такой организации как Британский Совет, основной миссией которой является установление и развитие межкультурной коммуникации по всему миру.

Всего 7 лет назад в Британском Совете был образован сектор, который стал специально заниматься вопросами мультикультурализма, равных возможностей и культурного многообразия внутри самой организации. По данным интервью, сегодня Британский Совет является одним из самых динамично развивающихся агентств (схожих по функциям с департаментами, относящимися к государственной службе Великобритании) в части оперативного реагирования на вызовы современности, главным из которых на сегодня является усиливающееся культурное многообразие социума.

Как считает руководитель сектора «Равных возможностей и культурного многообразия», одним из фундаментальных аспектов, позволивших сделать работу сектора эффективной, является поддержка её идей и стратегии национальным правительством:

Как руководитель сектора я получаю значительную поддержку от государственного сектора, от правительства,

как в стратегическом, так и в финансовом плане. Британский Совет имеет одну треть своего финансирования от Министерства иностранных дел Великобритании. В любом из 109 офисов Британского Совета по всему миру можно найти "Ethnic Diversity in the UK Booklet". В нем представлен очень положительный имидж Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии как мультикультурного общества.

Постоянно поддерживать интерес к вопросам мультикультурализма и культурного многообразия в любом из офисов Британского Совета, подтверждать с фактами в руках достоинства мультикультурного организационного климата, обеспечивать неуклонное продвижение идеи управления культурным многообразием – вот о чем должны, в первую очередь, с точки зрения респондента, беспокоиться руководители подобных отделов и секторов. Развитие межкультурных связей на международном уровне означает для Британского Совета необходимость постоянно иметь на повестке дня вопросы культурного многообразия в любом из его офисов. Следуя принципам развития открытых, демократических и подотчетных гражданам правительственных институтов, Британский Совет стремится обеспечивать гендерное равенство, соблюдать права человека, социальную справедливость во всех направлениях своей деятельности – в оказании образовательных услуг, в функционировании информационных центров, в работе бок о бок с правительством и неправительственными организациями [Bartels-Ellis, 2002. P. 40].

По словам руководителя сектора «Равных возможностей и культурного многообразия», львиную долю успеха в управлении культурным многообразием в любой организации, в том числе и в Британском Совете, аккумулирует та компания, лидеры которой осознают стратегическое значение культурных различий в бизнесе и в управлении.

Лидеры направлений, руководители организаций обязательно должны поддерживать идею управления многообразием. Только при их помощи Вам удастся изменить отношение коллектива к этим сложным вопросам. Наличие значительной «руководящей роли» является необходимым условием продвижения управления многообразием как стратегии Вашей организации. Вы должны роводить дискуссии, обсуждать эту тему с разных сторон, с разными людьми, занимающими разные позиции в организации. Это, в свою очередь, потребует от Вас лично немалых усилий и значительных навыков эффективной

коммуникации. Но все эти обсуждения могут ни к чему не привести, если олько у Вас как у руководителя не будет права сказать в один прекрасный момент: «Вот такую стратегию управления культурным многообразием Мы считаем ПРАВИЛЬНОЙ для нашей организации. Это не обсуждается. ЭТО ТО, ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ».

После того, как руководитель по направлению мультикультурализма и культурного разнообразия заручается поддержкой руководства организации, ему необходимо разработать стратегический взгляд на вопросы разнообразия. Отношение к управлению многообразием в организации как к стратегической задаче позволит не только аккумулировать средства на решение этих вопросов, но и даст возможность осуществлять постоянный мониторинг и оценку осуществляемых программ и мероприятий.

Таким образом, еще она составляющая стратегии управления разнообразием в Британском Совете – «проверка на равенство возможностей» для всех направлений организационной политики и организационных практик. В нужный момент политика «подправляется», если она оказывается дискриминирующей в отношении части персонала.

Недавно я получила Award for Mainstreaming Diversity, не хочу хвалиться, но я начинала работу в Британском Совете «с чистого листа». Мне удалось привлечь внимание руководства к проблемам культурного разнообразия, удалось основать и возглавить этот сектор. Мы регулярно проводим опрос наших сотрудников, чтобы выяснить, как они относятся к многообразию и что они думают по поводу проводимой нами стратегии управления культурным многообразием. Последние данные показывают, что наш коллектив считает, что Британский Совет серьезно относится к указанным вопросам. Однако представители отдельных групп этнических меньшинств чувствуют себя хуже, чем основная масса наших сотрудников. Это анонимный опрос. Теперь нам нужно работать, чтоб проанализировать результаты опроса и исправить ситуацию.

Интересно заметить, что последнее время наряду с достаточно традиционными аспектами культурного многообразия в организации, такими как расовая принадлежность, ограниченная трудоспособность/инвалидность и гендерная принадлежность, значительным вниманием стала пользоваться такая составляющая как «work-life balance» - то есть сбалансированность жизни работника «на» работе и «вне» работы. Указанный аспект на практике часто

включает в себя другие компоненты культурного многообразия, такие, например, как вероисповедание, образование, семейное положение сотрудника.

Поскольку внедрение стратегии управления разнообразием неизбежно влечет за собой переподготовку и обучение сотрудников новым принципам, навыкам и умениям работы в мультикультурной среде организации, даже не будучи по своей должностным функциям обязанной проводить тренинги, руководитель сектора «Равных возможностей и культурного многообразия» разработала и начала проводить обучающие семинары по проблемам культурного многообразия. В паре с коллегой, консультантом по правовым вопросам, они составили «единство непохожих», объединенных общей идеей, диктуемой миссией самой организации и стратегией мейнстрима для разнообразия в Британском Совете. Она – темнокожая женщина, он – белый мужчина. Она – традиционной ориентации, он – гомосексуалист. Они оба занимают достаточно высокие административные позиции в организации. Выбор такой «культурной композиции» как нельзя лучше отвечал требованиям времени:

Персонал более склонен слушать белого мужчину, чем темнокожую женщину. Однако, когда они видят нас вместе, они понимают, что управление разнообразием лежит в основе стратегии всей организации. Мы оба являясь представителями руководства одновременно и рекрутируем новых подвижников наших идей, и являемся выразителями проблем и интересов меньшинств в организации, если это потребуется. Несмотря на то, что в наши обязанности не входит обучение персонала, все же, то, что мы делаем это самостоятельно - лучше, чем нанимать внешнего специалиста, потому что руководители изнутри знают организационную культуру, чем дышат и мыслят сотрудники, каковы их отношения к применяемой стратегии.

Семинары по «мейнстриму для разнообразия» являются обязательными согласно административному распоряжению. Однако многие не хотят участвовать в их работе. Поэтому руководство сектора «Равных возможностей и культурного многообразия» сделало их обязательными. Вводятся даже административные санкции за непосещение тренингов: если не посещал семинары - не можешь подавать заявление на другую работу, не можешь рассчитывать на повышение.

Осознавая, что продвижение идей управления разнообразием в Британском Совете за пределами Соединенного Королевства требует временных и кадровых ресурсов, руководитель сектора

«Равных возможностей и культурного многообразия» отдельное внимание уделяет работе с персоналом в офисах за границей.

Мы разработали Global Equality and Diversity Learning and Development Programme, которая фокусируется на наших коллегах за пределами Соединенного Королевства, а таких – большинство.

У нас работают 7 тысяч человек, из которых более 5,5 тысяч – в офисах за границей. Многие из них не имеют четкого представления о нашей стратегии управления разнообразием. Указанная программа ориентирована как раз на них. Мы помогаем с ресурсами и с поиском консультантов, которые могут проводить качественные тренинги по культурному многообразию в других странах, где есть наши офисы. Еще мы создали инструмент, который позволяет выработать ряд общих индикаторов, по которым можно было бы оценивать работу в направлении мейнстрима для разнообразия в наших заграничных офисах. Это Global Monitoring Framework. Эта система рекомендаций, которая позволяет осуществлять мониторинг и оценивать продвижение стратегии управления разнообразием в офисах Британского Совета за пределами Соединенного Королевства. Мы не обзываем, не приказываем делать то-то и то-то. Мы рекомендуем и даем советы, как разработать свои подходы, например, к сбору данных ко культурному многообразию и равным возможностям, как адаптировать нашу стратегию к конкретному случаю в каждой стране, где у нас есть офис».

Таким образом, по результатам проведенного с руководителем сектора «Равных возможностей и культурного многообразия» интервью, можно заключить, что Британский Совет является воплощением «best practices» в развитии стратегического подхода к управлению разнообразием в организации. Подобная стратегия обещает быть успешной, если выполнен ряд условий, а именно:

- 1) руководство организации и топ-менеджеры должны быть включены в процесс разработки стратегии. Они должны быть не только осведомлены о необходимости учета культурных различий в организации, но и должны выступать инициаторами внедрения стратегии управления разнообразием, оказывая всестороннюю поддержку административному персоналу, непосредственно отвечающему за данную сферу;

- 2) стратегия должна пронизывать все структурные уровни организации и все направления ее деятельности и внутриорга-

низационных практик, е.е. разнообразие должно являться «мэйнстримом» в организации;

3) Одной из составляющих стратегии должно быть формулирование желательных показателей репрезентации представителей различных культурных и социальных групп в штате организации. Особенно это должно касаться высшего управленческого звена и топ-менеджеров, поскольку именно на ключевых руководящих позициях особенно ярко виден недостаток культурных меньшинств;

4) постоянный мониторинг и оценка всех направлений организационной политики и организационных практик на исполнение принципа «равных возможностей» должны стать неотъемлемой частью предлагаемой стратегии. Согласно результатам мониторинга, в нужный момент политика корректируется, чтоб избежать дискриминации по отношению к какой-либо группе персонала;

5) общение, просвещение, обучение более открытому взгляду на культурное разнообразие также является одним из фундаментальных компонентов стратегии. Обязательное участие сотрудников организации, независимо от занимаемой должности, в тренингах по «мэйнстриму для разнообразия» является частью профессионального развития в Британском Совете.

Таким образом, являясь одной из самых известных в РФ и за рубежом организаций, ориентированных на межкультурную интеграцию, Британский Совет занимает лидирующие позиции в Соединенном Королевстве и на международной арене в сфере продвижения идей управления многообразием и равных возможностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разнообразие методологических подходов к понятию мультикультурализм требует разработки в концептуальном поле социологии управления дефиниций, наиболее отражающих функциональность мультикультурализма и его основные принципы. Специфика института государственной службы в том, что она носит социальный характер, воплощая комплекс социальных связей между управляющей и управляемой подсистемами социума. Вместе с тем социальная среда, в которой действуют управленческие структуры, сама по себе субъективна, формирует эти структуры, воздействует на процессы принятия и исполнения управленческих решений. Поэтому наиболее эффективным с точки зрения изучения влияния мультикультурализма на институт государственной службы представляется отнесение мультикультурализма к категориям идеологии, политики, социального фактора.

Социальными признаками мультикультурализма, оказывающими влияние на социальное управление, являются следующие. Во-первых, мультикультурализм имеет дело с социальными группами, а не с индивидами, выделенными по этническому, культурному (субкультурному) признаку. Во-вторых, мультикультурализм оперирует социальными взаимодействиями этих социальных групп между собой и с социальными институтами, в том числе и с институтом государственной службы. Эти взаимодействия основаны как на желании сохранить свою уникальную культуру и обрести различные формы автономии или самоуправления (в случае «национальных меньшинств»), так и модифицировать под себя институты и законы общества, сделать их более приспособленными и чувствительными к культурным различиям (в случае этнических групп и групп, выделенных по признаку субкультуры). В-третьих, мультикультурализм предполагает наличие высших социальных, надындивидуальных

целей, свидетельствующих о высоком уровне социальной ориентированности государства. В-четвертых, мультикультурализм обращает внимание на такие разновидности социальной идентичности, как идентичность этническая, идентичность гражданская, идентичность культурная.

Как социальный фактор, оказывая определяющее воздействие на социальное управление, мультикультурализм приводит к следующим социальным изменениям в обществе. Сместя внимание государства и его институтов от индивидов к сообществам людей, защищая и гарантируя групповые права наряду с индивидуальными, мультикультурализм позволяет различным социальным группам достичь достаточно высокого социального статуса, не отказываясь при этом от своих культурных корней. Мультикультурализм признает культурное многообразие не только в смысле этничности, национальности (а национальность в западных государствах является синонимом гражданства), а в смысле наличия субкультуры – в основном субкультуры женщин, а также субкультуры людей с ограниченными возможностями, тем самым прививая обществу толерантность, терпимость к различиям, к «инаковости» членов мультикультурного общества. Мультикультурализм расширяет полномочия и участие этнических, культурных сообществ в управлении обществом. Мультикультурализм укрепляет инфраструктуру социальных групп, содействуя процессу их институционализации и включению в гражданское общество. В мультикультурном обществе социальные функции института государственной службы становятся основополагающими функциями, определяющими успешное государственное управление и проведение социальной, внутренней, иммиграционной политики государства.

Представления современных государственных служащих как профессионалов, призванных реализовывать основополагающие направления, в том числе, социальной, этно-культурной политики, согласно нашим исследованиям не отличаются толерантностью и не свидетельствуют о сформировавшихся у чиновников мультикультурных компетенциях.

Так, русское большинство не желает видеть на управленческих должностях представителей иных национальных групп, чье присутствие актуализирует или даже усиливает мифы и обостряет национальную напряженность. Также достаточно выпукло предстает недостаточная этнокультурная компетентность муниципальных и государственных служащих, низкий уровень образованности и информированности в сфере культурного многообразия и управления этим многообразием. Отсутствие государственной идеологии, которая могла бы заменить интернационализм советских времен, а также до сих пор распространенные и продолжающиеся вос-

производиться этнические стереотипы не позволяют использовать основные принципы мультикультурализма как на концептуальном уровне в период разработки стратегии этносоциальной политики, так и на уровне социальных практик [Дробижева, 2003]. Привычка ограничивать работу в межнациональной сфере протокольными мероприятиями фольклорного характера приводит к тому, что остаются невостребованными накопленные знания и опыт по гармонизации национальных отношений и построению этносоциальной политики регионов России, отечественные и зарубежные научные разработки.

Произошедшие в России социально-экономические изменения требуют выработки новых концепций и механизмов осуществления этно-культурной, социальной и национальной политики. Формирующаяся сегодня Концепция государственной национальной политики России должна стать средоточием нормативных положений, которые позволят вывести на новый концептуальный уровень вопросы интеграции, социальной инклюзии, культурного многообразия [Антонова, Карпова, 2011. С. 122].

Являясь неотъемлемой чертой российского общества, культурное многообразие должно пронизывать основные социальные и властные институты общества, а социальное государство призвано способствовать развитию новых форм и механизмов проявления такого многообразия. Все основные принципы мультикультурализма могут быть взяты на вооружение, поскольку они вписываются не только в концепцию социального государства, но и дают раскрыться культурному потенциалу страны, служат развитию межкультурного диалога, обеспечивая России достойное место мировом сообществе.

Недостаточная мультикультурная компетентность управленческих кадров, государственных служащих высокого уровня, обеспечивающих реализацию, в том числе, культурной и социальной политики России; кадров, работающих в сфере образования и культуры, тормозят модернизацию нашего государства, поскольку не позволяют в полной мере использовать принципы мультикультурализма в образовательной, культурной, социальной политике, делая последние нечувствительными к культурному многообразию российского общества. По той же причине оказывается невостребованным богатый зарубежный опыт мультикультурализма, несмотря на то, что отечественное экспертное и академическое сообщество призывает активно его использовать, особенно для избегания уже допущенных другими странами ошибок в многогранной и сложной политической сфере мультикультурных государств.

Пребывая в плену стереотипов, помноженных на низкую мультикультурную компетентность, чиновники, представители

власти, редко обращают внимание на успешные практики общественных, некоммерческих организаций в части реализации мероприятий, направленных на поддержание культурного многообразия России, формирование общественного сознания, свободного от ксенофобии и культурных стереотипов, на просветительскую и образовательную деятельность.

Все вышесказанное зачастую приводит к тому, что требования удовлетворения потребностей в развитии культур, звучащие «снизу», остаются без внимания. Это, в свою очередь, приводит к социальным беспорядкам, выступлениям против представителей национальных и культурных меньшинств, к развитию дискриминационных и сегрегационных практик [Антонова, Карпова. 2012. С.122-123].

Реализуемый в рамках Совета Европы проект по отношениям между группами мигрантов и обществами стран их пребывания позволил сделать выводы о том, что система воспитания, социальные службы и средства массовой информации должны содействовать требованиям создания многоэтнического общества. Проекты по вопросам равных возможностей и социальной интеграции мигрантов, которые призваны улучшить понимание проблем дискриминации и расизма, уже реализуются и содержат предложения по конкретным действиям в целом ряде государств-членов [Европейская Конвенция, 2011].

Вероятно, оптимальным для России подходом к мультикультурализму может служить интерпретация его как феномена, требующего поддержания постоянного диалога различных культур с целью нивелирования социального неравенства и конфликтов, развития основ социального государства через формирование институтов, прежде всего, культурной и социальной политики, обладающих достаточной степенью поликультурной чувствительности.

Несмотря на не слишком благоприятные социокультурные, институциональные, политические и экономические условия и предпосылки формирования инклюзивной социальной политики в России, есть определенные основания полагать, что именно сегодня, в период возросшей деятельностной активности ряда групп и сообществ, будет закладываться культурная основа социальной инклюзии и социальной интеграции как принципов современного глобального общества. В условиях мультикультурного общества внимание к разного рода культурным, идеологическим, поведенческим, символическим основаниям социальной эксклюзии должно быть еще более пристальным и, с другой стороны, требовать активного участия самих меньшинств в реализации преимуществ культурного многообразия и, как результат, в усилении социальной сплоченности общества на основе принципов инклюзии. Тогда

социальные институты, не обладающие достаточными собственными ресурсами для перехода на позиции социальной инклюзии, получают от агентов необходимую подпитку в виде новых инициатив, дополнительной лояльности к инновациям, доверия, открытости, настроенности на диалог и активной нацеленности на социальные изменения.

Знакомство с опытом разработки и реализации социальной политики в Великобритании, имеющей определенный фокус на вопросах этнокультурного многообразия, позволяет предположить, что Великобритания позитивно обречена на мультикультурализм, который должен выразиться в высоких и равных требованиях к профессионализму при приеме на работу, в принятии и раскрытии различий в психологии и религиозных традициях разных этнических групп, в равном доступе к образовательным услугам и услугам здравоохранения ни в варианте «изолированных зон», а в варианте интеграции в принимающее общество. Как нам кажется, самое главное - в принятии самого существования такого общества, с его государственными и общественными институтами, взявшими на себя ответственность и заботу о мультикультурной Великобритании, об обеспечении ее гармоничного, созидательного развития. Именно на уровне государственной стратегии развития этих институтов мультикультурализм востребован и приносит значительные плоды в сфере равных возможностей и управления разнообразием.

Как можно видеть из анализа деятельности Британского Совета, достигнутые этой организацией результаты в сфере управления многообразием, прежде всего, следует, на наш взгляд, отнести на счет инициативности, креативности, профессионализма и лидерских качеств руководителя сектора «Равных возможностей и культурного многообразия», которая действует при активной и содержательной поддержке национального правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. В целом вопросы продвижения мультикультурализма, политики равных возможностей на организационном уровне оказываются безусловно зависимыми от профессионального владения топ-менеджерами конкретной организации мультикультурными компетенциями и наличием необходимых нормативных регуляторов, сконцентрированных как во внутренних нормативно-правовых документах, так и в разделах национальной политики, направленной на развитие принципов мультикультурализма в обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- А Вас достали приезжие?* // Власть. № 45 (648), 14 ноября 2005. С.10
- Абдулатипов Р.Г.* О федеральной и национальной политике Российского государства. М., 1995.
- Абдулатипов Р.Г.* Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства. М., 1996. С. 232-235
- Абрамова М.А., Гончарова Г.С.* Степени этничности как основа национальной политики // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 42-50.
- Александров Д.А., Иванюшина В.А.,* и др. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2012. С. 20-21.
- Антонова В.К.* Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 2. С. 214-230.
- Антонова В.К.* Возможность проявления мультикультурного компонента в этносоциальной политике: опыт Саратова и Перми // Вестник Института Кеннана в России. Выпуск 9. 2006. С. 54-61.
- Антонова В.К.* Госслужащий с дипломом «менеджера»: реалии профессиональной деятельности и профессиональная подготовка // В кн.: Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. Москва: РОС, 2012. С. 7879-7889
- Антонова В.К.* Женщины в системе государственной службы Российской Федерации: проблема равных и разных возможностей. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та. 2000.
- Антонова, Карпова Г.* Политика мультикультурализма на российской почве: есть ли перспективы? // Журнал исследований социальной политики. 2011. Том 9. № 1. С. 99-128
- Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности.* Науч. ред.: Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Москва: Вариант, 2012.
- Арутюнова Е.М.* Отношение к иммигрантам в России и странах Европы (по материалам Европейского социального исследования 2006 и 2008 годов) // Вестник Института Кеннана в России. Выпуск 18. 2010. С. 84-85.

Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Издательство: АСПЕКТ ПРЕСС, 1999.

Арутюнян Ю.В. Москвичи. Этносоциологическое исследование. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Микоухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2007.

Астоянц М.С., Россихина И.Г. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия // Известия Южного Федерального университета. Педагогические науки. 2009, №12.

Бек У. Что такое глобализация? / Пер с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 96-97.

Белаш В. Уроки культурного чуткого // Коммерсантъ Власть. 9 апреля 2002. С. 60-64.

Бельфиоре Э. Методологический вызов кросснационального исследования: сравнение культурной политики в Британии и Италии // Журнал исследований социальной политики, 2009. Том 7. № 1. С. 89-116.

Борисов А.А. Мультикультурализм: Американский опыт и Россия. / Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: Исследовательские подходы и интерпретации. Под ред. Г.И. Зверевой. М.: Аспект Пресс, 2003.

Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 5-17.

Бромлей Ю. В. Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977.

Булавка Л.А. Феномен советской культуры. М: Культурная революция, 2008.

Большой толковый социологический словарь: В 2 т. Том 1. М., 1999. С. 445, 464.

Бурдаков М. Убить по-русски // Профиль. № 48. 27 декабря 2010 г. С.6 – 11.

Бурдые П. Социология социального пространства М.: Институт экспериментальной социологии, 2005.

Вендина О. Культурное разнообразие и «подочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / Институт Кеннана; под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009. С. 46.

Волошина О.А. Создание письменности для бесписьменных народов//Русский язык, 2009. № 14 (565). Доступна в электронной версии газеты на сайте: http://rus.1september.ru/view_article.php?id=200901402

Высоцкая Н.А. От «универсума» к «плюриверсуму»: смена культурной парадигмы в США // Американский характер. Очерки культуры США. Традиция в культуре/ Отв. ред. Туганова О.Э. М., 1998. С. 321.

Гидденс Э. Последствия современности. Пер. с англ. М.: Издательства и консалтинговая группа «Праксис», 2011.

ГД рассматривает законопроект о контроле за расходами чиновников // РИА-НОВОСТИ. 05.06.2012 // <http://www.ria.ru/politics/20120605/665251573.html>

Глейзер Н. Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 103

Гнедовский М., Зеленцова Е. Культура в России: государственный проект или гражданские инициативы? // Центр: культурные инициативы, 2007. № 2. С.14-19.

Города, доброжелательные к детям. Буклет ЮНИСЕФ. http://www.krd.ru/files/file/semya_detstvo/buklet.pdf

Государственное управление. Словарь-справочник (по материалам `International Encyclopedia of Public Policy and Administration`). М., Петрополис, 2001.

Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю. Спилла и Харибда региональной политики // Вопросы экономики, 2008. № 2. С.83-98

Дёмкин Д. Кремль ищет мигрантам резервацию на рынке труда.// www.slon.ru/news/121510.html.

Доклад общественной палаты Российской Федерации по вопросу: Культура и будущее России: новый взгляд.//Стратегия России. № 2. 2008. http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction

Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Академия, 2003.

Дробизева Л.М. Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики / Россия: трансформирующееся общество. Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 199-221.

Дробизева Л.М. Этничность и власть: лимиты демократии и социальные практики // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 215-224.

Дробизева Л. М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Akademia, 2002.

Дробизева Л. М Политика межэтнической интеграции и адаптация мигрантов в московский социум // http://www.mdn.ru/cntnt /blocksleft /menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/lm_drobizh.html. Обращение к источнику 13.11.2012.

Европейская культурная конвенция. Доступно на сайте Совета Европы: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/018.htm>

Европейская комиссия, 1985. История культурных столиц. http://ec.europa.eu/culture/our-programmes-and-actions/doc443_en.htm

Европейская комиссия, 2011. Конкурс «Европейская культурная столица». http://ec.europa.eu/culture/our-programmes-and-actions/doc481_en.htm

Из выступления в передаче «Времена», эфир 13 ноября 2005 г., 1-й канал ТВ.

Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. Серия «Научные доклады: независимый экономический

анализ», № 205. Москва, Московский общественный научный фонд; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2008.

Институт прав человека в России / Под ред. Г.Н. Комковой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. С. 58.

Институт экономики города. Материалы, подготовленные в рамках разработки Стратегии социально-экономического развития муниципального образования «город Пермь» до 2030 года. Москва, 2010.

Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010. С.16.

Карпова Г.Г. Государственное управление и общественные приоритеты в сфере // Журнал исследований социальной политики, 2009. Том 7. № 1. С.7-20.

Карпова Г.Г. Инвалиды и культурная политика: проблемы доступности // Социологические исследования, 2010. № 10. С. 74-80.

Квалификационные требования, предъявляемые к госслужащим // Министерство здравоохранения Российской Федерации. 27.08.2012 // <http://minzdrav.gov.ru/ministry/govserv/demands>

Константинова Л.В. Штрихи к концепции социального государства // Политический и социально-экономический механизмы управления на современной этапе: Материалы научно-практической конференции, 21 декабря 1999 г., г. Саратов: Саратов, 2000. С. 22.

Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юрид.лит., 1997.

Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2002/04/57884.shtml>

Коровина А. Среднемесячная зарплата госслужащих РФ в 2011 году составила 62,6 тысячи рублей // ИТАР-ТАСС. 05.03.2012 // <http://www.itar-tass.com/c9/359158.html>

Костина А.В., Гудима Т.М. Культурная политика современной России: Соотношение этнического и национального. М: Издательство ЛКИ. 2007. С.95-96.

Куропятник А. И. Мультикультурализм: Проблемы социальной стабильности полиэтничных обществ. СПб., Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000.

Лагерь для мигрантов // Официальный сайт ЛДПР http://www.ldpr.ru/#ldpr_talks/analytics/Camps_for_migrants. Обращение к источнику 10.12.2012.

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С. 218

Лейнхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. М., 1997. С. 28

Лулул Т.Ф. Иммиграция как фактор этнических изменений в Канаде (80-90 годы) // США& Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 8. С. 100.

Макарова Г. В поисках новой модели этнокультурной политики федерального центра и регионов России (на примере Республики Татарстан) // Журнал исследований социальной политики, 2009. Том 7. № 1. С.21-38.

Малахов В. Зачем России мультикультурализм? / Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. / Под ред. В.С.Малахова и В.А.Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.

Малахов В. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты // 27.01.2012. Публичная лекция.
<http://www.polit.ru/article/2012/01/27/malakhov/>

Малахов В.С. Национальный вопрос и гражданское общество // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации. / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003.

Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: "НЛО", 2007.

Мальшева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927), Казань: Рутен. 2005.

Малева Т.А. Социальная политика должна быть дифференцированной // <http://www.hse.ru/news/extraordinary/49118276.html>. Обращение к ресурсу 03.04.2012 г.

Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 42.

Мартынюк В. Для чиновников Россия – не Родина, а место для заработка. 21.09.2012 // <http://www.km.ru/v-rossii/2012/0921/pravitelstvo-rossii/692864-dlya-chinovnikov-rossiya-ne-rodina-mesto-dlya-zarabot>

Медведев: в стране кадровый «голод», нужно менять стереотипы о госслужбе // Новые известия. 14.03.2012 // <http://www.newizw.ru/enta/2012-03-14/160648-medvedev-v-strane-kadrovyy-golod-nuzhno-menjat-stereotipy-o-gossluzhbe.html>

Межкультурные города. К модели межкультурной интеграции / Под ред. Ф. Вуда. Совет Европы. 2009. http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/cities/ICSMModelPubl_ru.pdf. Обращение к ресурсу 14.07.2012.

Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / Под ред В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. СПб: Алетея, 2011.С. 199.

Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 164.

Народы Пермского края. (история и развитие народов, этнический состав населения и т.д.). Официальный сайт Правительства Пермского края <http://www.admin.permkrai.ru/national/people/>. Обращение к источнику 14.08.2012.

Национальный вопрос в городском сообществе. Социокультурные характеристики межнациональных отношений в большом уральском городе на исходе XX века. / Под ред. О.Л. Лейбовича. Пермь: ПГТУ, 2003.

Низамова Л.Р. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России //Гражданское общество в многона-

циональных и поликон-фессиональных регионах: Материалы конф.: Казань, 2—3 июня 2004 г. / Под ред. А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2005.

Оберемко О. Общество как пространство для (само)идентификации и гражданского действия // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / Отв. Ред. Е.С. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 250.

Об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года // Известия. 1991. 27 марта.

Областная целевая программа «Развитие культуры на 2002-2005 годы» // Приложение к постановлению Саратовской областной Думы от 17.04.02., № 67-2785. Доступно на официальном сайте Министерства культуры Саратовской области <http://www.mincult.saratov.gov.ru/>

Областная Целевая программа развития и гармонизации национальных отношений народов Пермской области на 2004-2008 годы. Пермь: Администрация Пермской области. 2004.

Оболонский А.В. Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М.: Дело, 2002.

Оболонский А.В. Гражданин и государство: новая парадигма взаимоотношений и шаги по ее институционализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 1. С. 5–16.

Общая характеристика территории Саратовской губернии // www.saratov.gov.ru. Обращение к ресурсу 10.07.2012.

Объединения национальных меньшинств. Пермская область. 2001. Доступно на сайте: <http://www.indem.ru/Ceprs/Minorities/Perm/Perm09.htm>

Опубликован национальный состав Саратовской области, 2012 // <http://www.4vsar.ru/news/32376.html>.

Осинов А.Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл "управления многообразием"? // Мир России. 2008. № 1. С. 102-121.

Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 года, № 3612-1 // www.duma.gov.ru/culttur/zakon_kult/o_kulture.htm

Паин Э.А. Этнополитические маятники в постсоветской России / Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 224-230.

Паин Э. Маятник политических идей: некоторые сдвиги в социально-культурной динамике России // Вестник Института Кеннана в России. Вып.6. 2004.

Паин Э.А. Этнические проблемы в полиэтническом обществе // Профессионалы за сотрудничество. Под ред А. Кулика. Вып. 4, 2000, Институт Кеннана. С. 52-66.

Панова Е., Федорова К. Иноэтничные дети в петербургской школе: мифы и реальность (по материалам социолнгвистического исследования)

//Журнал исследований социальной политики, 2006. Том 4. № 1. С. 81-102.

Петров И. Служить людям // Российская газета. Федеральный выпуск №

4864 от 11.03.2009 // <http://www.rg.ru/2009/03/11/medvedev.html>

Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Культура России (2006 - 2010 годы)» от 08.12.2005 // <http://pravo.roskultura.ru/law/resolution>

Программа национально-культурного развития народов в Саратовской области на 2003 -2006 г. / Приложение N 1 к Постановлению Правительства Саратовской области от 30 января 2003 г. N 9-П.

РИА Новости. Социальный навигатор. http://ria.ru/social_ratings/children. Обращение к ресурсу 10.10.2012.

Разлогов К., Орлова Э., Кузьмин Е. Российская культурная политика в контексте глобализации // Отечественные записки. 2005. № 4(25) // www.culturalmanagement.ru/books/.

Рамочная программа по сотрудничеству в сфере культуры и культурного наследия между Министерством культуры Российской Федерации и Директоратом по культуре, культурному и природному наследию Совета Европы на период 2009 – 2011 годов//www.rus-eu-culture.ru/documents/655/

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.

Россия для русских или для всех россиян? // Пресс-выпуск Левада-Центра от 07.12.2009 //www.levada.ru/press/2009120702.html

Россияне о приезжих «нерусских национальностей» // Пресс-выпуск Левада-Центра от 07.12.2009. //www.levada.ru/press/2009120704.html.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеологии профессионализма и социальное государство // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 65–66.

Сакс М., Олсон Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании // Профессиональные группы интеллигенции / отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. С. 79–104.

Сизова И.Л. Социальное государство в современном обществе и динамика российской композиции социальной политики // Личность. Культура. Общество. 2006. Вып. 3 (31)

Совместная программа «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» // http://www.coe.ru/news/project/index.php?ELEMENT_ID=99

Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной *Сорокин П.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 134-135.

Социальные ориентиры обновления: общество и человек / Под. общ. ред. Т.И. Заславский. М., 1990.

Социологический энциклопедический словарь (на русском, английском, немецком, французском и чешском языках) / Под ред. Г.В. Осипова. 2000. С. 175.

Справка о численности и оплате труда гражданских служащих федеральных государственных органов (центральных аппаратов министерств и ведомств) в I полугодии 2012 года // http://www.gks.ru/bgd/free/bo4_03/IssWWW.exe/Stg/do4/plat23.htm

Тернборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. Т.1., № 1, 2001. С. 50-67

Тишков В.А. Демократические институты в полиэтнических обществах. Доклад на Мировом политическом форуме «Современное государство в эпоху социального многообразия». Ярославль, 7-8 сентября 2011 г. <http://www.gpf-yaroslavl.ru/upload/iblock/381/38182e7988a428d48270c2d0d42530da.pdf>.

Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности. М.: Институт Этнологии и антропологии РАН. 1997.

Тишков В. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» // <http://base.garant.ru/189039/>

Тросби Д. Культурное измерение развития: история, концепции, конкретные примеры // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии. М.: РИК, 2002. С. 234-244

Тюрюканова Е. Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество // Иммигранты в Москве / Институт Кеннана; под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009. С. 173.

Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" // <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 28.12.2010) «О системе государственной службы Российской Федерации» // <http://base.garant.ru/185886/1/#100>

Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 21.11.2011 с изм. от 22.11.2011) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // <http://base.garant.ru/12136354/>

Хьюз Э. Профессии // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. С. 31–46.

Фольклор России в документах советского периода 1933-1941 гг.: сб. документов // Сост.: Гринько Е.Д. и др.. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, Гос. архив Рос. Федерации, 1994.

Хьюз Э. Профессии в обществе // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. С. 47–58.

Червоная С.А. Возможно ли единство во множестве? (К проблеме американской идентичности) // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 10. С. 13.

Черкасов А.И. Этнокультурные общины и национальная самобытность Канады // США: Экономика, политика, идеология. 1998. №7. С. 83.

Чиновников оставляют без иностранной собственности // ИНТЕРФАКС. 01.08.2012 // <http://www.interfax.ru/politics/txt.asp?id=258495>

ЧП этнического масштаба // Независимая газета, 2010. 15 декабря. С.4.

Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 139–161.

Шило В.Е. Кризис канадского федерализма: под бременем конституционных противоречий // США & Канада: политика, экономика, культура. 1999. № 3-4. С. 118-127.

Шинчук Б. Общественная палата и межнациональное взаимодействие. 2 октября 2004 г. // www.kreml.org

Ярская В.Н. Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии / Сборник научных статей и научно-методических материалов. Саратов: Научная книга, 2008.

Ярская-Смирнова Е.П. Плюрализация публичной сферы: аспекты социальной инклюзии // В кн.: Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. Москва: РОС, 2012. С. 8027-8035

Aasland, A. Russians Outside Russia: the New Russian Diaspora', in G. Smith (ed) The Nationalities Question in the Post-Soviet States. London & New York: Longman, 1996. P. 477-499.

Alexander, J. Theorizing the “Models of Incorporation”: Assimilation, Hyphenation, and Multiculturalism as Varieties of Civil Participation // Sociological Theory, 2001. Vol. 19. № 3. P. 237- 49.

Aleinikoff A. Puerto Rico and the Constitution: Conundrums and Prospects // Constitutional Commentary. 1994. N 11. P. 15-43.

Alibhai-Brown, Y. True Colours: Attitudes to Multiculturalism and the Role of the Government. London: Institute for Public Policy Research, 1999.

Anderson, B. & Silver, B. Some Factors in the Linguistic and Ethnic Russification of Soviet Nationalities: Is Everyone Becoming Russian?', in L. Hajda & M. Beissinger. The Nationalities factor in Soviet Politics and Society. San Francisco and Oxford: Westview Press, 1990. P. 95-127.

Andrsen L., Pedersen L. Public Service Motivation and Professionalism // International Journal of Public Administration. 2012. Vol. 35. № 1. P. 46–57.

Antonova V. Multiculturalism in the Russian Civil Service: Operational, Governance and Performance Level Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010.

Archer M. Being human. Cambridge University Press. 2003.

- Ball M.* Stories of Origin and Constitutional Possibilities // Michigan Law Review. 1989. N 87. P. 2280-2319.
- Banting K., Johnson R., Kymlicka W. and Soroka S.* Do multiculturalism policies erode the welfare state? An empirical analysis // Multiculturalism and the Welfare State: Recognition and redistribution in contemporary democracies / Ed. by Keith Banting and Will Kymlicka. Oxford University Press. P. 52-53. 2009.
- Barker R.* The social work dictionary. 3rd ed. Washington, DC: National Association of Social Workers, 1995.
- Bartels-Ellis F.* (2002) The Sun Never Sets / Diversity Journal. Vol. 4. № 5. September/October 2002. pp. 40-41.
- Bennet D.* (ed.) Multicultural States. Routledge, 1998
- Bernstein R.* Dictatorship of Virtue. Multiculturalism and the Battle for America's Future. 1994. P. 4.
- Burnet J.* Multiculturalism , Immigration, and Racism // Canadian Ethnic Studies. 1997. Vol. 7. № 1. P. 36.
- Carrithers M.* Why Humans Have Cultures: Explaining Anthropology and Social Diversity. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- Chartrand P.* The Aboriginal Peoples in Canada and Renewal of the Federation // Karen Knop et. al. (eds.). Rethinking Federalism. Vancouver, 1995. P. 119-131.
- Chinn, J. & Kaiser, R.* Russians As The New Minority. Ethnicity And Nationalism in The Soviet Successor States. Westview Press. 1996.
- Compendium.* Cultural policies and trends in Europe /<http://www.culturalpolicies.net/web/profiles/>
- Connor W.* The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy. Princeton. 1984.
- Constructing an Inclusive Institutional Culture. Intercultural Competencies in Social Services. Methodological Guide.* 2011. Council of Europe. Available at http://www.coe.int/t/dg3/socialpolicies/socialcohesiondev/guide_en.asp
- Cultural policy: a preliminary study.* UNESCO, 1969. <http://www.unesco.org/ulis/>
- Creating an Inclusive Society: Practical Strategies to Promote Social Integration.* 2009. P.12. Доступно по ссылке: <http://www.un.org/esa/socdev/egms/docs/2009/Ghana/inclusive-society.pdf>. Обращение к ресурсу 14.09.2012.
- Davidson B.* The Black Man's Burden: Africa and the Curse of the Nation-State. New York, 1992
- Davidson C.* The Voting Rights Act: A Brief History // Grofman B. & Davidson C. (eds.) Controversies in Minority Voting: The Voting Right Act in Perspective. Washington, DC, 1992. P.46.
- Denhardt R.* The Big Questions of Public Administration Education // Public Administration Review. 2001. Vol. 61. № 5. P. 526-534.
- Dictionary of Race, Ethnicity and Culture,* edited by: Guido Bolaf, Raffaele Bracalenti, Peter Braham and Sandro Gindro, 2003.

Dreyer J. China's Forty Millions: Minority Nationalities and National Integration in the People's Republic of China. Cambridge, 1979.

Economic change and the national question in twentieth - century Europe ", Ed . by : A . Teichova H . Matis J . Patek, Cambridge (UK), Cambridge University Press , 2000.

European Civic Citizenship and Inclusion Index. Brussels: British Council, 2005. Available at <http://fpc.org.uk/fsblob/416.pdf>

European Social Policy. Options for the Union. Commission of the European Communities. Consultative document. Communication by Mr Flynn.

17 November 1993. P. 43-49. //

http://ec.europa.eu/green-papers/pdf/social_policy_options_gp_com_93_551.pdf. Обращение к рецепту 05.09.2012.

Federal Public Service Renewal – The La Relève Initiative // <http://publications.gc.ca/Collection-R/LoPBdP/EB/prb987-e.htm#REL%Do%98VE-RATIONALE>

Fletcher, B. (2003)Diversity: A Strategy for Organizational Change and Success. In Deborah Plummer (ed.) Handbook of Diversity Management : Beyond Awareness to Competency Based Learning. pp. 223-242. Lanham, MD: University Press of America.

Giddens, A. The Third Way and Its Critics. Cambridge: Polity Press. 2000.

Giddens A. Central Problems of Social Theory. London: MacMillan, 1979.

Government of Canada. Shaping Canada's Future Together: Proposals. Supply and Services. Ottawa, 1991. P.3.

Grillo R. Pluralism and the Politics of Difference. State, Culture and Ethnicity in Comparative Perspective. 1998.

Is It A Common Commitment To Respect Our Differences. Guardian, Friday, 21 January, 2005 // <http://www.guardian.co.uk/uk/2005/jan/21/islamand-britain.comment>

Intercultural Cities: Governance and Policies for Diverse Communities.

Available at http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/Cities/Default_en.asp.

Jensen E. American Indian Tribes and Secession // Tulsa Law Review. 1993. Vol. 29. P. 385-386;

Johnson G. Our English Heritage. London, 1973. P 23.

Kivisto P. Multiculturalism in a Global Society. London: Blackwell Publishing, 2002.

Kovács P. LGI Managing Multiethnic Communities Program Series / Introduction to M. Robotin and L. Salat (eds) A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe. Budapest: LGI Books, 2003.

Kymlicka W. Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford. 1995. P. 10.

Kymlicka W. Politics in the Vernacular. N.Y.: Oxford University Press, 2001.

Kymlicka W., Grin F. Assessing the Politics of Diversity in Transition Countries', in F. Daftary & F. Grin (eds) *Nation-Building , Ethnicity and Language Politics in Transition Countries*, Budapest: LGI Books, 2003.

Larson M. *The Rise of Professionalism*. London: University of California Press, 1977. P. 16–17.

Lieber G. *Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR, 1923-1934*. Cambridge: Cambridge University Press. 1992.

Levitas, R. *The inclusive society? Social exclusion and new labour*. 2nd edition. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. P.ix

Levitas, R., Pantazis, C., Fahmy, E., Gordon, D., Lloyd, E. & Patsios, D. *The multi-dimensional analysis of social exclusion*. Bristol Institute for Public Affairs, University of Bristol, 2007.

Lijphart A. *Consociational Democracy // World Politics*. Vol.21. Issue 2. P. 207-225.

Lynn L., Jr. *What is a Neo-Weberian State? Reflections on a Concept and Its Implications // http://fsv.cuni.cz/ISS-50-version1-080227_TED1_Lynn_Whats_neoweberian_state.pdf*

Mason D. *Explaining Ethnic Differences: Changing Patterns of Disadvantage in Britain*. Bristol: Policy Press, 2003.

Mason, D. *Race and Ethnicity in Modern Britain*. Oxford : Oxford University Press, 2000.

McIver D. *The Politics of Multinational States*.1998

McRoberts K. *Quebec: Social and Political Crisis*. 3rd edn., Toronto, 1988;

Mitchell A., Shillington R. *Poverty, Inequality and Social Inclusion // Social Inclusion. Canadian Perspectives*. Edited by Ted Richmond, Anver Saloojee. Fernwood Publishing, 2005. P. 13-17.

Modood T. *Multicultural Politics. Racism, Ethnicity and Muslims in Britain*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005.

Multiculturalism. A Civic Idea. Tariq Modood. Cambridge: Polity Press, 2007, *Multiculturalism and the Welfare State. Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies / Ed. by Will Kymlicka, Keith Banting*. Oxford University Press, 2006. P. 5

Olsen J. *Maybe It Is Time to Rediscover Bureaucracy // **Journal of Public Administration Research and Theory***. 2005. Vol. 16. № 1. P. 1–24.

Parekh B. *A New Politics of Identity. Political Principles for an Interdependent World*. New York: Palgrave Macmillan, 2008.

Parekh B. *Multiculturalism is a Civilized Dialogue. What Makes Us All British*
Parekh B. *Rethinking Multiculturalism. Cultural Diversity and Political Theory*. N.Y.: Palgrave, 2000.

Parekh B. *The Future of Multi-Ethnic Britain, Report of the Runnymede Trust Commission on the Future of Multi-Ethnic Britain*. London: Profile Books, 2000.

Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. NY: Simon & Schuster, 2000.

- Quan L.* Beyond a Paradigmatic View of Bureaucracy: Rediscover the Weberian Concept of Bureaucracy and its Implications // <http://www.sirpa.fudan.edu.cn/picture/article/122/cb/d6/c2b4ac86406488e07216f801c704/173d5645-1bd2-49ed-a4a6-008ba7911c26.pdf>
- Rabushka A, Shepsle K.* Politics in Plural Societies: A theory of Democratic Instability. Columbus, 1972. P. 186.
- Randma-Liiv T.* New Public Management versus Neo-Weberian State in Central and Eastern Europe. Tallinn, 2008 // http://www.cuni.cz/ISS-50-version1-080227_TED1_RandmaLiiv_NPMvsNWS.pdf
- Rice M.* Diversity And Public Administration: Theory, Issues, And Perspectives. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2005.
- Rice M.* Teaching Public Administration Education in the Postmodern Era. Connecting Organizational Culture to Diversity to Social Equity // in Mitchell Rice (ed) *Diversity and Public Administration. Theory, Issues, and Perspectives .2005.* N.Y. & London: M.E. Sharpe. pp. 66- 86.
- Royal Commission* on Electoral Reform and Party Financing. Reforming Electoral Democracy: Final Report. Vol. i and ii. Support Services. Ottawa, 1991. P. 93-96.
- Scharmann Th.* Arbeit und Beruf. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1956.
- Schlesinger A.M. jr.* The Disuniting of America. Reflections on a Multicultural Society. 2nd ed., 1992. P. 16-17.
- Silver H.* Social Exclusion and Social Solidarity: Three Paradigms // International Labour Review, Vol. 133, 1994. P. 531-578.
- Silver, H.* Understanding Social Inclusion and Its Meaning for Australia // Australian Journal of Social Issues Vol.45 No.2. 2010. P. 187.
- Smith G.* Federalism: The Multiethnic Challenge. Longman, 1995.
- Stark A.* English-Canadian Opposition to Quebec Nationalism // Kent Weaver R. (ed.) The Collapse of Canada? Washington, D.C., 1992. P. 123-158.
- Steinberg J.* Switzerland // MacIver, D. (ed.) The Politics of Multinational States. 1998. P. 163-189.
- Stratton J. and Ang I.* Multicultural Imagined Communities: Cultural Difference and National Identity in the USA and Australia // Bennett D. (Ed.) Multicultural States. Rethinking Difference and Identity. London and New York, 1998. P. 138.
- Tiryakin E.* Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non', in J. Rex Governance in a Multicultural Society. Aldershot: Ashgate, 2004.P. 1-18.
- Volard Deneke J.F.* Die freien Berufe, Stuttgart: Friedrich Vanwerk Verlag, 1956.
- Von Boch H.* Obrigkeit und Widerstand: Zur politischen Soziologie des Beamtentums. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1954.
- Weinstein J.* Aboriginal Self-Determination off a Land Base. 1986; Glazer N. Ethnic Dilemmas: 1964-1982. Cambridge, 1983.
- Wiewiorka M.* La difference. Paris: Balland, 2001.

Wilson V. The Tapestry Vision of Canadian Multiculturalism // Canadian Journal of Political Science. 1992. Vol. 26. № 4. P. 645-669.

Wolf, M. Globalization and social exclusion: Some paradoxes // Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for Labour Studies. United Nations Development Program. Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994. P. 81-102.

Young I. Polity and Group Difference: A Critique of the Ideal of Universal Citizenship // Ethics. 1999. Vol. 39. № 2. P. 258.